НЕ ЧИСЛИТСЯ

РОМАН

Если тебя нет в реестре,
кто докажет, что ты жив?

ZLOSOSIS

ZLO SOSIS

Не числится

«Автор»
2026

SOSIS Z.

Не числится / Z. SOSIS — «Автор», 2026

В Бережске исчезают не только люди. Исчезают четверги, квартиры, отражения и сами записи о том, что кто-то жил.Тимофей Руднев — младший свидетель Палаты сверки. Однажды вечером ему звонит мертвец из квартиры, которой нет, а база успевает записать мёртвым его самого.Дальше — рынок чужих концов, поезд, которого не было, и город, вынужденный доказать, что он ещё жив.

© SOSIS Z., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Заявление 5
Глава 2 24
Глава 3 46
Глава 4 71
Глава 5 101
Конец ознакомительного фрагмента. 110

Не числится

Если тебя нет в реестре,
кто докажет, что ты жив?

Часть первая. Заявление
Глава 1
В ДОМЕ БЫЛ ЛИШНИЙ ЭТАЖ

Первый труп позвонил Тимофею Рудневу в 21:14.

— Добрый вечер, — произнёс он голосом усталого человека, которому уже третий раз за день обещают соединить с бухгалтерией. — Скажите, пожалуйста, я умер по графику или это опять ошибка?

Тимофей зажал телефон плечом и продолжил размешивать растворимый кофе карандашом. Ложку в отделе сверки украли ещё в феврале. Карандаш хотя бы принадлежал ему.

— Назовите адрес, — попросил Тимофей.

— Дачная, восемнадцать. Квартира девяносто четыре. Я лежу у лифта. Голова отдельно, остальное, полагаю, на месте.

Карандаш щёлкнул о дно кружки.

— На Дачной, восемнадцать, нет девяносто четвёртой квартиры. Там восемь этажей.

— Вот и я о том же. — Незнакомец тихо вздохнул. — А ещё мне кажется, что голова должна лежать поближе к телу. У вас в правилах об этом ничего не сказано?

Тимофей открыл городскую базу. Дом № 18, постройка 1986 года, восемь этажей, шестьдесят четыре квартиры. Последняя — восемьдесят восьмая. Красная метка в правом углу карточки означала «неподтверждённое расхождение».

Метка появилась двадцать семь секунд назад.

— Не двигайтесь, — сказал он.

— Я бы с радостью.

Связь оборвалась. Вместо гудков раздался сухой, очень отчётливый звук переворачиваемой страницы.

Тимофей посмотрел на экран рабочего компьютера. В карточке дома появилась новая строка:

«ЗАЯВИТЕЛЬ: РУДНЕВ Т. А.»

«СОСТОЯНИЕ ЗАЯВИТЕЛЯ: СМЕРТЬ ПОДТВЕРЖДЕНА».

Тимофей поставил кружку мимо стола.

— Замечательно, — сказал он в пустой кабинет. — Даже умереть удалось без моего участия.

. . .

Городская палата сверки занимала четыре этажа бывшего мебельного магазина. На первом торговали страховками от событий, которых официально не происходило. На втором

сидели бухгалтеры. На третьем — люди, которым платили за то, чтобы они заходили туда, откуда все остальные старались выбраться.

На четвёртом располагалось начальство. По слухам, там имелись живые растения и сотрудники с неповреждённой психикой. Тимофей не верил ни в то ни в другое.

Девятнадцать лет назад в Бережске случилось первое Несовпадение. В переулке Ольховом обнаружили дом, стоявший на месте парковки. Через двое суток дом исчез, прихватив с собой сорок три человека и все воспоминания о них — кроме показаний одного перепуганного почтальона.

Почтальона признали сумасшедшим. Через неделю он исчез тоже.

Потом появились лестницы, которые поднимались выше крыши; автобусные остановки, где пассажиры старели на двадцать лет за четыре минуты; квартиры, в которых вчера жили семьи, а сегодня не было даже дверей. Государство сначала создало комиссию, затем чрезвычайный комитет, а когда выяснилось, что комитету тоже свойственно исчезать, — Палату сверки.

Её девиз висел над турникетом: «ВСЁ ДОЛЖНО БЫТЬ УЧТЕНО».

Кто-то дописал маркером: «ДАЖЕ ВАША СМЕРТЬ».

Тимофей работал здесь три года, два месяца и одиннадцать дней. Должность: младший свидетель расхождений. Допуск: нулевой. Полномочия: присутствовать, фиксировать, не мешать. Ежемесячная надбавка за профессиональный риск составляла сумму, на которую можно было купить или достойный гроб, или хороший холодильник. Тимофей предпочитал откладывать на второй: он всё ещё рассчитывал пользоваться им при жизни.

Среди сотрудников Палаты были люди, способные остановить движение предмета одним словом, скрепить две несовместимые поверхности, на пять секунд сделать чужую боль своей. Их называли носителями допусков. Первый был редкостью, второй — поводом для постоянных медицинских осмотров, третий — причиной, по которой семейные фотографы просили предоплату.

Тимофей не мог ничего.

Однажды на аттестации его попросили продемонстрировать талант. Он заметил, что на бланке неверно написано слово «аттестация». Комиссия поставила ему ноль и попросила больше не демонстрировать талант.

Теперь в кабинете стоял запах остывшего кофе, а рядом с его именем на экране мигала надпись «смерть подтверждена».

Он нажал «ОСПОРИТЬ».

«ДЕЙСТВИЕ НЕДОСТУПНО ЗАЯВИТЕЛЮ».

— Ну конечно.

Он попробовал отправить служебное письмо начальнику.

«ОТПРАВИТЕЛЬ НЕ ЧИСЛИТСЯ СРЕДИ ЖИВЫХ».

На третьей попытке Тимофей написал от руки заявление о том, что умер по недоразумению. Приложил к нему фотографию своего лица с сегодняшней датой на экране телефона. Потом подумал и добавил: «В случае сомнений готов лично явиться на опознание».

Дверь кабинета распахнулась так резко, что на потолке качнулась аварийная лампа.

— Руднев! — рявкнул дежурный по этажу Платон Лазаревич. — Ты ещё здесь?

— По данным системы — нет.

— Прекрати умничать. Крон вызывает. Немедленно.

— Скажите ей, что я умер.

— Она в курсе. Поэтому и вызывает.

. . .

Варвара Крон стояла у лифта и натягивала кожаные перчатки. Высокая, коротко стриженная, с неподвижным лицом человека, которому однажды показали конец света, а он попросил переделать освещение. На её форменной куртке серебрились две прямые черты — второй допуск.

Рядом топтался Сева Балахнин, техник выездной группы. В одной руке он держал чемодан с измерительными приборами, в другой — обёрнутый фольгой бутерброд.

— Нашёлся покойник, — сказала Варвара.

— Насколько понимаю, ненадолго.

— Не обольщайся. Выезжаем.

— У меня смена закончилась в девять.

— Теперь она закончится, когда я скажу.

— Так трудовой кодекс не работает.

— В некоторых домах вообще ничего не работает. Будет возможность — подашь жалобу домкому.

Сева осторожно поднял руку.

— Варвара Николаевна, у меня вопрос чисто технический. Почему с нами едет свидетель, которого система уже записала в трупы?

— Потому что заявка пришла с его имени. Потому что по регламенту заявитель обязан присутствовать при закрытии расхождения. И потому что за последние четыре минуты система трижды пыталась списать его окончательно.

Она показала планшет. В графе «время гибели» рядом с именем Тимофея одна за другой появлялись цифры: 21:31, 21:29, 21:26.

— Хорошая новость, — пробормотал Тимофей. — Я всё моложе.

— Плохая: это не время смерти. Это время, когда за тобой придут.

В лифте он всё-таки спросил:

— Что конкретно на Дачной?

— Лишний этаж, — ответила Варвара. — Возможно, наложение с объектом, списанным в прошлом. Пока подтверждено одно расхождение.

— Девятый этаж в восьмиэтажном доме.

— Да.

— А заявление о моей смерти?

Варвара посмотрела на него так, будто он спросил, почему осенью мокро.

— Это второе.

Сева перестал жевать.

Несовпадения имели простое свойство: каждое новое противоречие делало пространство менее устойчивым. Одно можно было локализовать. Два требовали выездной группы. На третьем квартал обычно перекрывали. Четвёртое в статистике отсутствовало — статистики слишком редко возвращались живыми.

Двери лифта раскрылись.

— Извините, — сказал Тимофей. — А у нас есть план на случай четвёртого?

— Есть, — ответила Варвара.

— Какой?

— Очень быстро пожалеть, что ты не уволился вчера.

. . .

Дождь в Бережске всегда выглядел как недовольная толпа. Он налетал на стекло машины сразу со всех сторон, собирался в плотные полосы и стекал так, словно у него тоже было назначено срочное совещание.

За рулём сидел Кулик, водитель с седой бородой и слуховым аппаратом, который он выключал при каждом служебном обсуждении. На бардачке лежала фигурка лягушки в короне. Когда машина подпрыгивала на яме, лягушка согласно кивала.

Тимофей достал из внутреннего кармана куртки сложенный листок. Бумага протёрлась на сгибах, от постоянных прикосновений стала мягкой как ткань.

«У МЕНЯ БЫЛА СЕСТРА.

ЕЁ ЗВАЛИ МАРГАРИТА РУДНЕВА.

ЕЙ БЫЛО ДВАДЦАТЬ, КОГДА ОНА ИСЧЕЗЛА.

ЭТО НЕ СОН.»

Ниже — фотография, снятая на старый моментальный аппарат. Двое подростков у набережной: худой мальчишка в слишком большой куртке и девушка с широкой улыбкой. Лицо девушки расплывалось, будто снимок слишком долго держали под водой. Год назад оно было отчётливым. По крайней мере, Тимофей помнил, что тогда думал именно так.

Он перевернул фотографию. На обороте Рита написала: «Если снова потеряешься, стой на месте. Я тебя найду».

Двенадцать лет назад она не вернулась домой. Утром мать спросила, почему он накрыл стол на троих. Через месяц из документов исчезла запись о рождении Маргариты. Потом — школьные фотографии. Потом — все её вещи, кроме снимка, который Тимофей с тех пор носил у сердца.

Он пытался доказать её существование полиции, врачам, журналистам. В ответ получил три диагноза и одну очень вежливую просьбу больше не тревожить редакцию.

Палата сверки оказалась единственным местом, где его историю выслушали без смеха. Правда, выслушали не ради помощи. На собеседовании инспектор спросил, может ли Тимофей назвать дату своего рождения.

— Тридцать первое ноября две тысячи первого, — ответил он.

Инспектор побледнел, сверился с бумагами и взял его на работу без дополнительного собеседования.

— Всё ещё её ищешь? — спросил Сева, заметив фотографию.

Тимофей молча убрал листок.

— Извини, — сказал техник. — Я не хотел…

— Ничего. Все ведь спрашивают одно и то же. Будто у меня есть возможность ответить: «Нет, Сева, надоело, купил новую сестру».

Варвара, сидевшая впереди, не обернулась.

— Руднев. Если внутри увидишь знакомого, сначала называешь его мне. Потом подходишь.

— Почему?

— Потому что в этом городе самое опасное не то, чего ты боишься. Самое опасное — то, по чему ты скучаешь.

Машина остановилась у Дачной, восемнадцать.

Дом выглядел совершенно обычным: облупленная бежевая штукатурка, рекламный плакат стоматологии, балконы с велосипедами. У подъезда курил мужчина в тапках. За его спиной, на стене, красовалась неровная цифра «8».

Варвара подняла голову. Восемь рядов окон. Тимофей тоже пересчитал.

Восемь.

Но один за другим окна на самом верху зажглись жёлтым светом. Над восьмым рядом возник девятый — без звука, без движения стен, будто дом внезапно вспомнил, что забыл кое-что показать.

Мужчина в тапках продолжал курить.

— Вы это видели? — спросил Тимофей.

— Что? — удивился мужчина.

Тимофей показал вверх.

Курильщик проследил за его пальцем, пожал плечами и вернулся к сигарете.

— Окна. Бывают. Удобно, между прочим. Свет пропускают.

— Восемь или девять этажей в доме? — уточнил Сева.

Мужчина задумался, и на секунду его лицо сделалось пустым. Не озадаченным — именно пустым, как стена после снятого плаката.

— Сколько надо, столько и есть, — сказал он наконец.

Сигарета в его пальцах вдруг укоротилась на половину длины. Пепел упал на ботинки, хотя мужчина был в тапках.

Варвара медленно вывела из рукава тонкую серебристую нить.

— Кулик, остаёшься снаружи. При любом изменении фасада сообщаешь по каналу. Если мы перестанем отвечать — отгоняешь машину и перекрываешь улицу. Внутрь не заходишь.

— А если вы попросите войти? — спросил Кулик.

— Особенно если попросим.

Она посмотрела на Тимофея и Севу.

— Входим втроём. Учитывайте каждого. Не верьте никаким голосам, которые называют вас по имени. И никогда не отвечайте на вопрос «сколько вас».

— Потому что нас трое? — спросил Сева.

— Потому что дом может не согласиться.

. . .

В подъезде пахло варёной капустой, мокрой штукатуркой и чем-то сладким, как конфеты из школьного буфета. У лифта на стене висело объявление:

«УВАЖАЕМЫЕ ЖИЛЬЦЫ! В СВЯЗИ С ПЛАНОВОЙ ПРОВЕРКОЙ ПРОСИМ ВАС НЕ ВСПОМИНАТЬ ДЕВЯТЫЙ ЭТАЖ ДО ОКОНЧАНИЯ РАБОТ».

Под ним ручкой приписали: «А если я там живу?»

И другим почерком: «Значит, вас тоже попросят».

Сева сфотографировал объявление. На экране его камеры буквы сразу поменялись местами:

«НЕ ВСПОМИНАЙТЕ ТЕХ, КОГО НЕТ».

— Не нравится мне это, — прошептал он.

— Грандиозный вывод, — сказал Тимофей. — Давай сообщим в научный совет.

Варвара прижала ладонь к двери лифта. Серебристая нить из её перчатки прошила щель между створками и на мгновение вспыхнула.

— Шов держит, — произнесла она. — До возвращения сюда подъезд останется на месте. У нас одиннадцать минут до полуночи по внутреннему счётчику.

Тимофей посмотрел на телефон. Было 21:43.

— Какой ещё полуночи?

— Местной.

— Мне казалось, у нас вся страна живёт по одному времени.

— Страна — да. Дом — не уверен.

Лифт пришёл с первого этажа. Из него вышла пожилая женщина с пустой клеткой для птицы. Внутри клетки что-то стучало клювом по прутьям, хотя ничего видимого там не было.

Женщина кивнула Варваре.

— Добрый вечер. Вы к новым жильцам?

— На проверку.

— Тогда аккуратнее. Они очень обижаются, когда их пересчитывают.

— Кто «они»? — спросил Тимофей.

Женщина посмотрела прямо на него. В её глазах вспыхнуло узнавание.

— Ой, а ты…

Варвара резко шагнула вперёд.

— Пройдите домой, гражданка.

Женщина съёжилась и вышла на улицу. На её спине, на сером пальто, проступили влажные буквы: «ВОЗВРАТ НЕ ПРЕДУСМОТРЕН».

Лифт был тесным. Кнопки располагались в две колонки: 1, 2, 3, 4 слева, 5, 6, 7, 8 справа. Под восьмёркой кто-то нарисовал ручкой маленький кружок. По мере того как они смотрели, кружок налился светом и превратился в кнопку с цифрой 9.

Сева выронил чемодан.

— Ну нет. Вот нет. Я не согласовывал такую модернизацию.

Варвара нажала девятку.

Лифт тронулся, прошёл третий, четвёртый, пятый этаж. На шестом лампа мигнула. На седьмом по потолку проползла тень человеческой руки. На восьмом кабина остановилась так резко, что у Тимофея клацнули зубы.

Над дверью высветилось «9».

— Дальше по протоколу, — сказала Варвара. — Осмотр и фиксация. Не трогать личные вещи. Не принимать подарков. Не подписывать ничего. Если вам предложат выйти из лифта первыми — отказывайтесь.

Створки разошлись.

На площадке стоял мальчик в красном дождевике. Лет семи, босой, с целой связкой дверных ключей на шее. Одним пальцем он держал кнопку вызова лифта, будто терпеливо ждал гостей.

— Привет, — сказал мальчик. — Сколько вас приехало?

Никто не ответил.

Мальчик улыбнулся. Улыбка была совсем детская, немного беззубая.

— Я и так знаю. Вас четверо.

Сева невольно оглянулся на отражение в зеркальной стенке кабины.

В отражении рядом с ними действительно стояли четверо.

За Тимофеем, с опущенной головой, виднелась девушка в мокрой куртке. Её светлые волосы прилипли к щекам. Она держала Тимофея за рукав.

Он резко обернулся.

Никого.

Отражение не изменилось.

— Только не смотри ей в лицо, — тихо сказала Варвара. — Идём. Глаза на меня.

Они вышли на площадку. Тимофей почувствовал, как невидимые пальцы отпустили его рукав.

Двери лифта закрылись.

Девятый этаж был длиннее всего дома. Слева тянулся коридор с потолочными светильниками, похожими на больничные. Справа — такой же, но лампы там не горели. На линолеуме стояли мокрые следы босых ног, множество следов, ведущих от одной стены к другой. Дверей было восемь: 91, 92, 93, 94 и дальше до 98.

Перед девяносто четвёртой квартирой лежала голова мужчины лет пятидесяти.

Тело нашлось чуть дальше, у пожарного шкафа. Мужчина был одет в серый пиджак, на груди висел бейдж «ПРОВЕРЯЮЩИЙ». Из шеи не текла кровь. Там белели аккуратно сложенные полосы бумаги, словно кто-то разорвал толстую книгу и забыл про переплёт.

Голова открыла глаза.

— О, — сказала она. — Приехали.

Сева зажал рот ладонью.

Варвара не дрогнула.

— Назовите имя и подразделение.

— Я был… — голова запнулась, шевеля губами. — Был… постойте. А разве это не вы должны знать? Я ведь звонил.

Тимофей опустился на корточки.

— Это вы говорили со мной двадцать девять минут назад?

— Разве? — Голова с усилием повернула один глаз. — У меня плохая память. С тех пор, как меня разделили, всё время забываю, где оставил вторую половину мысли.

На шее мертвеца что-то зашуршало. Сложенные бумажки развернулись, образуя длинную ленту, и на ней проступила строка:

«ЗАЯВЛЕНИЕ ПРИНЯТО. ОБЪЕКТ ДОСТАВЛЕН».

Буквы изменились:

«ОСТАЛОСЬ ПОДПИСАТЬ».

Мальчик в красном дождевике уже не стоял у лифта. Он сидел в конце коридора на корточках и раскладывал ключи по полу.

— Вы опоздали, — сообщил он. — У нас скоро перекличка.

— Кто ты? — спросила Варвара.

— Сторож.

— Чего?

— Тех, кого забыли. — Мальчик поднял один из ключей к свету. — У кого есть место, тому есть куда возвращаться. У кого места нет…

Он неожиданно посмотрел на Тимофея.

— Тому открывают девяносто четвёртую.

На двери квартиры № 94 висела табличка с фамилией.

«РУДНЕВА М. А.»

Тимофей понял, что перестал дышать.

. . .

— Не двигайся, — приказала Варвара.

Он и не двигался. Вся кровь, казалось, ушла куда-то вниз, оставив в груди гулкий сквозняк.

Руднева. М. А.

Маргарита Андреевна Руднева.

Такие буквы раньше стояли на школьных тетрадях Риты. На конверте с её первым письмом. На заявлении, которое он трижды приносил в полицию, пока полицейские не стали делать вид, что никогда его не видели.

— Вы знаете этого человека? — спросила Варвара.

Тимофей кивнул.

— Говори.

— Моя сестра.

Впервые за много лет он произнёс это не как объяснение собственной странности, а как факт, лежавший перед ним на двери.

Варвара выдохнула через зубы.

— Сева, маркируй выход. Руднев, назад на три шага. Сейчас.

В девяносто четвёртой повернулся замок.

Сначала один раз, потом второй. Дверь приоткрылась, выпустив узкую полоску тёплого света. Оттуда пахнуло яблочным пирогом и дешёвым лимонным шампунем.

Тимофей помнил этот запах. И то, как Рита, возвращаясь с работы, ставила на кухонный стол бумажный пакет и говорила: «Угадай, кто сегодня заработал на ужин». Он отвечал: «Я, если ты опять заставишь меня мыть посуду».

— Тим? — донёсся из квартиры женский голос.

Голос был старше, чем в его памяти, чуть ниже. Но он узнал его раньше, чем понял смысл слова.

— Ты всё-таки пришёл. Я уже думала, ты не найдёшь дорогу.

Тимофей шагнул вперёд.

Серебристая нить щёлкнула у самого его носа. Варвара одной рукой оттолкнула его к стене, другой перехватила дверной проём светящейся петлёй. Края двери сошлись, будто кто-то зашил их огромной невидимой иглой.

Изнутри ударили. Раз. Второй. Стеклянный глазок лопнул.

— Я же говорила, сначала называешь имя! — рявкнула Варвара.

— Я назвал!

— Мне, а не ей! Это не твоя сестра. Пока ты не доказал обратного, это просто дверь, которая знает нужный голос!

За швом тихо засмеялись.

— Варя, — сказала женщина из квартиры. — А ты, оказывается, всё ещё умеешь исполнять приказы.

На лице Варвары впервые появилось нечто большее, чем раздражение. Страх.

Сева вбил в стену металлический штырь. На его приборе загорелись зелёные деления.

— Пространство держится. Якорь установлен. До полуночи по местному — шесть минут. Вернёмся к лифту, закроем шов, забудем эту чертовщину.

— Не забудем, — сказал Тимофей.

— Это выражение речи!

У них за спиной щёлкнул выключатель.

Во всём коридоре погас свет. Остался только бледный прямоугольник над дверью № 94.

— Начинается, — произнёс мальчик-сторож.

Откуда-то из темноты донёсся школьный звонок. Потом голос, безупречно вежливый и неотличимый от голоса справочной службы:

— Внимание, жильцы. Начата плановая сверка присутствующих. Просим всех занять принадлежащие им места.

Восемь дверей открылись одновременно.

За каждой стоял человек. Пожилая женщина с авоськой, парень в спортивном костюме, девочка с куклой, мужчина в рабочем комбинезоне. Совсем обычные люди, если не считать одного: на каждом лице отсутствовала какая-нибудь деталь. У старушки не было рта. У парня — левого глаза. У девочки — бровей, ресниц и ногтей. У рабочего весь нос был заменён ровным овальным отверстием, за которым виднелась тёмная комната.

Они не смотрели на Варвару или Севу.

Они смотрели на Тимофея.

— Перекличка, — повторил мальчик.

И все восемь жильцов в один голос спросили:

— СКОЛЬКО ВАС?

Варвара взмахнула рукой. Серебристая нить вылетела вперёд и прибила ближайшие двери к косякам. Мужчина в спортивном костюме попытался переступить порог, но шов резанул воздух перед его грудью. Он отпрянул, оставив на нити белую полоску кожи — вернее, бумаги с напечатанным номером квартиры.

— Назад! — крикнула Варвара. — Сева, лифт!

Техник бросился к кнопке. Нажал. Снова нажал. Потом отшатнулся.

На кнопке вызова появилась надпись: «ВЫХОД НЕ ОБНАРУЖЕН».

— Он не приходит!

— Пробей лестницу!

— Здесь нет лестницы!

Тимофей повернул голову. На месте пожарной двери, возле которой они проходили минуту назад, теперь висел большой прямоугольный лист бумаги, прибитый к стене четырьмя гвоздями.

«ПЛАН ЭВАКУАЦИИ».

На плане весь девятый этаж был нарисован в виде одной-единственной комнаты. Слово «ВЫХОД» указывало на квартиру № 94.

Из неё снова позвали:

— Тим, не слушай их! Я могу объяснить!

Варвара попятилась, удерживая сразу четыре дверных шва. Её лицо побелело, из носа потекла тонкая струйка крови.

— Не… отвечай…

— Я и не собирался, — сказал Тимофей.

Но в этот момент Сева обернулся к нему.

— Тим, у меня тут…

Он не закончил.

Все жильцы одновременно повернули головы к технику.

— Он назвал имя, — радостно сообщил мальчик. — Теперь мы знаем, кто четвёртый.

Сева замер.

Его плечо дёрнулось, будто кто-то потянул за невидимую нитку. На куртке появилась прямоугольная нашивка: «КВАРТИРА 95». Потом по шву рукава побежали мелкие чёрные буквы. Техник схватился за грудь.

— Нет… нет, я же…

Из двери № 95 высунулась рука без ладони. Вместо пальцев у неё были пять плоских металлических ключей. Рука ухватила Севу за воротник и потянула к себе.

Варвара резко дёрнула нить. Рука оборвалась, ключи звякнули о пол. Сева рухнул на колени, тяжело хватая ртом воздух.

На его шее появилось красное пятно в форме печати:

«УЧТЁН».

— Варвара! — выкрикнул Тимофей.

— Я вижу! — Она затянула шов вокруг плеча Севы. — Отдай им не своё имя, а номер пропуска. Только номер!

— Ноль-ноль-пять-шесть-один! — прохрипел техник.

Буквы на куртке мигнули и погасли. Но печать осталась.

Мальчик в дождевике поморщился.

— Нечестно. Вы подменили жильца бумагой.

— У вас тут вообще строгая этика, — сказал Тимофей, хотя голос его дрожал. — Женщину без рта на собрание позвали.

Мальчик снова улыбнулся, теперь недобро.

— С тобой будет интереснее.

Он хлопнул в ладоши.

Стена за Тимофеем раздвинулась, и из неё выехал письменный стол. Старый, тяжёлый, обитый зелёным сукном, с чернильницей и бумагами. За столом сидел проверяющий в сером пиджаке.

Тот самый, чья голова минуту назад лежала у пожарного шкафа.

Сейчас голова была на месте. Только шея состояла из аккуратно скреплённых квитанций. На бейдже проступили слова:

«ПРОВЕРЯЮЩИЙ. НАЗНАЧЕН ПОВТОРНО».

— Прошу прощения за задержку, — сказал он. — У нас возникли сложности с личным присутствием.

Он раскрыл толстую книгу.

— Итак. Необходимо установить, кто из вас является лишним.

. . .

Страницы книги перелистывались без помощи рук. На каждой были фамилии, даты, адреса. И фотографии — сотни крошечных лиц, чьи глаза следили за Тимофеем при каждом повороте листа.

— Согласно реестру, — продолжил проверяющий, — в доме восемь этажей. Девятый не существует. Однако он занят. Необходимо устранить расхождение путём списания одного из присутствующих объектов.

— Списания чего? — спросил Тимофей.

— Не «чего», а «кого», если придерживаться гуманной терминологии. Хотя результат для отчётности одинаков.

Варвара направила на него серебристую нить. Проверяющий даже не посмотрел.

— Удерживайте руки там, где они видны, — сухо сказал он. — Я уважаю ваше право на самооборону, но оно не отменяет полномочий комиссии.

Нить резко потяжелела. Варвара согнулась, будто на другой её конец повесили бетонную плиту.

— Отпустите! — крикнул Тимофей.

— Отпускаю, — согласился проверяющий.

Варвара рухнула на колено. Серебряные полосы на её рукаве на мгновение стали чёрными.

Варвара перевела дыхание и прошептала:

— Руднев. Слушай внимательно. Это не тело. Это предписание, которое научилось ходить. Пока действует его формулировка, наши допуски против него бесполезны.

— А как её отменить?

— Никак.

— Отличный план. Сразу ощущается второй допуск.

Она даже не попыталась его ударить. Это было хуже.

Проверяющий придвинул к Тимофею лист.

«АКТ ДОБРОВОЛЬНОГО ИСКЛЮЧЕНИЯ».

Ниже уже стояли его фамилия, дата рождения — тридцать первое ноября — и строка для подписи.

— Статус гражданина Руднева вызывает обоснованные сомнения, — пояснил проверяющий. — Вы отсутствуете в реестре рождения, но получаете заработную плату, занимаете жилплощадь и даже пользуетесь общественным транспортом. Согласитесь, это вопиющее злоупотребление.

— Я покупаю проездной, — возразил Тимофей.

— Тем более. Вы финансируете общественные институты, гражданином которых не являетесь.

— Мне кажется, мы с вами не с той стороны к проблеме подходим.

— Подпишите акт. Этаж будет исключён. Ваши коллеги вернутся к службе. Вы исчезнете. Никто не пострадает.

— Кроме меня.

— Вы — предмет разбирательства. Это не одно и то же.

Сева медленно поднялся. Он держался за горло, будто печать продолжала душить его. Варвара пыталась поднять нить, но пальцы дрожали, а кровь на губах делалась всё темнее.

Тимофей посмотрел на акт. Подпись спасла бы двоих, по крайней мере сейчас. У людей с допусками были семьи, друзья, счета по ипотеке. У Севы дома ждал старый пёс, которого техник однажды притащил в офис на обед, потому что тот «плохо переносит одиночество и телевизионные новости».

Сам Тимофей был человеком, которого почти никто не стал бы искать.

Почти.

— А сестра? — спросил он.

Впервые проверяющий поднял на него внимательный взгляд.

— Уточните вопрос.

— Маргарита Руднева. Квартира девяносто четыре. Я подпишу, если скажете, где она.

Мальчик в дождевике у дальней стены перестал играть с ключами.

В книге под рукой проверяющего страницы зашуршали быстрее. Он удержал одну пальцем.

— Маргарита Андреевна Руднева, — прочитал он. — Статус: не подлежит выдаче. Основание: добровольное согласие. Дата внесения: тридцать первое ноября две тысячи семнадцатого года.

Одиннадцать лет назад. Год после её исчезновения.

— Добровольное согласие на что?

— На создание первого места.

— Какого ещё места?

Проверяющий закрыл книгу.

— Данный вопрос относится к сведениям, доступным после завершения проверки.

— Значит, сначала я умираю, потом узнаю?

— Иногда образовательные программы устроены именно так.

Тимофей потянулся к листу. Пальцы всё ещё тряслись после внезапного появления Ритиного голоса. В голове звучало одно: она существовала. Он не выдумал её. Кто-то знал её полное имя, дату, прошлое. Доказательство оказалось настоящим, но держал его человек, который требовал от него исчезнуть.

Варвара подняла глаза.

— Не подписывай, — еле слышно сказала она.

— Ты же говорила, всех можно спасти только так.

— Я сказала: не подписывай.

Сева тяжело вздохнул.

— Если можно, я за вариант без смерти. Но сейчас не до голосования.

Проверяющий взял со стола перьевую ручку. Её острие не блестело. Оно поглощало свет.

— Прошу. Время ограничено.

На стене за ним появились часы. Стрелка была одна и шла против часовой. Оставалось три деления.

Тимофей взял ручку. На бумаге уже была напечатана фраза:

«Я, нижеподписавшийся, добровольно подтверждаю, что никогда не существовал».

Он прочитал её дважды.

И вдруг понял, что мешало ему с самого начала.

Нельзя подтвердить собственное несуществование. Чтобы подписать акт, надо существовать. Если он подписывает — акт доказывает обратное тому, что утверждает.

Глупость. Маленькая, канцелярская глупость. Именно такие Тимофей всю жизнь и замечал.

— Извините, — сказал он. — У вас в документе логическая ошибка.

Проверяющий замер.

— Повторите.

— Если я не существую, то подписать ничего не могу. Если подпись моя, значит, я существую. И получается, что документ одновременно подтверждает два противоположных факта.

Варвара подняла голову. По её лицу пробежала тень удивления.

— Руднев…

— Поэтому, — продолжил Тимофей, чувствуя, как нарастающий холод стягивает грудь, — это не акт добровольного исключения. Это доказательство вашего вранья.

Проверяющий медленно положил ладонь на книгу.

— Формулировка достаточна для исполнения.

— Нет, — сказал Тимофей. — Она недействительна.

Тонкий звон раздался где-то внутри его черепа.

На миг исчезли все звуки. Не стало дождя за стенами, дыхания Севы, скрипа бумаги. Остался только прямоугольник белизны, зависший перед глазами.

В нём чёрными буквами возник текст:

«ОБНАРУЖЕНО ПРОТИВОРЕЧИЕ».

«УТВЕРЖДЕНИЕ: НЕСУЩЕСТВУЮЩИЙ ОБЪЕКТ ОБЯЗАН ПОДТВЕРДИТЬ СВОЁ НЕСУЩЕСТВОВАНИЕ».

«ПРАВО НА ВОЗРАЖЕНИЕ: ОТСУТСТВУЕТ».

Последняя строка мигнула.

«ОШИБКА: ВЫ НЕ МОЖЕТЕ БЫТЬ ЛИШЕНЫ ПРАВА, КОТОРОГО НИКОГДА НЕ ИМЕЛИ».

«ДОПУСТИМА ВРЕМЕННАЯ ПРАВКА: ОТМЕНИТЬ ОДНО УТВЕРЖДЕНИЕ».

«СТОИМОСТЬ: ОДНО НЕВОССТАНАВЛИВАЕМОЕ ВОСПОМИНАНИЕ».

«ПОДТВЕРДИТЬ?»

Тимофей закрыл глаза. Открыл. Надписи остались. Воздух за ними выглядел неровным, будто кто-то наложил прозрачную кальку на мир и забыл разгладить складки.

— Варвара, — произнёс он. — Ты видишь текст передо мной?

— Какой текст?!

Проверяющий встал из-за стола.

— Вы обнаружили несанкционированное основание для возражения, — произнёс он. Теперь его голос звучал значительно ниже. — Прошу немедленно прекратить.

На часах оставалось два деления.

Тимофей вспомнил тёплый запах яблочного пирога. Рита в кухне, смеётся, пускает ему в лицо мыльные пузыри из детской бутылочки. Как она смеялась? Хрипловато? Звонко? Он пытался представить и не мог. В памяти уже были прорехи, ещё до этого этажа.

«СТОИМОСТЬ: ОДНО НЕВОССТАНАВЛИВАЕМОЕ ВОСПОМИНАНИЕ».

— По возможности, — выдохнул он, — не самое важное.

«ЗАПРОС НЕ ПОДДЕРЖИВАЕТСЯ».

— Конечно. Бесплатной доставки тоже нет.

Он мысленно произнёс: «Подтверждаю».

Мир моргнул.

Проверяющий открыл рот, но слова не вышли. Его книга вспыхнула белым светом. Строки на бумаге поднялись и зависли в воздухе, словно стая чёрных мошек. Из тела проверяющего посыпались квитанции, одна за другой. Он схватился за стол.

— Утверждение… отменено, — прошелестел он. — Но вы… не уполномочены…

— Внесите жалобу, — сказал Тимофей. — В двух экземплярах.

Стол исчез.

Одна из стен коридора сложилась гармошкой. Дверь № 95 сорвалась с петель. Сева отпрянул, когда печать на его шее лопнула, как перегретая печатная краска.

Тимофей упал на колени. Из носа хлынула кровь. На языке появился вкус мокрого металла. Мир на секунду превратился в сплошной набор линий — границы вещей, как на техническом чертеже.

А потом он понял, что потерял.

Он больше не помнил смех сестры.

Ни тембра, ни ритма. Ни того, как она смеялась над его глупыми шутками, ни той секунды перед смехом, когда прикусывала губу. Всё это исчезло так безупречно, будто никогда не существовало.

Тимофей сделал вдох. Ему хотелось выть, но Варвара уже схватила его за воротник.

— Потом, Руднев! Горе потом! Сейчас ноги!

Лифт за их спинами звякнул.

Створки открылись, показав внутри знакомое зеркало.

В отражении стояли трое: Варвара, Сева и Тимофей.

И ещё девушка в мокрой куртке.

Теперь она держала Тимофея не за рукав.

Она стояла за его спиной и смотрела прямо ему в глаза через зеркало.

Её лицо было похоже на фотографию, которую двенадцать лет назад он положил в карман и так и не убрал.

— Рита? — прошептал он.

Девушка приложила палец к губам.

Губы её беззвучно произнесли:

«НЕ ВЕРЬ ПРАВИЛАМ».

. . .

— В лифт! — скомандовала Варвара.

Они бросились вперёд. Сева успел первым и тут же попытался развернуться, чтобы помочь Тимофею. Невидимая рука схватила его за плечо, но Варвара одним движением перерезала протянутую из темноты полоску бумаги.

Тимофей вбежал последним.

Девушка в зеркале осталась на площадке.

Когда двери закрывались, он увидел её по-настоящему — не в отражении. Она стояла у разбитого стола проверяющего, держала в ладони его бейдж и смотрела на Тимофея так, будто хотела рассказать тысячу вещей, но могла выбрать только одну.

— Ты всё ещё не понял, — сказала она.

— Что?!

— Девятый этаж не появился сегодня.

Створки почти сомкнулись.

— Он появился, когда ты родился.

Лифт сорвался вниз.

Севу бросило на пол. Варвара вонзила серебристую нить в потолок, и кабину развернуло так, что Тимофей ударился плечом о стенку. На табло мелькнули цифры: 8, 7, 4, 11, 2. Затем над дверью загорелось слово «ПОДВАЛ».

Кабина остановилась.

Варвара осторожно разжала пальцы. Нить свисала с потолка, красная от её крови.

— Все целы? — спросила она.

— Физически? — уточнил Сева.

— Сойдёт.

— Тогда относительно.

Двери открылись на первый этаж обычного подъезда. Пахло капустой. За входной дверью моросил дождь. Водитель Кулик стоял под козырьком и курил, хотя три года назад бросил. Сзади у подъезда мигал маячок группы перекрытия.

— Вас не было четыре минуты, — произнёс Кулик. — Я уже думал, пора уезжать.

Варвара посмотрела на часы.

21:47.

— Внутри прошло одиннадцать, — сказала она. — Сева, проверь шов. Потом в машину. Сообщение на частоту штаба — расхождение класса «красный». Никого к дому не подпускать.

— А этаж? — спросил техник.

Они все посмотрели вверх.

Восемь рядов окон. Никакого девятого.

— Нет этажа, — устало сказал Сева.

Варвара повернулась к Тимофею. Её взгляд задержался на крови у него под носом.

— Что ты сделал там?

Он мог бы рассказать о белом окне, о предложении отменить утверждение, о цене. Но не знал, будет ли она верить ему. И совершенно не понимал, что случилось с Ритой. Сестра была настоящей? Копией? Приманкой? Почему она знала его имя — слишком простой вопрос. Почему она знала Варвару — куда интереснее.

— Указал на ошибку в документе, — сказал он.

Варвара долго смотрела на него.

— Руднев, — произнесла она наконец, — я сейчас очень хочу тебя ударить.

— Как начальник или как человек?

— Пока выбираю.

У Тимофея задрожал телефон. На экране загорелся вызов «НЕИЗВЕСТНЫЙ НОМЕР».

Он принял его прежде, чем Варвара успела остановить.

— Тим? — спросил голос.

Не женский. Не мужской. Детский, но с усталостью старика.

— Слышишь меня?

— Кто это?

— Не говори никому, что видел белый текст. Особенно Варваре. Ей уже однажды приказали тебя убить.

Связь оборвалась.

Тимофей медленно поднял голову.

Варвара стояла перед ним, убирая серебристую нить под рукав. На её лице ничего не отражалось.

— Кто звонил? — спросила она.

Он посмотрел на экран. Вместо номера там высветилась строка:

«НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННЫЙ ВЫЗОВ. ИСТОЧНИК: ЗАВТРА».

А следом, прямо поверх изображения, появилось знакомое белое окно.

«ПРАВКА УСПЕШНА».

«ВРЕМЕННЫЙ ДОПУСК: I».

«НОВОЕ ПРАВО: ВОЗРАЖЕНИЕ».

«ВНИМАНИЕ. КОРРЕКТОР ОБНАРУЖЕН».

«ПОСКОЛЬКУ ВЫ ОПРОВЕРГЛИ ОДИН ФАКТ, ОСТАЛЬНЫЕ ФАКТЫ ПОЛУЧИЛИ ПРАВО ОПРОВЕРГНУТЬ ВАС».

Тимофей успел подумать, что последняя формулировка звучит как прямое издевательство.

Затем весь экран почернел.

Буквы проступали по одной — большие, похожие на машинописные.

«ДЕЛО № 0001: ГОРОД БЕРЕЖСК».

«ИСК: ГОРОД НИКОГДА НЕ СУЩЕСТВОВАЛ».

**«СРОК ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ:
14 ДНЕЙ 23 ЧАСА 59 МИНУТ».**

«ОТВЕТЧИК: ТИМОФЕЙ АНДРЕЕВИЧ РУДНЕВ».

«ИСТЕЦ: МАРГАРИТА АНДРЕЕВНА РУДНЕВА».

Тимофей перечитал последнюю строку три раза.

Варвара шагнула ближе.

— Руднев, я задала вопрос. Кто звонил?

Он поднял глаза на дом. На девятом этаже, которого больше не было, вспыхнуло единственное окно.

За стеклом стояла его сестра.

И держала перед собой лист бумаги с написанными от руки словами:

«ПРОСТИ. Я ДОЛЖНА ВЫИГРАТЬ».

Глава 2
ГОРОД БЕЗ ЧЕТВЕРГА

Первое, что сделал Тимофей, узнав, что его сестра собирается доказать несуществование целого города, — проверил, сколько осталось денег на карте.

Две тысячи восемьсот сорок один рубль.

— Даже на собственный апокалипсис не накопил, — пробормотал он.

На экране всё ещё стояло её имя. Маргарита Андреевна Руднева. Истец. Напротив — его собственное. Ответчик. Судебное дело номер ноль-ноль-ноль-один. И обратный отсчёт, который продолжался, пока он смотрел на цифры.

14 ДНЕЙ 23 ЧАСА 41 МИНУТА.

Словно кто-то начал считать до того, как Тимофей согласился играть.

На девятом этаже, которого не было, погасло окно. Вместе с ним исчезла Рита и лист бумаги с тремя словами: «Я должна выиграть».

— Руднев, — сказала Варвара. — Вопрос был несложный. Кто тебе звонил?

Тимофей убрал телефон.

— Человек с неприятными новостями.

— Имя.

— Не представился. В наше время люди совсем разучились соблюдать деловой этикет.

Варвара сделала шаг вперёд. С её манжеты на землю упала капля крови. Дождь размыл её по асфальту, но Тимофей заметил, как пальцы женщины на мгновение сжались. После девятого этажа ей стоило хотя бы сесть. Вместо этого она смотрела на него так, будто прикидывала, какой узел лучше завязать на свидетеле, чтобы он перестал врать.

— Ты видел что-то, о чём не сказал мне, — произнесла она.

— Это было бы очень длинным списком. Например, я видел, что Кулик курит.

Кулик вынул сигарету изо рта.

— Никогда не курил.

— Конечно, — согласился Тимофей. — Я просто умер и всё перепутал.

Варвара схватила его за запястье. Не больно. Хуже: уверенно.

— Послушай меня. С того момента, как ты вышел из этого дома, я не могу подтвердить твой допуск. Система не отвечает на запрос. Она не пишет «ноль», понимаешь? Она пишет, что человека с таким именем не было в нашей группе.

Сева вскинул планшет, демонстрируя экран. В наряде на выезд значились Крон, Балахнин и водитель Кулик. Четвёртая строка была пуста. Под ней стояла подпись Тимофея — знакомая, торопливая, с кривой последней буквой.

— Вот, — сказал Сева. — Подпись есть, подписанта нет. Я бы пошутил, что тебя уволили, но профсоюз у нас тоже не числится.

— Значит, меня надо вписать обратно, — ответил Тимофей.

Сева попробовал. Под пальцем техника на экране появилась фамилия, продержалась две секунды и распалась на белые квадратики.

— Не получается.

Варвара отпустила руку Тимофея и неожиданно достала из кармана бумажный блокнот. Оторвала лист. Написала на нём:

«Я, Варвара Николаевна Крон, вижу перед собой Тимофея Андреевича Руднева. Он жив. 5 апреля 2028 года. 21:49».

Поставила подпись, сложила лист вчетверо и сунула во внутренний карман куртки.

— Теперь ты хотя бы есть у меня, — сказала она.

— Как трогательно. Мы встречаемся?

— Если придётся, я лично оформлю тебе похороны.

— Значит, серьёзные отношения.

Она не улыбнулась. Но бумага в её кармане тихо треснула — так, словно где-то далеко кто-то пытался разорвать её и пока не мог.

Кулик открыл заднюю дверь машины. Лягушка в короне на приборной панели смотрела на Тимофея с той беззаботной уверенностью, которой обладают только декоративные животные и большие начальники.

— В Палату? — спросил водитель.

— В Палату, — начала Варвара.

Рация на её плече захрипела.

— Всем оперативным группам. Гончарный квартал. Предварительное удаление календарной единицы. Повторяю: календарной единицы. Границы нестабильны. Не сверять время по городским сетям. При обнаружении пропущенной даты не пытаться восполнить её самостоятельно.

Сева медленно опустил планшет.

— Скажите, пожалуйста, — произнёс он, — это они четверг потеряли?

Из рации ответили после паузы:

— Подтверждаю. Предположительно четверг.

Тимофей посмотрел на часы. Среда, пятое апреля. До четверга оставалось чуть больше двух часов.

— Может, поискать под диваном? — спросил он.

Варвара уже садилась на переднее сиденье.

— В машину. Оба.

— А отгул за переработку?

— Можешь взять четверг.

— Издевательство над сотрудниками у вас теперь входит в должностные обязанности?

— Нет, Руднев. Это единственное, на что у меня ещё хватает сил.

. . .

По дороге Тимофею позвонила мать.

Он долго смотрел на её имя. Телефон умел показывать фотографию: женщина в светлом пальто на фоне серого моря, не очень удачный снимок с какого-то осеннего отдыха. Она стояла боком к ветру, придерживая волосы, а на заднем плане мальчишка лет четырнадцати кривлялся перед объективом. Сам Тимофей. Фотографировала Рита. Когда фотография начала стираться, мать сказала, что снимок сделан случайным прохожим.

Он не спорил. Сложно убеждать человека, когда у тебя самого от воспоминания остались только очертания.

— Тимоша? — спросила мать. — Ты где?

Голос звучал сонно и встревоженно. Обычно она ложилась рано.

— Работаю.

— Опять? Ты ужинал?

— Мам, мне двадцать шесть.

— Прекрасно. Значит, можешь сам приготовить ужин.

Он посмотрел на свои руки. Кровь под ногтями засохла, на правом пальце ещё оставалось чернильное пятно от ручки Проверяющего.

— Я ел, — соврал он.

— Мне приснилось, что у нас в квартире заперта какая-то девочка. Я пыталась найти ключи, а она всё повторяла твоё имя. И вот проснулась. Хотела проверить, что ты дома.

Тимофей почувствовал, как пальцы похолодели.

— Как она выглядела?

— Не знаю. Я не видела лица.

В трубке стало слышно тиканье кухонных часов. Те самые часы, которые мать заводила по воскресеньям. В детстве Тимофей ненавидел этот звук: было сразу ясно, что выходные закончились. Сейчас ему захотелось услышать его ещё раз.

— Мам, — тихо сказал он, — ты помнишь, кто меня учил плавать?

— Ты же сам знаешь. Тебя учили в летнем лагере.

— А кто столкнул меня с причала, когда я боялся прыгать?

— Тим, что с тобой? Ты заболел?

Он закрыл глаза. Рита сталкивала его не с причала, а в воду по пояс, приговаривая, что утонуть в таком месте можно только из принципа. Он помнил слова, брызги и солнечный зайчик на её щеке. Но уже не помнил звука её смеха.

— Нет. Просто хотел услышать тебя.

Мать помолчала.

— Тогда береги себя. И, пожалуйста, не ходи к реке ночью. Не знаю почему, но мне страшно, когда ты туда идёшь.

— Обещаю.

Тимофей сбросил вызов и посмотрел на снимок ещё раз. Ему вдруг захотелось выучить каждую черточку её лица: тёплые складки у глаз, маленькую родинку возле губы, привычку морщить нос на фотографии.

Он не понимал, откуда взялся этот страх. И уж точно не мог знать, что через час заплатил бы чем угодно, чтобы снова вспомнить хотя бы одну из этих черточек.

— Это твоя мама? — спросил Сева.

— Да.

— Передай привет, когда в следующий раз позвонит. Она мне на Новый год пирог передала.

— Помню.

— Знаешь, — Сева снял очки и протёр их рукавом, — у нас на работе все считают, что ты никого не любишь, кроме своих бумажек. А мне кажется, у тебя просто очень неудобная манера любить.

— Сева, если ты сейчас меня обнимешь, я выйду на ходу.

— Я не собирался. У меня ремень пристёгнут.

Варвара переключила рацию на внутреннюю частоту.

— Балахнин, доклад.

Техник мгновенно оживился. Ему было намного проще говорить с приборами, чем с людьми.

— До полуночи у нас по нормальному времени два часа и восемь минут. В квартале уже зарегистрировано восемь случаев сдвига даты. Люди видят пятницу, седьмое апреля, хотя сейчас среда. Пока только часы, банковские терминалы и расписания. Но граница расширяется. Если к полуночи не появится независимого подтверждения четверга, дата будет исключена из локальной последовательности.

— По-человечески, — попросил Тимофей.

— Для жителей этого квартала завтра будет пятница. А четверг как будто не происходил.

— И что? Ну, пропустят рабочий день. Полстраны бы позавидовало.

Сева не улыбнулся.

— Те, кто въедет туда в четверг, никогда не въезжали. Посылки, которые должны доставить, исчезнут вместе с курьерами. Операции не состоятся. Люди, чей последний подтверждённый адрес или статус закреплён за этим днём, выпадут из учёта. Некоторые — из памяти. Ты видел, что дом делает с жильцами. Здесь он может сделать то же самое со всеми, кто окажется между средой и пятницей.

— А полиция?

— Будет утверждать, что никого не теряла.

Кулик молча выключил слуховой аппарат.

На секунду радио затихло, хотя никто не касался регулятора. Потом из динамика донёсся чужой голос — спокойный, без интонации:

— Четверг подлежит изъятию. Основание: отказ в существовании города. Временная мера по делу номер ноль-ноль-ноль-один.

Тимофей резко посмотрел на Варвару.

Она тоже услышала номер. Её лицо осталось неподвижным, только кончики пальцев прижались к подлокотнику.

— Ты связан с этим делом? — спросила она.

— Я, кажется, скоро стану его главным специалистом.

— Ответь прямо.

— Если я расскажу, что видел, ты поверишь?

— Попробую.

— А если поверишь, тебе придётся кое-что объяснить.

Варвара медленно отвернулась к лобовому стеклу.

Это был ответ. Не тот, на который он рассчитывал, но достаточно понятный.

. . .

Гончарный квартал находился к северу от реки. Здесь давно не было гончарных мастерских — только панельные дома, поликлиника, круглосуточная пекарня и кинотеатр «Орбита», закрытый после того, как зрители одного сеанса одновременно забыли, какой фильм смотрели.

На въезде стояли три машины Палаты и полицейский автобус. Сотрудники устанавливали ограждения. Один из них пытался натянуть жёлтую ленту между двумя столбами, но второй столб каждый раз оказывался на противоположной стороне дороги.

— Четвертый раз за вечер, — сказал полицейский, когда Кулик остановил машину. — Как только отхожу, этот чёртов знак переставляют.

Тимофей посмотрел на знак. На белой табличке значилось: «УЛИЦА ГОНЧАРНАЯ». Буквы двигались почти незаметно, как секундная стрелка. Через несколько мгновений появилась надпись «ГОНЧАРНЫЙ ПРОЕЗД», потом «ПРОЕЗДА НЕ БЫЛО».

— Весьма дружелюбный район, — сказал Тимофей.

Варвара вышла первой.

— Балахнин, ставишь измерительный штырь на исходный адрес. Не на дорожный знак, не на электронную карту. В землю и в стену дома одновременно. Нам нужно подтвердить, что точка одна и та же по обе стороны пропущенного дня.

— Если адрес живой, штырь может откусить наконечник, — заметил Сева.

— Возьмёшь запасной.

— Вы говорите о материальной части так, будто она вам не родная.

— Мне дороже та часть, которая умеет жаловаться.

У ограждения стояла девушка с курьерским рюкзаком размером с небольшой холодильник. На ней была жёлтая непромокаемая накидка, джинсы, запачканные краской, и ботинки с

разными шнурками — один красный, другой зелёный. Она жевала мятную резинку и внимательно рассматривала закрытую улицу, словно решала, как выгоднее продать её по частям.

— До чего дошёл сервис, — сказала она, увидев форму Палаты. — Даже катастрофы теперь с доставкой.

— Гражданка, покиньте опасную зону, — велела Варвара.

— Не могу. У меня срочный заказ.

— Адрес?

Девушка показала накладную. На ней было напечатано:

«КУДА: ЧЕТВЕРГ, 6 АПРЕЛЯ».

«КОМУ: ТОМУ, КТО ДОЖИВЁТ».

— Очень конкретно, — заметил Тимофей.

— Я Лиса, — сказала девушка. — Без фамилии. Фамилию продала в позапрошлом году. Налоговая была в восторге.

— Сева, — представился Сева. — Фамилию пока сохраняю. Она у меня единственное имущество, которое нельзя сдать в ремонт.

Лиса кивнула ему как старому знакомому и повернулась к Тимофею.

— А ты тот самый Руднев. Неловкий момент. Ты должен был исчезнуть примерно час назад.

Варвара мгновенно встала между ними.

— Откуда сведения?

— Из графика, — беззаботно ответила Лиса. — Он у меня платный. А ты, Крон, за эти новости ещё с прошлого раза не рассчиталась.

Слово «прошлого» прозвучало тяжело. Варвара даже не спросила, о каком разе речь.

— Покажи, что в рюкзаке.

Лиса расстегнула молнию. Внутри лежали не продукты. Плотно упакованные почтовые конверты, катушки с плёнкой, маленькие латунные часы и серебристые карточки с датами. На каждой карточке красовалась печать: «ПРОПУЩЕНО ПО СОГЛАСОВАНИЮ».

— Излишки календаря, — объяснила она. — Вчерашние пятницы, которыми никто не воспользовался. Два понедельника, оставшихся после отпуска. И один четверг. Практически новый, в заводской упаковке.

— Откуда у тебя четверг? — спросил Тимофей.

— А откуда у тебя право разговаривать с мертвецами?

— Мне звонят по рабочему номеру.

— Ну а мне — по предоплате.

Сева осторожно потянулся к одной карточке. Лиса хлопнула его по руке.

— Бесплатно только посмотреть.

— У нас здесь два часа до удаления района, — сказала Варвара. — Если ты умеешь остановить процесс, говори сразу.

— Остановить — нет. Дать вам трещинку в последовательности, чтобы вы туда вставили доказательство, — да. Но для этого нужно дожить до нуля. И мой четверг тут ни при чём. Его уже кто-то купил.

— Кто?

Лиса взглянула на Тимофея. Первое веселье исчезло с её лица.

— Твоя сестра.

Тимофей невольно взглянул на телефон. Имя Маргариты продолжало гореть в строке «истец». Под ним цифры вычитали минуты из жизни города.

— Она купила четверг? — переспросил он.

— Не совсем, — сказала Лиса. — Люди редко покупают время ради самого времени. Обычно им нужно то, что в нём случится. Она внесла плату за право доставки одного невостребованного четверга. Получателя не указала.

— И где посылка?

— В пути. У нас сложная логистика: день должен сначала наступить, чтобы я могла доставить его назад.

— Звучит как работа Почты России, — сказал Сева.

— Почта хотя бы оставляет извещение. У меня если не вручено, адресат может никогда не родиться.

Варвара протянула руку.

— Накладную.

— Деньги вперёд.

— Я могу тебя задержать.

— Конечно. Вы меня уже задерживали в августе. Через два дня отменили август, и я вышла из камеры ещё до задержания. Очень рекомендую. В ведомственном СИЗО кормят лучше, когда тебя там нет.

Крон не шелохнулась. Лиса помолчала, затем захлопнула рюкзак и сняла с его боковой ручки маленький латунный цилиндр. На торце виднелось окошко, в котором плавала бумажная полоска с надписью «00:01:03».

— Шестьдесят три секунды, — сказала она. — Остаток в пути. Он пока не принадлежит никому и потому ещё не удалён. Могу раскрыть в нужном месте. На расстоянии нескольких шагов будет настоящий четверг: с тиканьем, временем, причинно-следственными связями. Потом всё закончится.

— Хватит на фиксацию? — спросила Варвара у Севы.

— Если штырь удержится и если я всё подготовлю до раскрытия, — ответил техник. — Но нам нужен живой свидетель: не просто часы и не просто факт, что стояла стена, а человек, который находился в том же месте по обе стороны даты.

— Я буду, — сказал Тимофей.

Сева покосился на него.

— Ты не проходишь как «живой» даже в нашей заявке.

— Иногда приятно, когда коллеги верят в тебя.

— Я не о том. Регистратор может отклонить твою подпись до того, как ты её поставишь.

Тимофей взглянул на листок, торчавший из кармана Варвары. Её свидетельство. Одна человеческая фраза, способная удержать его в мире хотя бы несколько минут.

— Тогда найдём другого.

Лиса спрятала цилиндр в ладони.

— Услуга платная.

— Назови сумму.

— Мне не нужны деньги. — Она впервые посмотрела прямо на Тимофея, не на его куртку и не на форму. — Когда найдёшь первый адрес, назовёшь его мне. Без недомолвок. Я ищу человека, который был в этом месте до появления улиц.

Сердце Тимофея неприятно толкнулось. Проверяющий говорил о «создании первого места». И о подписи Риты. Возможно, совпадение. В Бережске совпадения любили маскироваться под семейные обстоятельства.

— А если я не найду?

— Тогда не скажешь. Я торгую временем, а не чудесами.

— Устная сделка? Без расписки?

— Ты ещё не понял, как плохи для тебя бумажки?

— Ладно, — сказал он. — Если узнаю, расскажу.

Лиса кивнула и протянула ему маленькую карточку. На ней не было ни имени, ни адреса. Только оттиск большого пальца и чернильная надпись: «ОБЕЩАНИЕ ПОЛУЧЕНО».

— Вот теперь мы знакомы, — сказала она.

Варвара посмотрела на карточку с таким выражением, с каким хирург смотрит на пациента, самостоятельно вытащившего из себя скальпель.

— Ещё одна самодеятельность — и я свяжу тебя так, что сумеешь только моргать.

— А если морганием укажу на ошибку в инструкции?

— Завяжу и веки.

. . .

За ограждением квартал выглядел почти обычно. Пекарня торговала булочками. В окне на первом этаже женщина гладила бельё и смотрела телевизор. На остановке подростки спорили, куда исчез их автобус. На рекламном экране высвечивались цены на стоматологию, от которых даже без Несовпадений хотелось перестать существовать.

Потом Тимофей заметил, что у всех людей одинаковые тени.

Независимо от уличных фонарей они ложились в одну сторону, к зданию поликлиники. И каждые несколько секунд удлинялись на сантиметр.

— К чему они тянутся? — спросил он.

— К пятнице, — ответила Лиса. — У пятницы завтра будет право собственности на всё, что четверг не успеет удержать.

Сева остановился у серого дома с табличкой «Гончарный проезд, 7/3». Окна были тёмными, кроме одного на третьем этаже. Там кто-то поставил на подоконник красный мяч.

На табличке цифра «3» слабо пульсировала. Сева приложил к ней металлический щуп. Зазвенело так, будто дом откашлялся.

— Слышите? Живой адрес.

— А мёртвые бывают? — спросил Тимофей.

— У нормальных людей — нет. У нас — целый архив.

Техник раскрыл чемодан. Внутри оказались два тяжёлых стальных штыря, катушка медной проволоки, механические часы с длинной секундной стрелкой и рулон бумаги. На корпусе часов кто-то процарапал: «НЕ ПОДКЛЮЧАТЬ К СЕТИ».

— Старые приборы лучше, — объяснил Сева. — Электронные часы легко переубедить. У них память, настройки, обновления. А пружине всё равно, какой нынче день. Она знает одно: ей надо раскрутиться.

— Я думал, это у меня подход к жизни примитивный, — сказал Тимофей.

Сева закрепил один штырь в трещине фундамента, второй — в стыке стены и дверного косяка. Соединил их проволокой. От прикосновения железа дом дёрнулся. Не метафорически: вся стена сместилась на ладонь, как живот огромного спящего зверя.

Из подъезда вышла женщина лет тридцати пяти в домашнем свитере. За руку она вела девочку с двумя косичками. Девочка держала пластиковый стаканчик с мелкими монетами.

— Вы из аварийной службы? — спросила женщина.

— Хуже, — ответил Тимофей. — У нас печати.

— Простите? Я живу здесь. У нас второй день лифт показывает пятницу. Я подумала, может, вы почините.

— Как вас зовут? — спросила Варвара.

— Оксана Королёва. Это Нина, моя дочь. У неё завтра выступление в музыкальной школе, а в расписании сразу седьмое число. Учительница говорит, что шестого никаких занятий не было. Но шестое-то ещё не наступило!

Девочка нахмурилась.

— Я выучила пьесу. Очень длинную. Целых две страницы.

— Поздравляю, — сказал Сева, не отрываясь от прибора. — Я в детстве тоже занимался музыкой. Теперь умею очень быстро не слушать начальство.

Нина посмотрела на него с искренним сожалением.

— Значит, вы плохо занимались.

— Да, — согласился Сева. — Похоже на то.

Варвара опустилась перед девочкой на корточки.

— Нина, сейчас ты с мамой выйдешь за жёлтую ленту. Не оборачивайся, даже если услышишь музыку. Поняла?

— А зачем не оборачиваться?

— Потому что там репетиция для очень плохого оркестра.

Девочка подумала.

— У нас тоже такой есть.

Женщина взяла её за руку крепче и поспешила к ограждению.

Они дошли до середины улицы, когда зазвонили все телефоны.

Не последовательно. Одним ударом, словно городские аппараты были колоколом.

На витрине пекарни время сменилось: «05.04.2028, 23:59».

Тимофей вытащил свой телефон. «05.04.2028, 22:11».

Сева побледнел.

— Ускорили. До нуля меньше минуты.

— Ты сказал, у нас два часа, — резко произнесла Варвара.

— Это было по городскому времени! Здесь последний час среды сворачивают как ковёр!

Оксана на другой стороне улицы развернулась.

— Что случилось?

Нина стояла у перехода и смотрела себе под ноги. Один из белых прямоугольников «зебры» вспыхнул, затем исчез. За ним — следующий. Между полосами открылся узкий разрез, в котором не было асфальта. Не было земли, труб, подвала. Там висело ровное серое пространство, заполненное чем-то похожим на мелкие буквы.

Девочка сделала шаг назад.

Но сзади уже не было тротуара.

— Мама? — спросила она.

Оксана бросилась к дочери. Варвара с такой силой перехватила её за плечи, что та вскрикнула.

— Не туда! — крикнула Крон. — Край удаляется!

Нина оказалась посреди улицы, на последней целой белой полосе. Обычная девятилетняя девочка, совершенно одна между двумя половинами реальности.

Её тень потянулась к поликлинике.

Изо рта Тимофея вырвалось что-то, что он потом не смог бы повторить даже под протокол. Он побежал.

Первые три шага дались легко. На четвёртом асфальт под ногами щёлкнул, как клавиша печатной машинки.

«ПОСТОРОННИЙ СВИДЕТЕЛЬ НЕ ОБНАРУЖЕН».

Надпись возникла прямо перед глазами — не на белом окне, а в воздухе, вырезанная из дождя.

Его правая нога на миг стала прозрачной.

Тимофей споткнулся. Вместо боли почувствовал пустоту, как если бы кто-то выдернул из него собственный вес. Сзади вскрикнул Сева.

— Тим, стой! Ты сейчас сам уйдёшь!

Серебряная нить Варвары обвила Тимофея поперёк груди и рванула назад. Он рухнул на колени, зато снова увидел свои ботинки.

— Я не могу держать вас обоих, — сказала Варвара, уже задыхаясь. — Руднев, не заставляй меня выбирать.

На переходе Нина медленно опустилась на корточки. Она закрыла голову руками. Слёзы смешивались с дождём, и Тимофей слышал, как она повторяет одно и то же:

— Я не хочу в пятницу. Я ещё в четверг не была.

Тимофей посмотрел на её мать. Оксана рвалась из рук Варвары; женщина пыталась добраться до дочери, даже когда земля между ними исчезала. Было что-то невыносимое в том, как она звала Нину по имени. Не испуганно. Упрямо. Так, словно одно это слово могло удержать человека.

— Сева! — выкрикнул Тимофей. — Штырь готов?

— Первый есть, второй… дом его выплёвывает!

На стене серого здания цифры адреса переписались сами собой. Вместо «7/3» появилось «НЕТ НОМЕРА».

Стальной штырь вылетел из щели и ударил Севу в плечо. Техник повалился на бок, прижимая руку. Из раны потекла кровь.

— Он живой, — прохрипел Сева. — И очень невоспитанный.

Лиса сорвала рюкзак с плеч. Рядом с ней замерла тень, хотя сама девушка продолжала двигаться.

— Без адреса мою посылку не раскрыть! — крикнула она. — Нам нужно заставить стену назвать себя!

Тимофей поднялся. Перед ним висела белая строка «ПОСТОРОННИЙ СВИДЕТЕЛЬ НЕ ОБНАРУЖЕН». Но он видел, как в кармане Варвары рвётся бумага с его именем. Буквы на листке проступили сквозь ткань. «Я ВИЖУ ПЕРЕД СОБОЙ…» — и дальше чернила начали бледнеть.

Сколько у него времени? Семь секунд? Три?

Тимофей наконец понял, что пыталась сделать улица. Она не убивала Нину. Убийство оставило бы тело, свидетелей, причину. Улица утверждала, что девочки на переходе никогда не было. А потом подгоняла действительность под формулировку.

— Лиса! — закричал он. — Если я отменю это утверждение, четверг вернётся?

— Нет! — отозвалась та. — Ты вернёшь только то, чего оно касается. Не путай одну строчку со всей книгой!

— Значит, мне нужно сначала доказать, что девочка здесь!

Он повернулся к Севе.

— У твоего прибора есть датчик веса?

— Есть. Он в фундаменте!

— Соедини его с переходом! Земля под нами одна, пока её не удалили!

Сева открыл рот, собираясь объяснить, почему это невозможно. Вместо этого сплюнул кровь и принялся разматывать медную проволоку.

— Ты умрёшь из-за того, что физику преподавали плохо, — буркнул он.

— Я уже умер один раз за вечер, — ответил Тимофей. — У меня опыт.

. . .

Варвара бросила Севе конец серебряной нити. Тот быстро прикрутил её к медной проволоке и штырю в фундаменте. Шов соединил последние белые полосы перехода с домом. Нить натянулась так сильно, что Варвара пошатнулась; под её перчаткой проступило тёмное пятно.

— Крон, отпусти! — крикнула Лиса. — Ты шьёшь не дверь. Ты шьёшь дату!

— Знаю, что делаю.

— Нет, — зло сказала Лиса. — Поэтому и предупреждаю.

Крон удерживала нить двумя руками. Тимофей видел, как из уголка её рта стекает кровь.

— Сева, говори! — прохрипела она.

Техник повернул механический ключ. Из принтера вылезла узкая бумажная лента. Первые деления были ровными. Затем игла подпрыгнула.

«ДАВЛЕНИЕ НА ПОВЕРХНОСТЬ: 28,4 КГ».

— Зафиксировано! — крикнул Сева. — Там масса! Масса на переходе!

Надпись перед Тимофеем мигнула. «ПОСТОРОННИЙ СВИДЕТЕЛЬ НЕ ОБНАРУЖЕН».

— Девочку зовут Нина Королёва, — сказал он громко. — Её мать Оксана Королёва стоит в трёх метрах от неё. Двадцать восемь килограммов на переходе — это не пустота.

Сухой звон прозвучал у него в голове.

Белое окно раскрылось на фоне исчезающей улицы.

«ОБНАРУЖЕНО ПРОТИВОРЕЧИЕ».

«ОСПАРИВАЕМОЕ УТВЕРЖДЕНИЕ: НА ПЕРЕХОДЕ ОТСУТСТВУЕТ ЧЕЛОВЕК».

«ПРЕДМЕТ: НИНА ОКСАНОВНА КОРОЛЁВА».

«ОСНОВАНИЕ: НЕЗАВИСИМОЕ ИЗМЕРЕНИЕ / ЛИЧНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО».

«ВОЗРАЖЕНИЕ ДОПУСТИМО В ТЕЧЕНИЕ СЕМИ УДАРОВ СЕРДЦА».

Семь.

Тимофей почувствовал первый удар так отчётливо, будто кто-то постучал изнутри грудной клетки.

Шесть.

— Принимаю доказательство, — произнёс он.

Пять.

«ОТМЕНЯЕТСЯ ОДНО УТВЕРЖДЕНИЕ. КАЛЕНДАРНАЯ ЕДИНИЦА ОСТАЁТСЯ ПОД ВОПРОСОМ».

Четыре.

«СТОИМОСТЬ: ОДНО НЕВОССТАНАВЛИВАЕМОЕ ВОСПОМИНАНИЕ».

Три.

Он успел подумать о матери. О том, как она звонила ему в машине. О её лице на экране телефона. Не потому, что выбрал эту память, а потому, что боялся за неё больше всего.

Два.

— Подтверждаю.

Белое окно сжалось в точку.

Одна полоска пешеходного перехода вспыхнула ослепительным белым светом. Потом ещё одна. Нина вскрикнула, когда воздух вокруг неё стал плотным, настоящим, как после дождя становится настоящим запах асфальта.

Тимофей бросился вперёд. На этот раз улица не возражала против его существования. Он подхватил девочку под мышки и прыгнул на ближайшую целую полосу.

Его собственный ботинок остался за краем — вместе с куском подошвы и, судя по боли, кожей на пятке.

Он упал на тротуар. Нина вцепилась ему в куртку, совершенно не собираясь отпускать.

— Мама! — закричала она.

Оксана рухнула рядом с ними, обнимая дочь. Тимофей успел увидеть её лицо — живое, перекошенное от страха, с мокрыми волосами на щеках.

И тут вспомнил, что у него тоже есть мать.

Только не смог вспомнить, как она выглядит.

Он знал её имя. Знал, как она завязывает шарф, во сколько встаёт и какую сторону хлеба намазывает маслом. Помнил кухонные часы и голос в телефонной трубке. Помнил даже, где на кухне треснула плитка и как мать однажды разрезала себе ладонь о банку с вареньем.

Но когда он попытался представить её лицо, в голове осталась гладкая, безупречно пустая поверхность.

— Нет, — прошептал он.

Тимофей достал телефон. Нашёл фотографию с моря. На экране стояла женщина в светлом пальто. Снимок был резким, лицо прекрасно различимым.

Он смотрел на неё и не узнавал.

Никакое усилие не помогало. Он мог читать её имя, мог слушать сохранённые голосовые сообщения. Но фотография была фотографией чужого человека, про которого кто-то рассказал ему очень много подробностей.

— Нет, — повторил Тимофей, уже беззвучно.

У него дрожали пальцы. Он хотел позвонить ей, услышать голос, убедиться, что всё остальное осталось. И не позвонил. Не знал, как объяснит, почему смотрит на мать и не может её узнать.

— Что с тобой? — спросила Нина.

Он спрятал телефон.

— Ничего. Пропустил семейное фото.

Девочка не поняла шутку. И хорошо. В первый раз за много лет Тимофей был бы рад, если бы его никто не понял.

За спиной щёлкнуло стекло.

На вывеске пекарни появилось: «ПЯТНИЦА. 7 АПРЕЛЯ. 00:00».

Девочку он спас. Четверг продолжал исчезать.

. . .

— У нас сорок секунд до закрытия! — закричал Сева.

Он зажимал рану на плече, но второй рукой продолжал вращать рукоятку прибора. Бумажная лента ползла по асфальту, как змея, оставляя на мокрых камнях отпечатки времени.

Лиса держала латунный цилиндр. В его окошке цифры уменьшались: «00:00:58».

— Если раскрою сейчас, получится меньше минуты настоящего четверга, — сказала она. — Но штырь стоит на доме, который отказывается иметь адрес. Доставка сорвётся.

Варвара стояла у перехода, упершись спиной в фонарный столб. Серебряная нить соединяла две части улицы. Из-за натяжения она не могла пошевелить руками.

— Руднев. Посмотри на табличку.

На стене снова проступили слова «НЕТ НОМЕРА».

— Вижу.

— Помоги ему вспомнить адрес.

— Ты серьёзно предлагаешь поговорить с домом?

— Ты же нашёл общий язык с мёртвым чиновником.

Сева резко рассмеялся и тут же поморщился от боли.

Тимофей подошёл к стене. С каждым шагом кирпичи под пальцами меняли поверхность: шершавая штукатурка, гладкая плитка, влажное дерево. Дом перебирал собственные варианты, выбирая тот, который проще было уничтожить.

Надпись гласила:

«АДРЕС НЕ УСТАНОВЛЕН. ПОЭТОМУ СОБЫТИЯ ПО АДРЕСУ НЕ ПРОИСХОДИЛИ».

У него снова щёлкнуло в голове. На мгновение перед глазами возникло белое окошко, но оно не раскрылось полностью.

«НОВОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ НЕДОСТУПНО ДО ЗАВЕРШЕНИЯ ПРЕДЫДУЩЕЙ ПРАВКИ».

Под строкой бежал короткий счётчик. Время для ещё одной отмены не пришло — и, если честно, Тимофей не был уверен, что сумеет пережить её.

Он прислонился лбом к холодной стене и вдруг заметил маленькую вмятину возле таблички. Когда-то здесь висела другая: старая, эмалированная, с четырьмя дырочками по углам. Её сняли, но пятно на штукатурке сохранилось.

— Сева, — сказал Тимофей, — у тебя сканер краски есть?

— Ты решил заняться ремонтом?

— Я хочу узнать, что здесь написали до того, как дом научился читать.

Сева вытянул из чемодана компактный фонарь с ультрафиолетовой лампой.

— Лови.

Тимофей поймал фонарь на лету и провёл лучом по стене. Под новой табличкой проявились несколько слоёв старой краски. Почти стёртые буквы: «ул. Гончарная, 7». Ниже — кривой номер подъезда, выведенный жильцами от руки.

Он понял.

— Мы пытаемся доказать дому, какой у него правильный адрес, — сказал он. — А он меняет реестр быстрее, чем мы смотрим. Но старая табличка не согласовывала своё существование ни с каким реестром. Её прибили люди.

— Давайте без философии! — крикнула Варвара.

— Это не философия. Это ремонт!

Он засунул пальцы под край новой таблички и с силой дёрнул. Пластик не поддался. Точно так же, как девятый этаж не хотел отпускать двери, дом не хотел отпускать своё новое имя.

Сева подхромал ближе, вынул из чемодана монтажку и протянул Тимофею.

— Я всегда говорил, что наш главный метод — техническое образование и насилие над оборудованием.

Тимофей упёр монтажку в стену и ударил по пластиковой вывеске. Раз. Второй. На третий раз надпись «НЕТ НОМЕРА» треснула, и из-под неё на мгновение выглянуло прежнее «7/3».

— Сева, сейчас!

Техник загнал штырь в старую дырку для крепления эмалированной таблички. Металл прошёл легко, почти нежно. Он зафиксировал проволоку, и механическая лента вдруг выдала ровную линию.

«ОБЪЕКТ: СТЕНА ЖИЛОГО ДОМА».

«АДРЕС ПО ФАКТИЧЕСКОМУ НАХОЖДЕНИЮ: ГОНЧАРНАЯ, 7».

«НЕПРЕРЫВНОСТЬ МАТЕРИАЛА: ПОДТВЕРЖДЕНА».

— Есть! — заорал Сева.

Лиса сорвала предохранитель с цилиндра.

Пахнуло яблоками, мокрым железом и свежей типографской краской.

Между её ладонями раскрылось крошечное пространство — меньше листа бумаги, прозрачное, как стекло. Сквозь него виднелась улица, которой ещё не было. Та же пекарня, тот же дом, но небо за крышами было светлее. Надпись на витрине сообщала: «ЧЕТВЕРГ. 6 АПРЕЛЯ».

Вечерняя реальность вздрогнула.

— Четверг прибыл! — крикнула Лиса. — Ненадолго!

Варвара развела руки. Серебряные нити натянулись от края вечерней среды к светлому прямоугольнику четверга, а потом — к начинавшейся пятнице. Впервые за всю ночь шов

соединил не поверхности, а последовательность: чтобы попасть в пятницу, теперь требовалось пройти через четверг.

И улица этому не обрадовалась.

Из-под асфальта поднялись три фигуры в серых плащах. У них не было лиц. Вместо лиц — бумажные календари с аккуратно вычеркнутыми четвергами. Их руки были длинными и тонкими, как полоски кассовых чеков. На рукавах виднелись печати «ИЗЪЯТИЕ ВЫПОЛНЕНО».

— Приставы, — коротко сказала Лиса. — Вот теперь всё официально.

Первый шагнул к Севе.

Сева успел поднять монтажку, но существо протянуло пустую ладонь, и на его куртке проступила надпись «ОТСУТСТВОВАЛ 06.04». Сева дёрнулся, будто его выдернули из собственного тела. Прибор жалобно заскрипел.

— Руднев! — крикнула Варвара. — Свидетельство!

Тимофей подхватил бумажную ленту и сорвал её с барабана. Длинный хвост с отпечатками времени обвил руку пристава. Существо отшатнулось. Печать на его плаще мигнула.

Тимофей не отменял ни одного утверждения. Он просто сунул под нос нечеловеческому исполнителю документ, который тот не мог игнорировать.

— Вот! — крикнул он. — Стена была до четверга, в четверг и после четверга. Не надо меня любить. Примите к сведению!

Второй пристав распахнул бумажное лицо. Там оказалась дыра размером с открытый рот. Из неё раздался сухой голос:

— СВИДЕТЕЛЬСТВО НЕЗАВИСИМОГО ЛИЦА ОТСУТСТВУЕТ.

— Присутствует! — выкрикнула Оксана.

Она стояла на тротуаре, одной рукой прижимая к себе Нину. Другой держала оторванный листок из школьного блокнота. Тимофей не видел, когда она успела его достать.

— Я живу в этом доме восемь лет! В среду я была здесь. В четверг я тоже здесь! И в пятницу буду! Понятно вам?!

— Мама, — тихо сказала Нина, — в четверг мы репетировали.

Оксана посмотрела на дочь, потом перевела взгляд на светлый прямоугольник, где действительно звенел колокольчик музыкальной школы. Девочка шагнула вперёд и поставила свою маленькую ладонь на стену дома. Пальцы прижались к старому следу от таблички.

— Меня зовут Нина Королёва. Я здесь живу. Я выучила две страницы. И вы не можете сказать, что я их не выучила, потому что я умею играть.

Она начала напевать мелодию. Робко, с ошибками, на половине нот перескакивая в другой тон. Но без остановки.

Тимофей не мог бы объяснить, почему именно эта детская песенка вдруг оказалась важнее всех приборов. Наверное, потому, что звук существовал независимо от того, разрешено ли ему существовать. Для его появления не требовалась печать.

— Записывай! — крикнул он Севе.

Техник понял. Он прижал микрофон старого магнитофона — единственного устройства в его чемодане, которому не требовалась связь с городским временем, — к стене и нажал кнопку записи.

Лиса взглянула на цилиндр.

— Двадцать секунд!

Из здания поликлиники вырвался звук шагов. По улице шли новые приставы. Одновременно из окон домов полетели белые листы — уведомления об отсутствии жильцов. У каждого на обороте красовалась дата: 6 апреля.

Варвара опустилась на одно колено. Серебряная нить в её руках стала красной.

— Двенадцать, — сказала Лиса. — Одиннадцать…

Первый пристав схватился за бумажную ленту, которую держал Тимофей. Тот дёрнул её на себя. На долю секунды печать «ИЗЪЯТИЕ ВЫПОЛНЕНО» оказалась поверх показаний прибора. Чернила начали расползаться.

— Не рвать! — закричал Сева. — Если лента порвётся, мы потеряем временную непрерывность!

Тимофей прижал ленту к груди, подбежал к Варваре и вытащил из её внутреннего кармана листок, написанный у дома на Дачной. Тот самый, где утверждалось, что он жив.

— Это и есть независимый свидетель, — сказал он в бумажную пустоту лица. — Человек, который существует только потому, что другой человек готов за него поручиться.

Он приложил лист к приборной ленте. Чернила на двух бумагах начали смешиваться, хотя дождь давно перестал попадать сюда. Белое окошко мигнуло на краю зрения.

«СВИДЕТЕЛЬСТВО ПРИНЯТО К РАССМОТРЕНИЮ».

«ОСНОВАНИЕ: НЕПРЕРЫВНОСТЬ МЕСТА / НЕЗАВИСИМОЕ ПРИСУТСТВИЕ».

«ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОБ УДАЛЕНИИ КАЛЕНДАРНОЙ ЕДИНИЦЫ: ПРИОСТАНОВЛЕНО ДО ПРОВЕРКИ».

— Три, — прошептала Лиса. — Два…

Светлый прямоугольник схлопнулся.

Все часы на улице остановились.

На одно мгновение Тимофей увидел, как Бережск выглядит без времени: неподвижные капли дождя, раскрывшиеся рты людей, бумажные силуэты приставов, застывшие в шагах. Даже боль в ноге не успевала к нему добраться.

Потом часы пошли дальше.

На витрине пекарни высветилось: «ЧЕТВЕРГ. 6 АПРЕЛЯ. 00:00».

Приставы рассыпались на мокрые квитанции. Лента в руках Тимофея перестала натягиваться. Варвара упала на бок и, к его удивлению, начала смеяться — коротко, сипло, скорее от бессилия.

Четверг вернулся.

По крайней мере, пока.

. . .

Через двадцать минут, когда из квартала вывезли последних пострадавших, улица вновь стала похожа на улицу. Пекарня закрылась. Оксана увела Нину домой, раз десять спросив, как фамилия у человека, который спас дочь. Тимофей каждый раз называл её, и каждый раз женщина благодарила его так, будто боялась забыть хотя бы одно слово.

Сева сидел на ступеньке машины скорой помощи. Фельдшер перевязывал ему плечо и обещал, что рана несерьёзная, если не считать осколка металла, крови и обстоятельства, что вчера в эту минуту Сева официально отсутствовал.

— Я попросил больничный, — сообщил техник, когда Тимофей подошёл. — Мне сказали, что его можно оформить только с четверга. А четверг у нас, как выяснилось, — очень ненадёжный сотрудник.

— Ты молодец, — сказал Тимофей.

Сева поднял глаза.

— Ты это мне?

— Нет, штырю. Он тоже сильно пострадал.

— А я думал, ты растрогался.

— Не привыкай.

Сева помолчал, потом осторожно спросил:

— Тим. Когда ты полез к девочке… Ты как будто исчезал. Это было из-за того текста, который появился на улице?

Тимофей присел рядом. Сказать правду очень хотелось. Это было бы почти облегчением: переложить часть ужаса на другого человека, назвать хотя бы одно слово, которое он до сих пор произносил только мысленно.

Но он вспомнил голос из звонка. «Не говори никому, что видел белый текст. Особенно Варваре».

— Я не знаю, — соврал он.

Сева посмотрел на него слишком внимательно для человека, которого только что обработали антисептиком.

— Ладно, — сказал он. — Тогда запомни вот что: наш прибор не зафиксировал твоего исчезновения. В графе присутствия стало на одного человека меньше, но масса осталась той же. Мир не смог решить, кого именно вычесть.

— Это хорошо?

— Для нас — не очень. Для тебя… возможно, это единственная причина, почему мы вообще сюда успели.

Он протянул Тимофею короткий кусок ленты. На ней были три отметки. Среда. Четверг. Пятница. Между ними — кривая линия, не прерывавшаяся ни разу.

— Держи. На всякий случай. Вдруг тебе снова придётся кому-то доказывать, что дни идут по порядку.

Тимофей спрятал ленту рядом с фотографией Риты.

Он вспомнил мать. Вернее, вспомнил всё, что знал о ней, за исключением самого важного образа. Странное дело: лицо не было первым, о чём он думал раньше. Теперь отсутствие лица занимало всё пространство памяти.

Он открыл её контакт. Увидел привычную фотографию. Пожалуй, если бы она сейчас подошла к нему на улице и назвала его по имени, он узнал бы её по голосу. Но не по глазам. Не по улыбке. Не по лицу, которое видел тысячи раз.

Телефон завибрировал в руке.

«Мама: Не забудь поесть. И возьми шапку, ночью холодно».

Тимофей попытался написать «хорошо». Стер. Написал «люблю тебя» — и долго смотрел на эти слова, чувствуя, насколько они меньше того, что он хотел сказать.

В конце концов отправил.

Ответ пришёл сразу: «Я тебя тоже, дурачок».

Он закрыл глаза.

Это сообщение не восстановило воспоминание. Не вернуло ни одной черточки. Но мать оставалась живой по ту сторону экрана, и никто ещё не издал постановление, которое запрещало ему любить человека, чьё лицо он забыл.

— Тимофей.

Перед ним стояла Варвара. Её успели перевязать; рука под курткой была забинтована от локтя до запястья. Она выглядела старше, чем час назад, и опаснее.

— Мне нужно знать, почему иск по делу ноль-ноль-ноль-один связан с тобой, — произнесла она.

— А мне нужно знать, почему женщина в квартире девяносто четыре назвала тебя Варей.

На миг взгляд Варвары переменился. Не страх. Что-то похожее на боль, которую человек научился не показывать даже самому себе.

— Ты разговаривал с ней? — спросила она.

— Она разговаривала со мной.

— Ты уверен, что это была она?

— А ты?

Варвара посмотрела за его плечо. Лиса стояла у ограждения и с подозрительным интересом изучала бинт на руке Севы.

— С этого момента, — сказала Крон, — у тебя будет один приказ. Ни один служебный документ, касающийся тебя, ты не подписываешь, пока его не проверю я.

— Даже заявление на отпуск?

— Особенно заявление на отпуск. И ещё, Руднев…

Она медлила. Тимофей впервые видел, как ей трудно подобрать слова.

— Если услышишь голос Маргариты, не обещай ничего, пока не поймёшь, кому именно обещаешь.

— Ты знаешь её.

— Когда-то знала.

— Откуда?

Варвара отвела взгляд.

— Из одного дела, которое никто не должен был открывать.

Она ушла, не добавив ни слова.

Тимофей посмотрел вслед. Ему казалось, что он всё время находится на пороге правильного вопроса. Но каждая попытка сформулировать его приводила лишь к новой двери, за которой кто-то уже заранее приготовил ложь.

. . .

Лиса догнала его у машины. Она больше не жевала резинку. Рюкзак выглядел легче, а на жёлтом плаще засохло пятно от чужой крови.

— Ты обещал рассказать про первый адрес, — напомнила она.

— Когда найду.

— А я обещала тебе четверг. Получается, оба пока хорошие люди. Надеюсь, ненадолго.

Она протянула маленький конверт из плотной серой бумаги.

— Что это?

— Чек. За сегодняшний заказ.

На лицевой стороне было выбито «ДОСТАВКА ИСПОЛНЕНА». Под штампом значилось:

«ОТПРАВИТЕЛЬ: М. А. РУДНЕВА».

«СОДЕРЖИМОЕ: ШЕСТЬДЕСЯТ ТРИ СЕКУНДЫ ЧЕТВЕРГА».

«ПОЛУЧАТЕЛЬ: Т. А. РУДНЕВ».

— Она отправила это мне? — спросил Тимофей.

— Заказ оформлен в тот день, когда твою сестру внесли в первое место. Я не умею читать мысли клиентов. Просто развожу то, что они отдали на хранение.

— Тридцать первое ноября две тысячи семнадцатого?

Лиса кивнула.

Тимофей почувствовал, как холод пробежал вдоль позвоночника. Рита исчезла в 2016-м. Через год подписала что-то, связанное с созданием первого места. И в тот же день оставила для него минуту четверга, которая понадобилась сегодня, спустя одиннадцать лет.

Значит, она знала?

Или сделала так, чтобы это произошло?

— Мне кажется, — сказал Тимофей, — у моей семьи нездоровая привычка планировать всё заранее.

— Ты даже не представляешь насколько.

Лиса не спешила уходить. Глаза у неё были усталые, как у человека, который давно возит чужие беды и никогда не доезжает до собственной.

— Вопрос, — сказала она. — Ты понимаешь, почему это был именно четверг?

— Потому что он после среды?

— Потому что на рынке можно купить почти любой пропущенный день. Но нельзя продать день, в котором тебе не дали умереть.

— Это ещё что значит?

Лиса присела на корточки, поставила конверт на колено и достала из бокового кармана рюкзака второй документ — чёрную карточку с серебряной окантовкой.

На ней стоял номер лота: «14».

— Сегодня кто-то попытался удалить четверг из квартала, — объяснила она. — Ты не дал этого сделать. Из-за тебя в одном временном интервале осталось незавершённое событие. А всё незавершённое рано или поздно попадает к перекупщикам исходов.

— Ближе к сути.

— На завтрашнем аукционе продают твою смерть.

Тимофей невольно рассмеялся.

— Дешёвая будет покупка. У меня и без того запись в базе есть.

— Это не запись. — Лиса показала обратную сторону карточки. — Это уже произошедший исход, который кто-то остановил до исполнения. Покупатель получит право завершить его. Без свидетелей, без полиции, без возражений по месту.

Тимофей перестал улыбаться.

На обороте серебром было выдавлено:

«ЛОТ № 14. НЕЗАВЕРШЁННАЯ СМЕРТЬ ТИМОФЕЯ АНДРЕЕВИЧА РУДНЕВА».

«ДАТА СОБЫТИЯ: 5 АПРЕЛЯ 2028 ГОДА».

«ОСТАНОВИВШИЙ ИСПОЛНЕНИЕ: М. А. РУДНЕВА».

«УСЛОВИЕ ПРОДАЖИ: ПОКУПАТЕЛЬ ОБЯЗАН ЛИЧНО НАЗВАТЬ СВОЁ ИМЯ».

Всё вокруг продолжало жить: работали двигатели машин, переговаривались фельдшеры, где-то за ограждением плакала Нина, не желавшая расставаться с матерью. А Тимофей смотрел на одну строку.

Маргарита остановила его смерть.

Не сейчас. Не на девятом этаже. В самом начале вечера, до того, как он узнал, что существует квартира девяносто четыре.

— И кто продаёт? — спросил он.

Лиса показала ему нижнюю часть карточки.

Там была ещё одна печать:

«ИЗНАЧАЛЬНЫЙ ВЛАДЕЛЕЦ ЛОТА: ГОРОДСКАЯ ПАЛАТА СВЕРКИ».

Тимофей поднял глаза на серое здание ведомственного автобуса. На двери чернел знакомый девиз: «ВСЁ ДОЛЖНО БЫТЬ УЧТЕНО».

Он вдруг вспомнил, что первым сообщил ему о смерти не проверяющий, не пристав и не сестра.

Сообщила собственная рабочая база.

А потом Варвара потребовала срочно выехать по заявке.

— И ещё, — сказала Лиса.

Она перевернула карточку. Раньше там не было ничего, кроме номера лота. Теперь под ним появилась новая строка, красная, будто выведенная свежей кровью.

«ТЕКУЩАЯ СТАВКА: ОДНА ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ».

«УЧАСТНИК ТОРГОВ: ВАРВАРА НИКОЛАЕВНА КРОН».

Тимофей не отрывал взгляда от букв.

Из-за машины вышла Варвара.

— Что она тебе дала? — спросила она.

Тимофей сложил карточку пополам. Очень аккуратно, по линии, которая отделяла имя Варвары от условия продажи.

— Сдачу, — сказал он.

И впервые за весь этот бесконечный вечер подумал, что человек, который его спасает, вполне может оказаться тем, кто заранее заплатил за его смерть.

Глава 3
РЫНОК ЧУЖИХ КОНЦОВ

— Сдачу? — переспросила Варвара.

Она посмотрела на сложенную чёрную карточку в руке Тимофея. Потом на Лису. Усталость с её лица исчезла так быстро, будто кто-то щёлкнул выключателем.

— У неё специфическая валюта, — ответил Тимофей. — Кстати, Варвара Николаевна, вы когда-нибудь покупали человеческую жизнь?

Сева, прислонившийся плечом к машине скорой помощи, поднял голову.

— Я один пропустил момент, когда у нас стало принято обсуждать это при свидетелях?

— Разумеется, — сказал Тимофей. — Важные кадровые решения всегда принимаются без тебя.

Варвара не отвела взгляда.

— Что именно она тебе показала?

Не «что сказала». Не «откуда сведения». Именно «показала».

Тимофей медленно убрал карточку в карман. У внутренней стороны куртки лежали серая накладная на шестьдесят три секунды четверга, полоска бумажной ленты с измерительного прибора и фотография Риты. Из-за этих трёх предметов куртка казалась тяжелее бронежилета.

— Счёт за услуги, — произнёс он. — Сколько стоит спасти человека, если тот уже однажды умер?

— Не здесь, Руднев.

— Прекрасно. Значит, обсуждать убийство подчинённого в общественном месте у нас всё-таки не принято. Запишу в преимущества работы.

Варвара сделала шаг к нему. Лиса, ещё минуту назад беззаботно крутившая на пальце ремешок рюкзака, перестала улыбаться.

— Если хочешь спросить меня о чём-то, — тихо сказала Крон, — спроси без зрителей.

Тимофей мог ответить. Потребовать объяснений. Вытащить карточку и прочитать вслух каждую строку, включая ставку, за которую Варвара предложила чью-то жизнь. Всё, что мешало, — воспоминание о её почерке на бумаге: «Я вижу перед собой Тимофея Андреевича Руднева. Он жив».

Она написала это прежде, чем кто-либо рассказал ей об аукционе.

А может быть, как раз потому, что рассказали.

— Спрошу, — сказал он. — Когда буду уверен, что ответ переживу.

Варвара напрягла челюсть. На перевязи под курткой расползлось тёмное пятно.

— В больничный автобус. Оба. Палата прислала приказ о возвращении.

— И кто его подписал?

— Начальник оперативного отдела.

— У меня к приказам сегодня неприятное отношение.

— У меня к тебе тоже. Поехали.

Она отошла к машине. Сева проводил её взглядом, повернулся к Тимофею и произнёс почти беззвучно:

— Что за карточка?

— Оказывается, я выставлен на продажу.

— Целиком?

— Пока только смерть.

Сева почесал переносицу здоровой рукой.

— Ну, хоть что-то в тебе удалось монетизировать.

. . .

На обычных городских часах было 22:34 среды, пятого апреля. В Гончарном квартале за ограждением уже наступил четверг, шестое. На телефоне Тимофея поочерёдно высвечивались обе даты, а затем — предупреждение о необходимости подтвердить часовой пояс.

Он отключил геолокацию. Телефон показал 31 ноября.

— Очень полезная вещь, — сказал Тимофей и спрятал его.

Сева сидел на откидном сиденье передвижного медицинского пункта, пока фельдшер зашивал ему плечо. Техник бледнел при каждом прикосновении иглы, но продолжал перебирать одной рукой ремни своего измерительного чемодана.

— Никакой тяжёлой нагрузки двое суток, — сказала фельдшер.

— А лёгкую катастрофу можно? — спросил он.

— Вы из Палаты?

— Нет, мы из кружка краеведения.

Она молча затянула узел. Сева издал звук, который мог бы сойти за молитву, если бы в молитвах разрешалось такое количество оскорблений.

Тимофей раскрыл чёрную карточку. Лиса стояла рядом и жевала резинку с видом человека, наблюдающего за самым неприятным заказом за месяц.

— Начнём с очевидного, — сказал он. — Почему моя смерть вообще кому-то принадлежит?

— Потому что исход можно оформить, — ответила Лиса. — Когда событие уже признано состоявшимся, но не доведено до конца, остаётся право его завершить. Развод, который никто не объявил. Последнее слово, которое человек не сказал. Час, когда поезд должен был разбиться, но не разбился.

— И смерть, которая случилась в девять четырнадцать, хотя её участник в тот момент размешивал кофе.

— Вот именно.

— Обычно таких участников называют пациентами психиатрической больницы.

— Там тоже есть отдел учёта, — серьёзно сказала Лиса. — Я бы на твоём месте не хвасталась.

Фельдшер попросила их замолчать. Они замолчали настолько ненадолго, насколько это было возможно.

— Где торгуют исходами? — спросил Тимофей.

— Под старым Дворцом бракосочетаний. После полуночи там открывается рынок. На твоей карточке указано «на завтра», потому что аукцион назначен на четверг шестого апреля, в ноль семнадцать по обычному городскому времени. Не по Гончарному. В этом городе очень важно уточнять, чьи именно часы тебя убивают.

— Ты собираешься туда? — спросил Сева.

— Мне нужно понять, кто пытается купить мой конец. И почему в графе «владелец» стоит наша Палата.

— На карточке ещё кое-что стоит, — сказала Лиса. — Ты не будешь спрашивать?

— Про Крон?

Она кивнула.

Тимофей посмотрел на дверцу медицинского фургона. Снаружи мелькала фигура Варвары. Она говорила по рации, прижав её к уху здоровой рукой. Другой придерживала перевязь.

— Пока я знаю только то, что кто-то предложил человеческую жизнь за мою смерть. Не самое приятное начало доверительных отношений.

— На рынке ставки принимают буквально, — предупредила Лиса. — Не фигурально. Не «я бы жизнь отдала». Если там написано «одна человеческая жизнь», человек действительно её заложил. Чью — другой вопрос.

— Можно поставить чужую?

— Если она тебе принадлежит.

Сева медленно перестал застёгивать чемодан.

— Простите, а с какого момента люди могут кому-то принадлежать?

Лиса не ответила. И именно этим ответила.

У фургона скрипнула дверь. Вошёл Кулик — седая борода, тяжёлая куртка, на плече капли дождя. Он держал в руках мокрый бумажный приказ.

— Из Палаты. Для Крон, — сообщил водитель. — По внутреннему каналу требуют доставить Руднева в изолятор до полуночи. Основание — необходимость проверки статуса.

— О, — сказал Тимофей. — Появился новый жанр: административное похищение.

— Есть подпись?

Кулик развернул лист. Внизу было написано: «ИСПОЛНИТЕЛЬ: СТАРШИЙ ИНСПЕКТОР В. Н. КРОН». Графа «ПОДЛЕЖАЩЕЕ ДОСТАВКЕ ЛИЦО» оставалась пустой.

— Вот потому не люблю электронные документы, — заметил водитель. — Они хоть знают, кого везут. А эти совсем обленились.

Тимофей вгляделся в пустую графу.

— Если меня нет в заявке, нельзя законно доставить меня по приказу. Правильно?

— Законно — нет, — сказала Лиса. — Но у них есть руки, наручники и весьма богатая фантазия.

— Отлично. Тогда я выбираю противозаконное отсутствие.

Варвара появилась на пороге.

— В изолятор не едем, — сказала она.

Все посмотрели на неё.

— Приказ не имеет адресата. Кулик, оформляешь невозможность исполнения. Балахнин, сдаёшь снаряжение и едешь домой.

— А Руднев? — спросил Сева.

— Руднев остаётся со мной.

Тимофей с неожиданной ясностью понял, что не знает, чего боится больше: когда Варвара выполняет приказ или когда отказывается.

— Тогда у меня тоже предложение, — сказал он. — Мы едем в старый Дворец бракосочетаний.

Варвара посмотрела на Лису. По этому взгляду Тимофей понял, что адрес ей знаком.

— Нет.

— Очень убедительный аргумент. У тебя был предмет «убеждение» на курсах повышения квалификации?

— Там продают не вещи. Там продают последствия. Не хватайся за шутку, пока не поймёшь разницы.

— А я как раз хотел разобраться с последствиями того, что умер без спроса.

Варвара закрыла глаза. В её лице что-то дрогнуло: не испуг, а усталость человека, который видел начало катастрофы и вынужден смотреть, как к нему идут второй раз.

— Ты не пройдёшь через вход, — сказала она. — У тебя нет записи о праве на вход.

— Зато у меня есть приглашение. С моим именем и предложенной ценой.

Крон посмотрела на чёрную карточку у него в руке. Её пальцы сжались.

— Не называй там своего имени, — произнесла она. — Ни полным, ни сокращённым. Что бы тебе ни предлагали. И ни при каких обстоятельствах не подписывай накладную на получение самого себя.

— Чудесно, — сказал Тимофей. — Значит, корпоративная вечеринка отменяется?

— Скажем так, — ответила Лиса. — Корпоративная вечеринка только начинается.

. . .

Кулик свернул с набережной в узкую улицу, которой, по мнению навигатора, не было. Дождь стал сильнее. На заднем сиденье Сева тщетно пытался пристегнуть ремень поверх перевязи, а Тимофей смотрел на знакомую фотографию матери в телефоне.

Её лицо оставалось чётким. Он мог перечислить цвет пальто, движение ветра, неровную линию горизонта. При этом мозг отказывался соединять черты с человеком, чей голос ещё недавно говорил ему: «Ты ужинал?».

Он проверил ещё раз, будто воспоминание могло появиться от настойчивости.

Не появилось.

Мать была жива. Любила его. Дома у неё тикали часы. Он помнил, как однажды она уснула на кухне, дожидаясь его после школьного концерта. Но если бы она вошла сейчас в машину, Тимофей узнал бы её только по голосу.

Белое окно могло забрать память. Оно не могло сделать вид, будто потери не случилось.

— Закрой, — сказал Сева.

Тимофей поднял глаза.

— Что?

— Фотографию. Ты уже четыре минуты смотришь. Только хуже себе делаешь.

— Я пытаюсь запомнить.

— Тогда запомни, что она существует не потому, что ты узнаёшь её лицо.

Сева отвернулся к окну, будто очень внимательно следил за дождём. Тимофей не поблагодарил. Иногда благодарность портила хорошие слова.

— Ты был ранен, — напомнил он. — Тебе домой.

— Во-первых, ранен в плечо, а не в самоуважение. Во-вторых, у тебя хватит ума пойти на аукцион собственной смерти, а вот ума взять с собой свидетеля уже, видимо, нет.

— Я не просил.

— Именно. Очень бесит.

Кулик выключил слуховой аппарат. Звук дождя стал отчётливее, хотя Тимофей не мог объяснить почему.

— На рынке есть два сорта покупателей, — сказал водитель, глядя на дорогу. — Те, кто хотят чужого конца. И те, кто хотят, чтобы их собственный никогда не наступил. Вторые обычно платят больше.

— А вы откуда знаете? — спросил Тимофей.

— Возил. До того как тебе дали пропуск в Палату. — Кулик почесал бороду. — И ещё одно. Если увидишь там книгу без герба, не считай, что она игрушечная.

— Там есть другие реестры?

— У каждого, кто хоть раз пообещал что-то в обмен на чужую жизнь, есть свой.

Больше он ничего не объяснил. Машина притормозила перед двухэтажным зданием с колоннами. Над входом облупившимися золотыми буквами значилось «ДВОРЕЦ БРАКОСОЧЕТАНИЙ». Под ними кто-то аккуратно прибил современную табличку: «ЗАКРЫТО НА КАПИТАЛЬНЫЙ РЕМОНТ».

За дверями не горело ни одного окна. Однако из-под земли доносился приглушённый многоголосый шум. Будто сотни людей спорили, кто должен первым сказать «прощай».

Кулик заглушил двигатель.

— Я останусь здесь, — сказал он. — Если понадоблюсь, три коротких сигнала. Лучше старым автомобильным клаксоном, он всегда слышен в обе стороны.

— В обе стороны чего? — уточнил Сева.

— Вот и мне интересно. Я потому и не спускаюсь.

Варвара вышла из машины первой. В тусклом свете фонаря она выглядела почти прозрачной. Тимофей заметил, как осторожно она ставит ноги и как держит больную руку, когда думает, что никто не смотрит.

— Если почувствуешь, что нить снова идёт кровью, — негромко сказал он, — прекращай.

Крон повернулась к нему.

— Ты не обязан обо мне заботиться.

— И не собирался. Просто если ты умрёшь раньше меня, мне будет обидно проиграть торги техническим поражением.

Она едва заметно выдохнула. Севе показалось бы, что улыбнулась. Тимофей не был уверен.

На боковой двери дворца висел медный молоточек. Под ним имелась надпись: «ВХОД ДЛЯ ТЕХ, КТО НЕ УСПЕЛ».

Лиса постучала три раза.

Изнутри спросили:

— Чем можете расплатиться?

— У нас есть незаконченная беседа, — ответила она.

Тимофей резко повернулся к ней.

— У нас ничего такого не было.

— Было, — сказала Лиса. — Ты обещал назвать мне первый адрес. Я ещё не получила ответа. Значит, беседа не закончена.

За дверью что-то зашуршало. Медная ручка повернулась сама собой.

— Проходите, — произнёс голос. — Беседу принимаем только на хранение. При досрочном завершении взимается комиссия.

— Какая? — спросил Тимофей.

— Последняя реплика.

Тимофей решил, что лучше молчать. К сожалению, это решение пришло с опозданием ровно на двадцать шесть лет.

. . .

Лестница уходила вниз гораздо дольше, чем позволяли размеры здания. На третьем пролёте стены перестали быть бетонными и сделались деревянными; на четвёртом между ступенями выросли маленькие белые грибы. На пятом над головой загорелась люстра из ключей, у каждого из которых был отломан зубец.

Сева остановился.

— Кто-нибудь считает этажи?

— Не надо, — немедленно сказала Варвара.

— Я просто хотел понять, сколько нам подниматься обратно.

— Вот именно поэтому не надо.

Дальше они спускались молча.

Рынок располагался в длинном зале, по обе стороны которого стояли деревянные прилавки. Под потолком вращались часы без стрелок, но с маятниками; каждый маятник отбивал

собственный ритм. В глубине виднелась сцена с трибуной, похожей на кафедру университетского преподавателя, если преподаватель надеялся закончить лекцию публичной казнью.

Над проходом висело объявление:

«НЕ ОБЕЩАЙТЕ ТОГО, ЧТО НЕ СОБИРАЕТЕСЬ ПОТЕРЯТЬ».

Ниже, мелким шрифтом: «РЫНОК НЕ НЕСЁТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЧУВСТВА ПОКУПАТЕЛЯ».

Пахло мокрой бумагой, горячим воском и яблоками. Последний запах был самым неприятным: он совершенно не подходил месту, где продавали чужие смерти.

У первого прилавка лежали стеклянные колбочки. В каждой шевелилась крошечная точка света. На табличке было написано: «ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА. НЕИСПОЛЬЗОВАННЫЕ. ОТ ТРЁХ МИНУТ».

Пожилой покупатель держал колбочку двумя пальцами.

— А если она меня не простит? — спросил он продавщицу.

— Вы приобрели возможность произнести слова, — ответила та. — Не право на прощение.

Покупатель поставил колбочку на место. Его руки дрожали.

У следующего прилавка молодая женщина выбирала между двумя узкими шкатулками. На одной значилось «ВСТРЕЧА НЕ СОСТОЯЛАСЬ», на другой — «РАЗГОВОР БЫЛ ПРЕРВАН». Она сказала, что хочет снова увидеть мужа хотя бы на пять минут. Торговец в фетровой шляпе объяснил, что для этого придётся продать день, когда их сын впервые назвал её мамой.

Женщина медленно закрыла обе шкатулки.

Тимофей поймал себя на том, что впервые за вечер по-настоящему уважает незнакомого человека за обычный жест отказа.

— Все здесь что-то потеряли? — спросил он.

— Не все, — ответила Лиса. — Некоторые приходят за тем, чтобы потерял кто-нибудь другой.

Из соседнего павильона донёсся смех. Стайка мужчин в дорогих костюмах спорила над лотком с крошечными бумажными билетами. На каждом была дата и слово «НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ».

— Ненавижу эту часть, — тихо сказала Лиса.

— А торгуешь здесь давно?

— Достаточно, чтобы ненавидеть её профессионально.

Посреди рынка висела доска с правилами. Тимофей прочёл их, пока Варвара скользила глазами по лицам, словно искала знакомого человека.

«1. РЫНОК ПРИНИМАЕТ ТОЛЬКО ИСХОДЫ, ПРИЗНАННЫЕ ВЛАДЕЛЬЦЕМ».

«2. ПОКУПАТЕЛЬ ВПРАВЕ ЗАВЕРШИТЬ ПРИОБРЕТЁННОЕ ЛИЧНЫМ ИМЕНЕМ».

«3. ПРОДАВЕЦ ОБЯЗАН ПРЕДЪЯВИТЬ ВСЕ СТАРШИЕ ОБРЕМЕНЕНИЯ».

«4. НЕРАЗРЕШЁННЫЕ ТРЕБОВАНИЯ ТРЕТЬИХ ЛИЦ ПРЕПЯТСТВУЮТ ПЕРЕДАЧЕ».

«5. ПРОТЕСТЫ ПРИНИМАЮТСЯ ДО УДАРА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОГО МОЛОТКА».

Внизу была приписка от руки: «Разговаривайте разборчиво. Ваша ошибка — наш товар».

Тимофей задержался у третьего и четвёртого пунктов.

— Старшие обременения — это как ипотека?

— Только обычно без банка и с более отзывчивыми палачами, — ответила Лиса. — Если чей-то исход уже связан с чужим обещанием, нельзя продавать его отдельно, не предъявив связь. Рынок жадный, но не любит драться с собственными договорами.

— И кто следит за правилами?

— Те, у кого в руках молоток.

— Звучит надёжно.

— Была бы надёжная система, она не располагалась бы под закрытым загсом.

За барьером сидела привратница — невысокая старуха в синем костюме, с жемчужными серьгами и лицом, которое словно пытались стереть резинкой, но передумали. Перед ней лежала книга в чёрном переплёте.

— Пропуска, — сказала она, даже не глядя на гостей.

Лиса выложила латунную бирку курьера. Сева протянул служебное удостоверение, и старуха мельком кивнула. У Варвары она взяла серебряную карточку, скрытую в перчатке.

Тимофей успел увидеть одну строку:

«ДЕЙСТВУЮЩИЙ УЧАСТНИК ТОРГОВ».

Варвара заметила его взгляд и захлопнула ладонь.

— А этот? — спросила старуха.

— Со мной, — сказала Лиса.

— У него нет имени в книге.

— Есть на лоте.

Старуха наконец подняла глаза. Они оказались такими светлыми, что Тимофею показалось: он смотрит на оборот фотографической плёнки.

— О, — произнесла она. — Предмет пришёл сам.

На столе зашевелились страницы. Книга раскрылась на развороте, где крупными буквами было напечатано: «ЛОТ 14. УВЕДОМЛЕНИЕ АДРЕСАТУ ВРУЧЕНО».

— Не вручено, — быстро сказал Тимофей.

Старуха насторожилась.

— Вы оспариваете?

— Я оспариваю то, что вы утверждаете вручение. Я не брал никаких уведомлений.

— Адресат прибыл. Это достаточное подтверждение.

— Я пришёл в гости. Когда я прихожу в магазин, меня не считают автоматически купившим холодильник.

— У нас не магазин.

— Уже заметил. В вашем ассортименте слишком мало холодильников.

Старуха нахмурилась. По краю страницы расползлась красная линия. Тимофей почувствовал знакомое покалывание за глазами — то самое, после которого иногда появлялся белый текст. Он отступил, не давая себе сосредоточиться на противоречии. Даже если возникнет возможность Возражения, он не собирался отдавать ещё один кусок памяти ради дверного спора.

— Представитель, — резко сказала Варвара и выложила на стол серебряную карточку. — На все уведомления, относящиеся к лоту четырнадцать, назначено моё сопровождение. До завершения торгов он не вправе ничего получать и подписывать.

Старуха коснулась карточки длинным ногтем. Книга шелестнула. Красная линия остановилась.

«ВРУЧЕНИЕ ПРИОСТАНОВЛЕНО. ДОПУЩЕН К ОСМОТРУ».

— Ваша ответственность, инспектор, — сказала привратница.

— Я знаю, — ответила Крон.

Они прошли. Тимофей сверился с её профилем.

— Не расскажешь, с какого момента ты мой представитель?

— С того, как поняла, что без представителя тебя здесь оформят как упаковку.

— А зачем тебе карточка участника торгов?

Варвара остановилась. За их спинами старуха закашлялась, и на секунду кашель прозвучал как удар печати по бумаге.

— Я пришла сюда прежде тебя, — сказала Крон.

— Сегодня?

Она не ответила.

Это молчание Тимофей тоже решил запомнить. Пока ещё мог.

. . .

В дальнем углу рынка стоял киоск «КОПИИ И ПОДЛИННИКИ». Над ним висело предупреждение: «КОПИИ ПРОДАЮТСЯ БЕЗ ПРАВА НА НАДЕЖДУ».

Сева вытащил из чемодана механический счётчик, рулон тонкой бумаги и крошечный пресс. Техник работал левой рукой неуклюже, но с такой сосредоточенностью, с какой хирурги оперируют себя в плохих фильмах.

— Ты куда это? — спросил Тимофей.

— Хочу понять, как устроена их книга. Если они принимают бумагу только с собственным штампом, нам понадобится свой.

— Ты собрался подделывать документы на чёрном рынке?

— Нет. Я собрался проверять документы на чёрном рынке. Подделка — у них штатная должностная функция.

Он положил на прилавок оборванный кусок приборной ленты. На бумаге тянулась запись из Гончарного квартала: среда, четверг, пятница. Цифры были неровными: в какой-то момент пружина почти остановилась, потом шла дальше.

Лавочник в круглых очках наклонился к ленте.

— Желаете заверить?

— Нет. Желательно понять, чем заверяете вы.

— Признанным фактом.

— Кем признанным?

— Рынком.

Сева рассмеялся.

— Великолепно. Получается, если я напишу «я король Испании» и продам вам корону, то стану королём?

— Если найдётся покупатель, а прежний король не предъявит возражений, — невозмутимо ответил лавочник, — у вас появятся некоторые обязанности.

Сева улыбаться перестал.

— Приборная лента — не обещание, — сказал он. — Это физическая запись. Она существует вне вашей книги.

— Именно поэтому я вам за неё ничего не дам.

— А кто просил денег? Мне нужно, чтобы она осталась у нас.

Продавец поглядел на ленту совсем иначе. Как человек, которому предлагают купить часы, и он вдруг обнаруживает, что часы отсчитывают время до его собственного сердечного приступа.

— Не продавайте доказательства, — негромко сказал он. — Особенно те, что вам ещё нужны.

Сева аккуратно свернул ленту и убрал в металлическую коробку.

— Спасибо за бесполезную консультацию.

— Она стоила двадцать рублей, — сообщил продавец.

— Тогда возьмите двадцать рублей бесполезной благодарности.

Лиса засмеялась. Варвара не смеялась: она смотрела через зал на человека, только что появившегося у аукционной сцены.

Тот был невысоким, с идеально прямой спиной, в тёмно-синем костюме. На лацкане поблёскивала тонкая брошь в форме запятой. Он остановился у доски объявлений, достал карандаш и поправил в одном из правил пунктуацию.

Буквы на доске сами перестроились вслед за его движением.

— Проклятье, — тихо произнесла Варвара.

— Знакомый корректор? — спросил Тимофей.

— Август Кадин.

— Плохой человек?

— Это самое неприятное. Он очень любит быть хорошим.

Мужчина поднял голову, словно услышал собственную фамилию сквозь общий гул. Улыбнулся Варваре и направился к ним. На ходу он достал из кармана небольшой чёрный блокнот. Его страницы были абсолютно белыми.

— Варвара Николаевна, — сказал он с безукоризненной вежливостью. — Рад видеть вас на ногах. Вашу руку, насколько помню, в прошлый раз пришлось собирать по отдельным суставам.

— У меня и теперь найдётся чем сломать вам нос.

— А вот и семейная атмосфера. Как жаль, что Бережск никогда не научился устраивать приёмы без угроз.

Он перевёл взгляд на Тимофея. Улыбка не изменилась, но стала внимательнее.

— А вы, должно быть, наш дорогой покойник.

— Приятно познакомиться. Можете обращаться просто «дорогой». Со второй частью у меня разногласия.

— Остроумно. — Кадин чуть наклонил голову. — Мне говорили, вы замечаете ошибки, которые другие пропускают. Для человека без допуска необычная карьера.

— Я ещё очень хорошо замечаю неоплаченные переработки.

— Отличное качество свидетеля. Люди обычно внимательнее к собственной зарплате, чем к чужой смерти.

— Чем вы занимаетесь? — спросил Тимофей.

— Исправляю концовки, — ответил Кадин. — Если в двух вариантах события есть противоречие, я выясняю, какой из них уже оплачен. Потом закрываю второй.

— Вы писатель?

— Корректор.

Он произнёс слово без гордости. Скорее как название болезни, которую давно перестал лечить.

— И что случается с закрытым вариантом? — спросил Сева.

— Не случается, — просто ответил Кадин. — В этом и состоит коррекция.

Тимофею не понравилось, как легко это прозвучало.

— А если в закрытом варианте живут люди?

— Тогда решение особенно неприятное. Но отсутствие решения иногда обходится дороже.

Кадин открыл чёрный блокнот. На белой странице проступили строки:

«ВЛАДЕЛЕЦ: НЕ УКАЗАН».

«СТАТУС: ЧАСТНОЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО».

«СИЛА: ДО ИСПОЛНЕНИЯ».

— Не государственная книга? — спросил Тимофей.

— А государственная сделана из какой-то особенной бумаги? — ответил Кадин. — Реестр — это не учреждение. Это способ заставить одно слово иметь последствия для другого человека. Когда двое признают обязательство, у него появляется тело. Иногда весьма зубастое.

На соседнем прилавке зашевелилась бумажная гирлянда. Один из продавцов нервно спрятал её в ящик.

— Вы пришли за лотом четырнадцать, — сказала Варвара.

— Разумеется. — Кадин закрыл блокнот. — Он удивительно важен. И я надеюсь, что вы не станете предлагать за него вторую жизнь. У вас их и так немного.

Тимофей посмотрел на него. На Варвару. И понял, что двое взрослых людей разговаривают в присутствии подчинённых таким образом, каким обычно разговаривают разведчики над неразорвавшейся бомбой.

— А сколько жизней у неё? — спросил он.

— Для нашего рынка — не больше одной, — улыбнулся Кадин. — Для остальных вопросов я бы рекомендовал вам подождать.

Тимофей открыл рот, но Август поднял палец.

— Позвольте маленькое предупреждение. На рынке есть лишь одно место, где нельзя лгать. Трибуна. Не потому, что здесь ценят истину. Здесь с неё берут комиссию.

— Что происходит с лжецом?

— Он лишается права на свою версию события.

Кадин посмотрел на чёрную карточку, край которой виднелся из кармана Тимофея.

— Я бы на вашем месте не пытался доказать, что жив. Здесь слишком много желающих принять обратную сторону спора.

С этим он отошёл, даже не дождавшись ответа.

Сева проводил его взглядом.

— Ненавижу, когда злодеи носят подходящие по размеру костюмы. Непонятно, куда бить.

— Он не злодей, — сказала Варвара.

— Вот этого я и боюсь, — ответил Тимофей. — Злодей хотя бы должен делать вид, что ему приятно.

. . .

До торгов оставалось девятнадцать минут.

Одна стрелка городских часов на стене показывала 23:58, вторая — 00:11. Между ними не было циферблата. Тимофей предпочёл не спрашивать, какая права. При наличии двух ответов на простой вопрос он начинал подозревать, что кто-то уже выставил третий на аукцион.

На боковой двери аукционной сцены значилось «ПРЕДПРОДАЖНЫЙ ОСМОТР». Ниже висел список обязательных документов: доказательство владения, перечень связанных исходов, заявление удерживающего, акт независимого осмотра.

— Последние два пункта, — сказал Тимофей. — Что там у нашей смерти?

Лиса сняла с пояса узкую медную иглу и поддела замочную скважину.

— Мне нравится, что ты сказал «нашей». Как будто мы уже семья.

— Не отвлекайся. Сева, если нас поймают, скажешь, что мы искали туалет.

— В закрытом архиве?

— В нашем ведомстве это обычное расположение уборной.

Замок щёлкнул. Лиса приоткрыла дверь. За ней оказался узкий коридор с ящиками для хранения заявлений, табличками и большими медными весами. На одной чаше лежали свидетельства, на другой — каменные гирьки с надписью «ПРИЗНАНО». Некоторые гири издавали звуки, похожие на человеческие вздохи.

В конце коридора сидел архивариус. Его лицо было закрыто гладкой деревянной маской с прорезью для одного глаза.

— У вас четыре минуты, — сказал он. — Сверка заявленных обременений проводится только до старта аукциона.

— А если не успеем? — спросил Тимофей.

— Тогда вы будете обсуждать обременения с новым владельцем. Обычно разговор недолгий.

Архивариус подвинул к ним папку № 14.

Тимофей открыл её и увидел первую страницу. Там значилось всё уже известное: его смерть, дата, Палата сверки, Маргарита Руднева. Но под строкой «ВОЗБУЖДЕНО» стояло новое уточнение:

«ЗАЯВКА ПРИНЯТА ПО ОБРАЩЕНИЮ ЛИЦА, ЯВЛЯЮЩЕГОСЯ ПРЕДМЕТОМ ИСХОДА».

— В смысле я сам попросил себя умертвить? — спросил Тимофей.

— В смысле ваше обращение принято, — ответил архивариус.

— Я в тот момент разговаривал с трупом по рабочему телефону.

— Предмет разговора?

— Он спрашивал, умер ли по графику.

— Значит, обращение о смерти действительно было.

— Только не о моей.

Архивариус пожал невидимыми под маской плечами.

— Внутренние разночтения с заявителем — компетенция городской Палаты.

Тимофей почувствовал, что ненавидит эту фразу сильнее некоторых людей.

Следующая страница была сложена пополам и запечатана тремя красными точками. Лиса поднесла к ней карточку курьера. Точки исчезли. На листе проступила таблица:

«ИСХОД: СМЕРТЬ Т. А. РУДНЕВА».

«СОСТОЯНИЕ: ОСТАНОВЛЕНА ДО ИСПОЛНЕНИЯ».

«УДЕРЖИВАЮЩИЙ: М. А. РУДНЕВА».

«ОСНОВАНИЕ УДЕРЖАНИЯ: ОБЕЩАННОЕ ПОСЛЕ ИСХОДА СОБЫТИЕ».

«СОБЫТИЕ: НЕ РАСКРЫТО».

«СРОК УДЕРЖАНИЯ: ДО ПОЛУЧЕНИЯ».

Тимофей посмотрел на Лису.

— Шестьдесят три секунды четверга.

Она не кивнула сразу.

— Возможно. Но на этой бумаге не написано, что именно она обещала. И если мы предъявим только чек, а получатель не числится, аукционист скажет, что обещание не доказано.

— Значит, нам нужен свидетель доставки.

— Я и есть свидетель доставки.

— Ты курьер. По правилам любой торговли поставщик подтверждает, что привёз коробку, но не то, что в ней кто-то выжил.

Лиса покосилась на него с неожиданным уважением.

— Вот это уже похоже на настоящего свидетеля.

Тимофей перелистнул дальше. На обороте лежал лист, отпечатанный на бумаге Палаты. Не современный бланк. Старый, ещё с печатной машинки. Он был заполнен под копирку, а внизу стояла строчка:

«ПРИ СОСТАВЛЕНИИ ЗАЯВКИ НА ЛИКВИДАЦИЮ УСТРАНЯЮТСЯ ВСЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА, ВОЗНИКШИЕ ПОСЛЕ ПРЕДУСМОТРЕННОГО СРОКА».

— Если кто-то купит лот, — сказал Тимофей, — меня не просто убьют. Всё, что я успел сделать после девяти четырнадцати, перестанет считаться.

Сева приблизился к странице. Лицо у него стало серьёзным.

— И Нина?

— Да.

— И дом на Гончарной?

— Возможно.

— Мы спасали квартал позже девяти четырнадцати. Если убрать тебя задним числом, никто не побежит к переходу. Я даже не пойму, зачем нужно удерживать штырь.

— Ты всё равно удерживал бы, — сказал Тимофей.

— Не уверен. Иногда я идиот, Тим. Сегодня ты успел сказать мне, куда направить микрофон.

Он прочёл последнюю строку старого бланка:

«ЗАЯВИТЕЛЬ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СЦЕПЛЕННЫЕ ИСХОДЫ НЕ НЕСЁТ».

— А вот это, — произнёс Сева, — уже незаконно даже по их правилам. У них третьи лица выделены в отдельный пункт.

— У рынка да, — сказала Лиса. — У Палаты нет. Получается, государство продаёт событие как будто отдельно от последствий, а рынок обязан проверить, что всё предъявлено. Если есть хотя бы одно незаявленное обременение, передача должна остановиться.

— Я — незаявленное обременение, — сказал Сева и пошевелил перевязанным плечом. — Моя травма появилась, когда мы удерживали четверг. И я всё ещё предъявляю претензии.

Тимофей выпрямился.

— Значит, ты участник того, что они предлагают отменить. А ещё — Нина и её мать.

— Я могу выступить от себя, — ответил Сева. — За ребёнка мы не вправе говорить. Нужно отдельное свидетельство.

Тимофей сжал переносицу. Словно кто-то усложнил задачу именно в той точке, где она уже казалась решённой.

— Есть запись, — вспомнил он. — Ты же записывал Нину на магнитофон.

Сева приподнял металлическую коробку.

— Есть. Держу катушку при себе. Но там только девочка, которая играет в квартале. На ней не написано, что она обязана остаться живой после твоей отмены.

— Написано другое, — сказал Тимофей. — На ней четверг, которого ещё не было. Это и есть обещанное событие.

— Рита заказала его за одиннадцать лет до сегодня, — тихо произнесла Лиса. — Если мы докажем, что четверг действительно дошёл до получателя, удержание остаётся действующим. А значит, Палата продавала заложенное.

Сева посмотрел на часы.

— Мы не успеем заверить катушку до торгов.

— Не надо заверять, — сказал Тимофей. — Нам нужно, чтобы её услышали. И чтобы никто не мог сделать вид, будто её не было.

Архивариус поднялся со стула.

— Время осмотра истекло. Папку вернуть.

— А копию можно?

— За цену оригинала.

Тимофей аккуратно закрыл папку. Сева незаметно приложил кусочек копировальной бумаги к её корешку и пропустил край ленты через свой крошечный пресс. На бумаге отпечатались номер лота и слово «УДЕРЖАНИЕ».

— Мы ничего не брали, — сказал Сева, увидев взгляд архивариуса. — Только посмотрели. Зрение у нас пока бесплатное.

— Недолго, — ответил человек в маске.

Они вышли в зал. Над сценой уже раздавался мелкий звон, приглашающий покупателей на места.

. . .

Варвару нашли у третьего ряда. Она сидела в одиночестве, положив перевязанную руку на подлокотник. На коленях у неё лежала серебряная карточка. Кровь на бинте высохла, но проступила новая полоса — яркая, свежая.

— Ты всю дорогу знала, что там написано? — спросил Тимофей.

Она посмотрела на него.

— Где?

— В папке четырнадцатого лота. Про сцепленные исходы. Про то, что моя смерть может стереть из жизни девочку, которую мы сегодня вытащили.

— Не всё.

— Какое облегчение. Выходит, у нас с начальством иногда одинаковая степень неосведомлённости.

— Я знала про аукцион, — сказала Варвара. — И про то, что Палата имеет первичное право.

— Почему не сказала?

— Потому что до сегодняшнего вечера тебя не было в списках исполненных смертей. Только в заявках. Я надеялась, что мы успеем найти основание и закрыть дело до торгов.

— А потом решила поставить на меня чью-то жизнь.

Варвара очень медленно поднялась. Севе пришлось отойти в сторону.

— Карточку тебе показала Лиса, — сказала она. — Тогда ты знаешь не только цену, но и условие ставки. Никому ничего не обещай здесь, Тимофей. Даже если тебе покажется, что хочешь спасти нас.

Он почувствовал, что она снова обошла вопрос.

— Чья это жизнь?

Варвара долго смотрела на него. В шумном зале происходило слишком много всего: приглашали клиентов, хлопали книги, где-то спорили о цене непрожитых минут. Но тишина между ними казалась самой громкой вещью в помещении.

— Если я назову имя, — сказала Крон, — кое-что случится раньше, чем должно.

Тимофей вдруг понял: она не просто скрывает ответ. Она опасается самого произнесения.

— Значит, не назовёшь.

— Нет.

Он кивнул. Это было ужасно, но хотя бы походило на правду.

— Ладно, — сказал он. — Тогда в этот раз я буду заботиться не о твоём доверии. У нас есть конкретная претензия к продавцу.

— Какая?

— Он продаёт мою смерть отдельно от чужих жизней, которые зависят от того, что я не умер. В их собственных правилах это запрещено.

Варвара посмотрела на коробку у Севы.

— Живое свидетельство?

— Голос девочки. И плёнка, сделанная в четверг, — сказал техник.

— Рынок может не принять запись. Она не зарегистрирована.

— Поэтому нам нужен ты, — произнёс Тимофей.

— Что?

— Ты сделаешь то, что умеешь. Не скреплять двери и не сшивать дни. Достаточно удержать кусок плёнки там, где его не смогут объявить отсутствующим, пока он играет.

Варвара опустила взгляд на руку. Было ясно, сколько будет стоить ей ещё одна нить.

— Короткую, — сказала она. — На несколько секунд. Не больше.

— А я, — добавила Лиса, — доставлю чек на сцену. По правилам рынка принимают каждое официально доставленное возражение. Даже если адресат против.

— Ты только что придумала это правило? — спросил Тимофей.

— Нет. Я однажды заработала на нём очень много денег. Поэтому теперь его ненавижу.

По залу прокатился удар большого колокола. На сцене появилась высокая фигура в чёрном сюртуке. Вместо головы у неё был бронзовый аукционный молоток — с круглой блестящей поверхностью там, где человеку полагалось иметь лицо.

— Дамы, господа и лица с неустановленным исходом, — произнёс распорядитель голосом сразу нескольких людей. — Ночные торги объявляются открытыми.

Тимофей посмотрел на секундную стрелку механических часов Севы.

00:17.

. . .

Первые три лота продали почти без слов. Незавершённое увольнение. Несостоявшееся предательство. Последний день отпуска, который человек не успел взять перед смертью. За последний лот предложили сорок семь часов бессонницы и способность вспоминать вкус клубники.

Тимофей не знал, что ужаснее: цена или то, с какой лёгкостью её приняли.

Потом распорядитель поднял молоток.

— Лот четырнадцать. Особая передача. Смерть гражданина Тимофея Андреевича Руднева, признанная состоявшейся пятого апреля в двадцать один час четырнадцать минут. Исполнение приостановлено. Изначальный держатель — Городская палата сверки. Наименование предмета подтверждено. Ограничений на завершение не заявлено.

Пауза была короткой. Почти вежливой.

— А вот это неправда, — пробормотал Тимофей.

Сцена засветилась изнутри, как бумажный фонарь. На стене позади распорядителя возник силуэт человека в рабочей куртке. Тимофей узнал собственную походку, привычку сутулиться, левую руку, немного отведённую в сторону. Силуэт стоял, опустив голову, и ждал.

— Начальная ставка за право исполнения — одна человеческая жизнь, — продолжал распорядитель. — Предложена участником В. Н. Крон. Новые ставки?

Варвара вцепилась здоровой рукой в подлокотник. Тимофей почувствовал, как дёрнулась мышца у неё на щеке.

Из второго ряда поднялась карточка с позолоченным краем.

— Семь непроизошедших спасений, — сказал незнакомец в дорогом пальто.

По залу прошёл одобрительный шум. На стене возле силуэта Тимофея возникли семь маленьких дверей. За каждой кто-то стучал.

— Принято, — сказал распорядитель.

Ещё одна карточка.

— Двенадцать лет, которые моя семья так и не прожила.

— Принято.

Тимофей обернулся. Предложение сделала женщина с повязкой на глазах. На её коленях лежала школьная фотография троих детей. Все трое были заклеены маленькими бумажными квадратиками.

— Они ведь даже не понимают, что покупают, — тихо сказал Сева.

— Понимают, — ответила Лиса. — В этом всё самое противное.

Кадин встал. Он не поднял карточку; просто положил чёрный блокнот на ладонь.

— Я предлагаю одно завершённое противоречие, — произнёс он. — Любой спор, в котором две стороны больше не смогут существовать одновременно. Право выбора версии оставляю за рынком.

Шум оборвался.

Молоток на плечах распорядителя медленно повернулся.

— Такая ставка представляет самостоятельную ценность. Подтверждаете, что будет упразднена одна из двух сторон?

— Подтверждаю.

Тимофей понял цену. Кадин предлагал не чью-то смерть. Он предлагал сделать так, чтобы один из двух противоречащих друг другу людей оказался ошибкой. Удобный подарок любому учреждению, где ошибки предпочитали исправлять вместе с людьми.

— Выше ставки нет, — объявил распорядитель. — Начинаем передачу…

— Протест, — сказал Тимофей.

Не выкрикнул. Но слово прозвучало так отчётливо, что даже маятники наверху остановились.

Лиса сжала его локоть.

— Не называй имя.

— Я помню.

— Основание протеста? — спросил распорядитель.

Тимофей вышел к проходу. Все взгляды повернулись к нему. На сцене силуэт поднял голову и повторил его движение с едва заметным опозданием.

— Продавец утверждает, что ограничения на завершение не заявлены. Но в папке лота есть действующее удержание Маргариты Рудневой, связанное с событием после пятого апреля.

Распорядитель повернул голову-молоток к архивариусу. Тот стоял у боковой двери и держал папку № 14.

— Удержание заявлено, — сказал архивариус. — Предмет удержания не установлен. Передаче не препятствует, если не доказана связь с последующим событием.

На стене вспыхнуло «ПРОТЕСТ ОТКЛОНЯЕТСЯ».

— Ещё не доказана, — поправил Тимофей. — Вы любите менять времена глаголов так, чтобы люди исчезали. Я привык.

Лиса выскочила в проход, вскрыла серую накладную и приложила к ней свою курьерскую бирку.

— Служба доставки незавершённых дат. Заказ от тридцать первого ноября две тысячи семнадцатого года. Отправитель — М. А. Руднева. Получатель — Т. А. Руднев. Предмет —

шестьдесят три секунды шестого апреля. Вручение произведено сегодня в Гончарном квартале. Удерживаемое событие наступило после указанной смерти.

— Получатель должен подтвердить получение, — ответил распорядитель. — Имя отсутствует в перечне допущенных лиц.

У Тимофея за глазами вспыхнула белая полоска. На ней возникло знакомое начало:

«ОШИБКА…»

Он стиснул зубы. Не сейчас. Не за одну фразу. Ни одно доказательство не стоило того, чтобы снова вернуться домой и потерять ещё одно дорогое воспоминание.

— Получатель здесь не доказательство, — сказал он. — Доказательство — сам четверг. И человек, который в нём остался.

— Человек? — спросил распорядитель. — Который?

— Не я.

Сева поднялся, прижимая к груди металлическую коробку. Он был так бледен, что Тимофей испугался за него сильнее, чем за собственный силуэт на стене.

— Я, Всеволод Балахнин, — сказал техник, — присутствовал при передаче шестого апреля по локальному времени Гончарного квартала. Лично установил механические часы, зафиксировал непрерывность записи и получил травму при удержании даты. Подтверждаю сцепленный исход, который продавец не указал. Требую рассмотреть моё свидетельство.

— Рынок не принимает показания без первичной регистрации.

— Тогда у вас проблема, — ответил Сева. — Потому что я не пытаюсь зарегистрировать память. Я собираюсь её включить.

Он вставил катушку в старый переносной магнитофон.

В зал полился тихий, дрожащий звук детской мелодии. На первых тактах послышался дождь. Потом девичий голос: «Меня зовут Нина Королёва. Я здесь живу». Звякнул металлический штырь. Метроном Севы отбил время. И снова музыка — тонкая, упрямая, как свет в единственном окне погасшего дома.

На стене возле силуэта Тимофея проступила ещё одна тень. Маленькая. С двумя косичками.

Тимофей почувствовал, как внутри всё оборвалось.

— Видите? — сказал он. — Если вы продадите исход, вы потребуете уничтожить то, что было после него. Не только мою жизнь. Её тоже. А девочку вам никто не продавал.

Распорядитель поднял молоток.

— Заинтересованное третье лицо обязано явиться лично. Запись свидетельством не является.

— Здесь есть я, — сказал Сева. — Моя травма возникла в ту же последовательность. Можете проверить бинт. Хотя хотелось бы оставить его на месте.

На мгновение молоток замер.

Кадин шагнул к сцене. Его лицо оставалось спокойным, но глаза стали холодными.

— Господа, — сказал он, — вы путаете событие и следствие. Существуют две непротиворечивые версии. В первой молодой человек умер в двадцать один четырнадцать, и четверг никто не спас. Во второй — он жив и дочь госпожи Королёвой не исчезла. Рынок продаёт право завершить первую. Наличие второй не мешает продаже. Оно объясняет её стоимость.

Он открыл блокнот.

На странице появилась тонкая вертикальная линия. Слева было написано «ПЕРВАЯ ВЕРСИЯ», справа — «ВТОРАЯ». Кадин коснулся первой. Вторая начала бледнеть.

Магнитофон хрипнул. Мелодия Нины стала глухой, будто девочка играла под водой.

— Он исправляет нас, — прошептал Сева.

Кадин чуть нахмурился.

— Я лишь убираю вариант, который не куплен. Морально неприятно. Но это не повод оставлять открытой дыру в счёте города.

Варвара поднялась с места.

— Август. Закрой книгу.

— У нас нет времени, Варя. Через две недели город будут проверять целиком. Если он не сможет объяснить собственное существование, погибнут все. Вы предлагаете защитить один спорный исход ценой остальных.

— Не тебе выбирать, кто должен стать доказательством.

— Вот только выбирать всё равно придётся кому-то.

Он повернул карандаш. На стене маленькая тень девочки сделалась почти прозрачной.

Тимофей увидел, как Сева судорожно поправил магнитофон. Стрелка его механического прибора шла вперёд, но песня звучала всё тише.

Варвара подняла раненую руку. Из-под бинтов выскользнула серебряная нить. Тонкая, будто волос. Она протянулась от крышки магнитофона к ребру аукционной трибуны.

Кровь мгновенно проступила сквозь повязку.

— Держу девять секунд, — сказала Крон. — Потом не смогу.

— Нам хватит семи, — ответил Тимофей.

Белая надпись перед его глазами дрогнула:

«ВОЗРАЖЕНИЕ ДОСТУПНО ПРИ ПРЕДЪЯВЛЕНИИ ПРОТИВОРЕЧИЯ».

Он отвернулся от неё. Не потому, что боялся. Потому что впервые понял: его право — не единственный способ доказать правду. Отдавать за каждый спор по воспоминанию значило когда-нибудь остаться человеком, у которого есть победы, но нет тех, ради кого он побеждал.

— Сева, — сказал он. — Ты можешь показать, что плёнка не перестала крутиться?

— Да, но мне нужна точка снаружи. Рынок сейчас пытается объявить весь наш четверг ненадёжной записью.

— А у нас снаружи Кулик.

Тимофей выхватил из кармана телефон. Связи не было. На экране вместо сети высвечивалось «ВАШ ВЫЗОВ УЖЕ ЗАВЕРШЁН».

Тогда Лиса подскочила к старой трубе, проходившей вдоль стены рынка, и ударила по ней латунной курьерской биркой. Три коротких удара.

— Ты что делаешь? — спросил Сева.

— Доставляю заказ на звук. Адрес — улица.

Мгновение ничего не происходило.

Потом издалека, будто сквозь воду, донеслись три грубых сигнала автомобильного клаксона.

Кулик услышал.

Сева торопливо прижал к трубе второй микрофон, вывел провод к маленькому механическому регистратору и запустил самописец. На бумаге появились две непрерывные линии. Одна — движение катушки с голосом Нины. Другая — удары извне, отмеченные в тот же момент.

— Время! — выкрикнул он. — Две независимые последовательности. Рынок может объявить мою плёнку прошлым, но клаксон только что прозвучал в настоящем. Они пересеклись. Если вычеркнете одну, придётся вычеркнуть человека снаружи, который ничего вам не продавал.

Кадин резко посмотрел на свой блокнот. На странице возник третий столбец — между двумя вариантами. Белый. Незаполненный.

— Не предусмотрено, — произнёс он.

— Что, неприятно? — спросил Тимофей. — Когда реальность не выбирает из ваших двух красивых клеточек?

Август сжал карандаш. Бумага под его рукой пошла складками.

— Третий столбец не является самостоятельным исходом.

— Зато является настоящим показанием, — ответил Сева.

Варвара пошатнулась. Нить потемнела и лопнула. Из-под её повязки брызнула кровь. Тимофей успел подхватить её за плечи. Магнитофон вновь захрипел, но на механической ленте Севы уже отпечаталась связка двух звуков.

— Третье лицо заявило возражение, — произнёс Тимофей, не отрывая взгляда от распорядителя. — Доказательство подано до последнего удара молотка. Ваша очередь соблюдать собственные правила.

Распорядитель поднял молоток. Вся сцена наклонилась вперёд.

— Протест…

Пауза растянулась. На стене дрожали две тени: Тимофея и девочки. Внизу, возле кресел, люди поднимались с мест, стараясь держаться подальше от прохода.

— …принят к проверке, — завершил распорядитель.

Тимофей успел выдохнуть.

Затем последовало продолжение:

— В силу непрерывности сцепленного исхода передача лота четырнадцать приостанавливается. До разрешения требования третьих лиц право исполнения не подлежит отчуждению.

Молоток ударил.

Не по трибуне. По собственному бронзовому лицу.

Грохот оглушил зал. Силуэт на стене распался на множество чёрных обрывков. На карточках покупателей проступило одно и то же слово:

«ОТКАЗАНО».

Тимофей едва не рассмеялся от облегчения. Но услышал второй удар.

Распорядитель произнёс:

— В связи с ошибкой в раскрытии предмета продажи назначается комиссия. Истец по протесту несёт расходы на хранение оспариваемого исхода.

— Какие ещё расходы? — спросил Сева.

— Один незавершённый разговор, — ответил распорядитель. — Предъявлен на хранение при входе.

Лиса побледнела.

— Нет, — сказала она. — Это залог входа, а не ставка. Он не принадлежит лоту.

— При отсутствии иной платы обращается в комиссию.

С потолка опустилась тонкая лента, на которой были написаны слова Тимофея: «Если узнаю, расскажу». Бумага обвила запястье Лисы. Та дёрнула руку, но лента не порвалась.

— Последняя реплика, — прошептала она.

Тимофей понял, что именно рынок собирается забрать. Не обещание целиком. Его завершение. Ту фразу, которую он когда-нибудь должен был сказать Лисе, назвав первый адрес.

Он мог потерять её. Мог просто выйти, а потом узнать первый адрес и обнаружить, что всякий раз перед ответом голос у него отказывает. Ещё один человек останется ждать от него обещанного, а он даже не сумеет объяснить почему.

— Я плачу сам, — сказал Тимофей.

— Предмет залога предъявлен сопровождающим лицом, — ответил распорядитель. — Переназначение не допускается.

— Это не было обещание на продажу. Оно было способом войти. Вы пытаетесь объявить хранение платежом, не спросив сторону, которая его получила.

— Достаточно записи, — ответил распорядитель.

Лиса посмотрела на него. По её лицу пробежало выражение, которого раньше не бывало: не язвительность, не усталость, а настоящее отчаяние. Для неё ответ о первом адресе, кажется, стоил гораздо больше всех торгов вокруг.

— Не надо, — сказала она. — Я справлюсь.

— Протест принимается только от заинтересованных третьих лиц? — спросил Тимофей, глядя на правила над сценой. — Отлично. Лиса, это твоё обещание?

— Моё, — ответила она.

— Ты согласна, чтобы его продали?

— Нет.

— Тогда заяви это сама.

Лиса выпрямилась. Сорвала с пояса курьерскую бирку и приложила её к ленте.

— Я, держатель незавершённой беседы, возражаю против передачи. Стороны не согласовали цену завершения. Комиссию можно удержать из моей курьерской выручки, но не из содержания чужого обещания.

Лента дёрнулась. Рынок не хотел отпускать плату.

Кадин, до этого молчавший, закрыл блокнот.

— Коллеги, — сказал он распорядителю, — новый спор снова касается договора с третьим лицом. Вы рискуете превратить четырнадцатый лот в бесконечное судебное производство. А я не собираюсь сидеть здесь до конца времён. У меня завтра приём у стоматолога.

Молоток долго молчал. Потом лента нехотя отползла от руки Лисы и упала к ногам.

«КОМИССИЯ ПЕРЕНЕСЕНА НА ВЫРУЧКУ КУРЬЕРА».

Лиса посмотрела на Кадина с ненавистью, которую тот принял как комплимент.

— Надо же, — сказал Тимофей. — Оказывается, жадность тоже иногда спасает людей.

— Не обольщайтесь, — ответил Август. — Я спасал свой вечер.

. . .

После приостановки торгов рынок начал закрываться слишком быстро. Лавочники убирали стеклянные колбы. С потолка сворачивались часы. У одного прилавка покупатель спешно пытался вернуть чью-то последнюю минуту, но продавщица уже захлопнула крышку ящика и сделала вид, что не слышит.

Тимофей помог Варваре подняться. Она была холодной и тяжёлой, несмотря на свою худобу. Он почти тащил её к выходу, а Сева рядом ругался сквозь зубы, прижимая окровавленную повязку к плечу.

— Всего одна ночь работы, — сказал Сева. — А у нас уже четыре повода для больничного и один повод завести адвоката.

— Наша главная задача, — отозвался Тимофей, — не дать адвокату продать последние слова в счёт гонорара.

У лестницы их догнал Кадин.

— Погодите, — сказал он. — Вы избежали аукциона. Не смерти. Это разные вещи.

— Я потихоньку начинаю ценить различия, — ответил Тимофей.

— Исход остаётся в хранении до окончания рассмотрения дела. Если городская Палата подтвердит права на все сцепленные события, торги возобновятся. Возможно, без публичного уведомления.

— Срок?

— Он привязан к вашему делу номер ноль-ноль-ноль-один. Пока суд не вынесет решение о существовании Бережска, спорить с исходом можно. После решения — уже не с чем.

Тимофей вспомнил обратный отсчёт на телефоне. Ещё вчера это могло бы показаться проблемой календаря. Сегодня — вопросом, сколько дней осталось у его матери, у Нины, у Севы с его дурацкими шутками.

— Вам зачем понадобился мой лот? — спросил он.

— Я хотел убрать из города один источник противоречий, — спокойно сказал Кадин. — Если бы можно было откупиться менее жестоко, я бы так и сделал. Но плохой учёт обычно кончается массовыми похоронами.

— Удобная философия. Сначала создаёшь список, потом убиваешь тех, кто в него не влез.

— А вы, выходит, предпочитаете, чтобы погибли все сразу? — спросил Кадин без улыбки.

Тимофей не ответил. Поспешный ответ был бы слишком похож на чужую арифметику.

Кадин посмотрел на его лицо и вдруг, словно разочаровавшись в собственном вопросе, достал из блокнота сложенный вчетверо лист.

— Это частная копия одной старой записи. Ваш город очень любит делать вид, будто все реестры принадлежат Палате. На самом деле первые записи велись гораздо раньше, чем появились её печати.

— Что за запись?

— Та, которая объясняет, почему при любых исправлениях истории остаются люди, которых невозможно найти ни по одному адресу.

Тимофей не взял бумагу.

— Что вы хотите за неё?

— Пока ничего. — Август слегка улыбнулся. — Вы доказали, что умеете заставлять противника проиграть по его собственным правилам. Мне интересно, сколько раз вам это удастся, прежде чем правила начнут меняться.

— Очень обнадёживающее пожелание на ночь.

— Я был бы осторожен с благодарностью, — сказал Кадин. — Этот лист можно принять за карту. Но если вы пойдёте по ней, вам придётся узнать, кто построил первый адрес и зачем туда прятали людей.

Он положил бумагу на ступеньку. Отошёл и исчез среди последних покупателей.

Лиса присела первой. Она не прикасалась к листу, пока не увидела на обороте маленькую чернильную печать без даты: круг и точка внутри. Её лицо изменилось.

— Что? — спросил Тимофей.

— Этим знаком отмечали письма, которые не могли доставить. Не потому, что адреса не нашли. Потому, что адрес ещё не существовал.

Она осторожно подняла лист и передала Тимофею.

На нём была таблица из двадцати семи строк. В каждой — имя человека, возраст и пустая графа «МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА». Вверху значилась дата: «2009». Ни дня, ни месяца. На нижнем поле кто-то дописал карандашом:

«СВИДЕТЕЛЬ № 0. ГРУППОВОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО. НЕ ПРИНИМАТЬ К УЧЁТУ».

— Это кто? — спросил Сева.

— Люди, — ответил Тимофей. — Которых почему-то не захотели считать.

Он прочёл первые строки. Некоторые имена были перечёркнуты. Другие, напротив, обведены свежими красными кольцами. Рядом с семью строками стояла одна и та же приписка: «ПРОЯВИЛСЯ».

В самом низу оказался штамп, сделанный сегодняшней ночью:

«ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ИЗЪЯТИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА № 0».

«МЕСТО ИСПОЛНЕНИЯ: ПУСТОЙ ДОМ, ПРИВОКЗАЛЬНАЯ, 6».

«СРОК: 6 АПРЕЛЯ 2028 ГОДА, 03:13».

Тимофей посмотрел на часы Севы.

00:29.

В городе была настоящая ночь, настоящая дата. До трёх тринадцати оставалось меньше трёх часов. Где-то в доме на Привокзальной, шестом, собирались уничтожить показания двадцати семи человек, которые, судя по записи, вообще не должны были существовать.

— Я думал, у нас проблемы с моей смертью, — сказал он.

— У нас и есть проблемы с твоей смертью, — ответила Лиса. — Просто это, кажется, не единственный способ заставить тебя замолчать.

Они вышли на улицу. Дождь закончился. Над дворцом бракосочетаний светились нормальные окна, а на парковке спал в машине Кулик, прислонившись к рулю. На приборной панели сидела лягушка в короне.

Увидев их, водитель открыл дверь и протянул Варваре аптечку.

— Сколько у вас осталось? — спросил он.

— Меньше трёх часов, — ответил Тимофей.

Кулик посмотрел на лист. Потом отключил слуховой аппарат, хотя вокруг не было ни звука.

— На Привокзальную, — сказал он.

Тимофей сел в машину, спрятал чёрную карточку лота № 14 рядом с фотографией Риты и почувствовал вибрацию телефона. На экране появилось сообщение без номера:

«ВЫ СОХРАНИЛИ НЕЗАВЕРШЁННЫЙ ИСХОД».

«СТАТУС ДЕЛА № 0001: ОТВЕТЧИК УЧАСТВУЕТ В РАССМОТРЕНИИ».

«ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: ПРИ ОТСУТСТВИИ ПЕРВИЧНОГО СВИДЕТЕЛЯ СУД ПРИМЕТ ВЕРСИЮ ИСТЦА».

А затем, ниже, проступила строка, которой он не ожидал:

«СВИДЕТЕЛЬ № 0 ПОДТВЕРДИЛ, ЧТО ВЫ БЫЛИ НА МЕСТЕ В 2009 ГОДУ».

Тимофей перестал дышать.
В две тысячи девятом ему было восемь.
И впервые за вечер он испугался не того, что кто-то собирается его убить.
Он испугался, что кто-то наконец расскажет, что именно он видел ребёнком.

Глава 4
СВИДЕТЕЛЬ НОМЕР НОЛЬ

В половине первого ночи Бережск выглядел как город, который решил притвориться нормальным.

Светофоры работали. В круглосуточном магазине торговали пельменями. Возле остановки два пьяных мужчины спорили, существует ли у троллейбуса задняя передача. Один обещал доказать это опытным путём. Второй благоразумно требовал сначала найти троллейбус.

Тимофей смотрел на них сквозь мокрое стекло машины Кулика и думал, что, возможно, эти двое сейчас самые счастливые люди в городе. Их проблемы ещё поддавались проверке.

На коленях лежал лист из двадцати семи строк.

«СВИДЕТЕЛЬ № 0. ГРУППОВОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО. НЕ ПРИНИМАТЬ К УЧЁТУ».

Внизу — адрес Привокзальная, 6, и время изъятия: 03:13.

— Почему три тринадцать? — спросил Сева с заднего сиденья.

— Потому что в три четырнадцать у них обед, — сказал Тимофей.

— Внимание, — произнесла Варвара. — Если снова начнёте шутить, я вас обоих высажу.

Она сидела справа от водителя, прижимая к предплечью свёрнутый бинт. За последние два часа ткань успела сменить цвет трижды: с белого на розовый, с розового на красный и с красного на такой, за который в больнице потребовали бы заполнить отдельную форму.

— У вас рука кровит, — заметил Тимофей.

— Я в курсе. Она моя.

— Хочу убедиться. На рынке выяснилось, что собственность — понятие растяжимое.

Варвара не ответила. Сева нашёл в медицинской сумке оставленный фельдшером пакет с физраствором и водрузил его на спинку сиденья, как маленький флаг капитуляции.

— Мне велели отдыхать сорок восемь часов, — сообщил он. — Уточните, пожалуйста: это календарные часы или их сейчас тоже распродают?

— Посиди спокойно, — сказала Лиса.

Она устроилась между ним и Тимом, придерживая рюкзак коленями. Жёлтая накидка была сложена, но мокрые волосы продолжали капать на воротник. На разноцветных шнурках её ботинок висел серый мусор с рынка — кусочки бумажных печатей, которые не хотели отставать.

— Ты сам-то почему не идёшь домой? — спросил Тим.

— Потому что один мой заказ застрял в 2009 году. А теперь выясняется, что ты ездил туда без меня. Некрасиво.

— Мне было восемь.

— В таком возрасте и начинается потребительское хамство.

Он хотел усмехнуться, но на телефоне снова всплыло сообщение.

«СВИДЕТЕЛЬ № 0 ПОДТВЕРДИЛ, ЧТО ВЫ БЫЛИ НА МЕСТЕ В 2009 ГОДУ».

Никакого способа ответить. Ни кнопки «подробнее». Ни номера дела. Белый прямоугольник на чёрном экране — как дверь, из-за которой кто-то сказал его имя и теперь ждал, когда он повернёт ручку.

Тимофей попытался вспомнить 2009 год.

Он помнил школу. Рыжего одноклассника, который ел мел и уверял, что это укрепляет кости. Помнил, как Рита запрещала ему выбегать на проезжую часть и однажды догнала его в двух разных дворах одновременно — по крайней мере, ребёнку так показалось.

А вот осени две тысячи девятого в памяти почти не было. Не провал, не тёмное пятно. Просто гладкая поверхность. Как будто кто-то аккуратно разровнял землю над чем-то закопанным.

— Кулик, — негромко произнёс он. — Вы знали эту улицу до появления Палаты?

Седой водитель кивнул.

— Ездил.

— Что было по шестому номеру?

— Дом.

— Это уже звучит как эксклюзивная информация.

— Пять подъездов. Кирпич, третий подъезд сырой. Во дворе качели, которые скрипели даже без детей. Потом жильцов расселили.

— Когда?

Кулик замедлил машину перед перекрёстком. Прямо впереди стоял указатель «ПРИВОКЗАЛЬНАЯ», под ним — свежая табличка «ПРОЕЗД ЗАПРЕЩЁН». За табличкой виднелась обычная улица.

— Смотря кому верить, — сказал он. — В две тысячи девятом дом снесли. В семнадцатом признали не построенным. В двадцать третьем зафиксировали незаконное проживание.

— В здании, которого нет?

— В отчёте за двадцать третий написали: «нарушители проживали там, где не имели права отсутствовать».

— Самая ёмкая характеристика нашего города, — сказал Тим.

Они проехали под знаком.

Секунду спустя навигатор сообщил: «Вы прибыли в пункт назначения».

За окном было пустырь, заваленный промокшими рекламными щитами. Привокзальной, 6, не существовало.

Кулик не сбросил скорость.

— Выйдем? — спросил Сева.

— Рано.

Водитель повернул направо, хотя там не было поворота. Машина мягко качнулась. На мгновение за окном стало темно, как в тоннеле, после чего возник двор, похожий на обычный двор старой пятиэтажки.

Качели возле подъезда покачивались сами.

На доме висела облезлая цифра «8».

— Вы ошиблись, — сказал Тим.

— Нет.

Кулик выключил слуховой аппарат. Возле его уха щёлкнул крошечный рычажок, а на приборной панели заметно дрогнула лягушка в короне.

— Шестой номер, — произнёс водитель, — всегда стоял между восьмым и четвёртым. Не смотрите на цифры.

Он остановился.

Между двумя домами был проход шириной в плечи. На сыром асфальте, по которому явно никто не ездил годами, тянулись свежие следы маленьких колёс: чемодана, больничной каталки или детской коляски. Все они уходили в тёмную щель.

Сева поглядел на проход.

— Я думал, самый неприятный этап нашей ночи — когда на аукционе моему другу назначили цену.

— Нет, — отозвалась Лиса. — Самый неприятный этап — бесплатная доставка.

Кулик протянул Тимофею связку ключей на деревянном поплавке.

— В подвальном окне старый почтовый ящик. Откройте его этим ключом. Иначе будете ходить вокруг до рассвета.

— Почему сами не пойдёте?

Кулик немного помолчал.

— Я уже был внутри. Меня там помнят.

Тимофей почувствовал, как у него по спине проходит холод.

— А это плохо?

— Смотря кто.

. . .

Первым они услышали чайник.

Не свист, а характерное, почти домашнее дребезжание крышки. Где-то за тёмной стеной кто-то кипятил воду, не подозревая, что до уничтожения его свидетельства осталось меньше двух часов.

Сева поставил на землю измерительный чемодан.

— Механический компас говорит, что север вон там, — он показал на кирпичную стену. — Электронный говорит, что мы в южной части Оренбургской области. У кого-нибудь есть бумажный атлас?

— В старой версии города мы у вокзала, — сказала Варвара. — Идите за мной.

Она сделала три шага и остановилась, глядя на кирпичи.

— Что? — спросил Тим.

— Не могу понять, с какой стороны вход.

— Вы же здесь бывали?

— Давно. До того, как здание стало Пустым домом.

Лиса достала из рюкзака маленький колокольчик и не звякнула им — просто прижала к стене. Металл отозвался лёгким дрожанием.

— В такие адреса не заходят, — сказала она. — Им доставляют.

Тим вставил ключ в почтовый ящик, вросший в кирпичи почти по самую прорезь. Замок провернулся с таким натужным скрежетом, будто открывался не двадцать лет.

Внутри лежала записка в клетку.

«КТО ПРИШЁЛ?»

Тим снял колпачок с ручки. Вспомнил, как на девятом этаже имя Севы едва не стало номером квартиры, и замер.

— Отвечать именем не надо, — сказала Варвара.

— Догадался. А если напишу «четверо»?

— Нас пятеро, — заметил Сева.

— Вот именно, — сказал Тим. — У меня плохие отношения с численностью.

На обороте записки он вывел: «ТЕ, КТО МОЖЕТ УЙТИ, НО ОСТАЛСЯ».

И засунул листок обратно.

Несколько секунд ничего не происходило. Потом за стеной щёлкнула задвижка, которой там не могло быть.

Кирпичи разошлись ровно настолько, чтобы в щель протиснулся человек. За ними оказался подъезд с пожелтевшей краской, надломленным зеркалом и дверью в подвал.

На площадке стояла девочка лет одиннадцати в огромной серой кофте. Она держала в руках кухонный нож с обломанным остриём.

— Пароль неправильный, — объявила она.
— Не подскажешь правильный? — спросил Тим.
— Нет. На то он и пароль.
— Логично. Хорошая у вас охрана.
Девочка показала ножом на повязку Варвары.
— Кровь на пол не капайте. Нас опять пересчитают.
— Мы из Палаты, — начала Варвара.
Нож дёрнулся в её руке.
— Тогда уходите.

— Я сказал, откуда мы, — вмешался Тимофей, — но ещё не сказал, зачем. На вас назначено изъятие в три тринадцать. Мы хотим помешать.

Девочка смотрела на него с недоверием, которому позавидовал бы любой инспектор.

— Докажите.

Тим молча протянул старый список, полученный от Кадина. Девочка скользнула взглядом по именам и побледнела.

— Это наша книга, — прошептала она. — Только в нашей не было красных кружков.

— Значит, теперь есть. Как тебя зовут?

— Не скажу.

— Правильно, — кивнул Тим. — Пока не надо.

Она убрала нож, отступила и открыла дверь вниз.

— Заходите. Только если кто-то спросит, сколько вас было здесь, отвечайте: «Недостаточно».

Сева тихо присвистнул.

— Девочка, а тебя кто учил разговаривать с проверяющими?

— Проверяющие, — ответила она. — Когда пытались нас забрать.

. . .

Подвал оказался больше дома.

Не в переносном смысле. Тимофей видел на стенах следы старого фундамента, а за ними — семь комнат, длинную кухню, коридор с висящими на верёвке одеялами и ещё один лестничный марш, уходивший вниз. При том что снаружи в промежутке между домами едва поместилась бы кладовка.

Люди здесь не жили так, как живут в укрытии после катастрофы. Они жили долго.

На полках стояли банки с вареньем. Над электрической плиткой висел календарь без чисел. Возле дверей лежали тапки разных размеров, а на стене кто-то вывел карандашом правила:

«НЕ СЧИТАТЬ ПРИСУТСТВУЮЩИХ».

«НЕ НАЗЫВАТЬ АДРЕС».

**«ЕСЛИ ТЕБЯ СПРОСЯТ, КТО ТВОЙ СОСЕД,
СНАЧАЛА СПРОСИ ЕГО САМОГО».**

Последнее правило понравилось Тимофею больше всех.

В кухне за столом сидели семеро. Не тени. Не безликие жильцы девятого этажа. Обыкновенные, уставшие люди, разные настолько, что никакой список не смог бы сделать их похожими.

Тучный мужчина с железнодорожной фуражкой держал чашку двумя пальцами. Рядом женщина с седой косой вяжущими движениями распутывала узелок на носовом платке. Худой парень лет тридцати ставил на стол шахматные фигуры, хотя доски у него не было. Ещё двое спорили шёпотом. Седьмая — пожилая женщина в зелёном жакете — тщательно заворачивала бутерброды в бумагу.

Увидев гостей, она подняла голову.

— Из Палаты?

— Зависит от того, предъявят ли нам зарплату, — ответил Тим.

— Значит, из Палаты.

Женщина отложила бутерброд и подошла к Варваре.

— Покажите руку.

— Со мной всё в порядке, — сказала Крон.

— В таком случае перестаньте оставлять на полу кровь совершенно здорового человека.

Она размотала повязку. Под ней кожа была испещрена тонкими серебряными царапинами, уходящими под рукав. Между царапинами выступала кровь.

— Сшивка, — произнесла женщина. — Вторая степень допуска? Сколько раз за ночь?

— Достаточно.

— Прекрасный ответ для некролога. Сядьте.

Варвара хотела возразить, но женщина уже усадила её к столу.

— Надежда Черкасова, — представилась она. — Раньше преподавала биологию. Теперь, как видите, практикую врачебное насилие.

— Раньше? — уточнил Тим.

— В школе, которая отрицает, что я там работала. Не всё ли равно?

Она взглянула на его лицо, задержала взгляд чуть дольше, чем следовало, и вдруг спросила:

— А ты чьих будешь, мальчик?

Вопрос прозвучал по-домашнему. Так спрашивают у человека, пришедшего из другого двора. И всё же Тим вспомнил слова на экране телефона и не назвал своего имени.

— Сейчас мы вас предупредим, — сказал он. — Потом поговорим обо мне.

— Ты уже говорил так раньше, — тихо произнесла Надежда.

В кухне перестал стучать чайник.

— Когда? — спросил он.

Надежда вздрогнула, будто только теперь поняла, что произнесла.

— Давно. Ты принёс сюда записку, потом убежал. А мы остались ждать.

— Какую записку?

— Если бы я помнила, давно бы сама её нашла.

Тим полез во внутренний карман, вынул старую фотографию сестры. На снимке по-прежнему была она, но вместо смеха, которым когда-то сопровождалась эта сцена, в нём осталась только тишина. Рядом лежали накладная Лисы и полоска приборной ленты. Бумажные клочки из трёх разных катастроф.

— Вот эта девочка вам знакома?

Надежда посмотрела на фотографию и опустила взгляд.

— Я не уверена.

— Постарайтесь.

— Молодой человек, я сейчас занимаюсь человеком, которому может не хватить крови до утра. Не требуйте от меня чудес по расписанию.

— У нас как раз расписано.

Тим показал нижнюю строку списка.

Надежда прочитала время: 03:13. Её пальцы, державшие бинт, остановились.

— Значит, нас нашли, — сказала она.

Худой шахматист рассыпал фигуры.

— Кого нашли? — переспросил мужчина в фуражке.

— Нас, Гена. Не надо делать вид, что на этот раз всё обойдётся.

Женщина с косой перекрестилась. Шахматист поднял с пола белого коня и с силой положил его обратно.

— Я говорил, что нельзя зажигать окна, — сказал он. — Как только появились эти красные отметки, нас заметили.

— Какие окна? — удивился Сева.

— Те, которые иногда выходят на улицу, — ответила Надежда. — До этой недели нас никто не видел. А во вторник семь человек проснулись в собственных кроватях, впервые за девятнадцать лет увидели за окном настоящую привокзальную площадь и подумали, что всё закончилось.

— И что было потом?

— Женщина в цветочном киоске спросила у Гены адрес. Он ответил. Вернулся — и обнаружил, что нас в доме стало на одного меньше.

— Кто исчез?

Семеро посмотрели друг на друга.

На столе стояла восьмая кружка. В ней был остывший чай.

— Не знаем, — сказал мужчина в фуражке. — Но чашку никто не убирает. На всякий случай.

Тим не сразу отвёл глаза от кружки.

Ставка в одну жизнь на рынке. Семьдесят пять рублей за возвращённый четверг. Остывший чай человека, чьего имени никто не помнил. Невероятный мир словно очень старался доказать, что самая страшная его часть не чудовища.

Это была бухгалтерия.

— Покажите мне оригинал, — сказал он. — Тот список, который у вас хранится.

Надежда до конца затянула повязку Варваре.

— Он под домом. И не один.

— Как это?

— Двадцать семь записей. Двадцать семь имён. Но свидетельство одно. В две тысячи девятом нас попросили сказать, что мы видели. Каждого отдельно. Мы говорили. Писали. Кричали. Никто ничего не принимал.

— Кто не принимал?

— Люди, у которых были печати. А потом нашлась девочка. Она сказала, что записать можно и без печати. И записала.

Сердце Тимофея ударило неприятно тяжело.

— Как звали девочку?

Надежда посмотрела на фотографию в его руке. Не ответила.

— Откуда у вас эта карточка? — спросила она вместо этого.

— Она моя сестра.

— Тогда ты должен знать, почему нам нельзя было указывать адрес.

— Не знаю.

— Я тоже. — В голосе женщины не было насмешки. — Именно поэтому мы до сих пор здесь.

Варвара поднялась. На её лице не осталось цвета.

— Надежда Петровна, вы сейчас можете вывести этих людей?

— Из дома? Легко. За порог — нет.

— Почему?

— Потому что когда они выйдут на улицу, кто-нибудь спросит, где они живут. Когда отвечать будет нечем, следующий вопрос — существуют ли они вообще. И тогда нас здесь больше не станет.

— Не метафора, — уточнил Сева.

— У нас в последнее время мало метафор, — сказала Надежда.

Девочка в серой кофте протиснулась к столу. В руке у неё был всё тот же нож.

— Мам, они из тех, кто приходит с бумагами?

От окна отделилась молодая женщина лет тридцати пяти. До этого Тим принимал её за одну из тех, кто спорил шёпотом. Теперь увидел, что она всё время держала ладонь на спине девочки.

— Отдай нож, Соня, — сказала женщина.

— Нет.

— Соня.

Девочка положила нож на стол, рукояткой к матери, как взрослый человек, отдающий незаряженное оружие.

— Мы не из тех, — сказал Тимофей. — По крайней мере, не все.

— Тогда почему вы так похожи? — спросила Соня.

Он не нашёл хорошего ответа.

Варвара нашла.

— Потому что те, кто приходит с бумагами, обычно выглядят как люди. Иначе их не стали бы пускать.

Соня подумала, потом кивнула.

— Ладно. Но если вы будете плохими, я вас зарежу.

— Боже мой, — сказал Сева. — Ещё один подходящий сотрудник нашего отдела.

. . .

В час сорок две они спустились к книге.

Надежда вела их по узкой лестнице. Варвара осталась с семерыми наверху; столько слабости в её движениях Тим раньше не замечал и теперь старался не смотреть, чтобы не злиться за неё. Сева пошёл, несмотря на больное плечо. Лиса несла рюкзак. Соня, никого не спрашивая, увязалась следом.

Лестница была покрыта детскими рисунками. Домики с трубами. Машины. Кошки. У некоторых домиков не было дверей. У одного была только дверь, висящая в воздухе.

— Это всё нарисовала ты? — спросил Тим у Сони.

— Не всё. Вот этот — мама. Вон там я.

— Ты знаешь, что такое адрес?

— Да. То, что пишут на письмах, чтобы тебя нашли.

— А если не писать?

— Тогда надо самому прийти. Дурацкий вопрос.

Лиса притормозила на ступени. Слова девочки почему-то задели её сильнее, чем колкие замечания любого взрослого.

В самом низу был узкий коридор и железная дверь без замка. На ней чернилами вывели:

«ЗДЕСЬ НЕТ НИЧЕГО, ЧТО МОЖНО ЗАБРАТЬ».

Сева рассмотрел надпись.

— Зря написали, — сказал он. — Теперь точно придут проверять.

За дверью находилась старая котельная. Трубы давно остыли, котлы разобрали на металл. Вместо них по полу проходили тёмные линии, похожие на корни деревьев. Каждый корень заканчивался аккуратным прямоугольником, в который кто-то вписал имя.

Тим насчитал двадцать семь прямоугольников. Не трогая ни одного.

— Это все? — спросил он.

Надежда кивнула.

— Как только нас стали вычёркивать, мы пытались разъехаться. Нельзя. Кого-нибудь обязательно забывали по дороге. Однажды я потеряла мужа между троллейбусной остановкой и аптекой. Он шёл рядом, потом перестал. Я помнила, что его надо ждать. Но кого именно — уже нет.

Она погладила один из прямоугольников, не касаясь букв.

— С тех пор не считаем, сколько нас осталось. И не произносим имён за стенами дома. Каждое имя здесь — не запись для удобства. Это напоминание: кому-то пришлось услышать этого человека, прежде чем мир решил, что он лишний.

— Имена нанесены прямо на бетон? — Сева присел, доставая из чемодана увеличительное стекло.

— Чернила, — сказала Надежда. — И карандаш. И кровь. Тогда не выбирали.

На стене над тёмными корнями висела толстая тетрадь в треснувшей клеёнчатой обложке. Она была пришита к стене суровыми нитками, как занавес к раме. Над ней — четыре пустых гвоздя.

Тим раскрыл тетрадь.

Первые страницы содержали имена. Рядом — странные бытовые подробности.

«Шилов Геннадий Павлович. Исправляет часы без стекла. Не ест рыбу. Боится не темноты, а тихого скрежета. Свидетель: Н. Черкасова».

«Черкасова Надежда Петровна. Спорит с учителями физики о том, что такое жизнь. Умеет лечить ожоги. Свидетель: Г. Шилов».

«Воронова Анастасия Олеговна. Любит рисовать на полях. В тот день просила найти маму. Свидетель: ещё трое».

Тим задержал взгляд на последней фамилии.

— Воронова. Это мать Сони?

— Да, — ответила Надежда. — В две тысячи девятом Насте было шестнадцать. Она написала своё имя на обороте трамвайного билета, потому что кто-то сказал, что иначе её никто не найдёт. Потом мы внесли её сюда.

— А Соню?

— Соня появилась уже после. Наши дети здесь не записаны. Мы не хотели, чтобы их тоже стало можно изъять.

— И поэтому у них нет адреса, — сказал Тим.

— У них есть мы, — ответила Надежда.

Он перевернул страницу.

Сначала шёл обычный школьный почерк — слишком крупный для документа, слишком старательный для дневника. Он выводил имена всех двадцати семи. К некоторым были приклеены фотографии, вырезанные из справок, билетов, объявлений. Одна была сделана на плёнку возле старого вокзала. Там стояли люди под железным навесом, обнявшись, как после долгой дороги.

В глубине снимка угадывалась маленькая фигура в светлой куртке. Восемь лет. Может быть, девять. Тим приблизил фотографию к лампе, но лицо мальчика оказалось закрыто чьим-то рукавом.

Следующая страница заставила его замереть.

«ПРИНЯЛА ПОКАЗАНИЯ: РУДНЕВА МАРГАРИТА АНДРЕЕВНА».

Внизу стояла дата: «2009».

И подпись.

Буквы были неровные, подростковые. Но в последнем росчерке «Р» Тим узнал привычный крючок. Точно такой был на обороте их общей фотографии: «Если снова потеряешься, стой на месте. Я тебя найду».

— Рита, — выдохнул он.

Соня заглянула ему через плечо.

— Это она придумала книгу?

— Она записала нас, — сказала Надежда. — Но я не знаю, придумала ли. Многие потом уверяли, что всё сделали сами.

— Сколько ей было?

— Тринадцать. — Надежда улыбнулась невесело. — Я учила биологии старшие классы. Никогда не думала, что однажды стану зависеть от домашнего задания тринадцатилетней девочки.

— А я? — спросил Тим. — Меня вы тоже видели?

Надежда не посмотрела на него.

— Видела мальчика, который ходил за ней. Он держал пустую картонную коробку. Сказал, что если людей некуда записывать, можно положить их имена туда. Мы посмеялись. А потом перестали.

— Почему?

— Потому что коробка стала тяжёлой.

В комнате что-то тихо стукнуло.

Сева медленно выпрямился. Его измерительный прибор, стоявший на полу, показал вес восемь килограммов там, где не было ничего.

— Сейчас опять? — спросил он.

На бетонной плите возле стены проступил светлый квадрат.

Тим увидел его первым: отпечаток дна картонной коробки. Потом квадрат исчез.

— Простите, — сказал Сева с дрожью в голосе. — Кто-нибудь объяснит, почему у пустого места есть масса?

— Разумеется, — ответил Тим. — Мы же теперь специалисты по всему, что нельзя поднять руками.

Из верхнего коридора донёсся короткий звонок.

Потом ещё один.

Надежда резко закрыла тетрадь.

— Колокол на двери, — сказала она. — Он звонит, если нас кто-то назвал снаружи.

Третий звонок прозвучал уже за стеной.

На странице, где стояла подпись Риты, выступила свежая красная строка:

«ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ИЗЪЯТИЕ. ПОДГОТОВКА ЗАВЕРШЕНА».

Часы показывали 01:57.

. . .

Первые чужие шаги они услышали в два ноль три.

Не сразу в подъезде — сначала на лестнице, которая ещё минуту назад была пустой. Затем на кухне. После этого сверху раздался ровный женский голос:

— Добрый вечер. Вы получили уведомление о необходимости добровольной сдачи недействительных свидетельств. Напоминаю: отказ не отменяет обязанности.

— Доброй ночи, — отозвался Тим, вылезая из котельной. — У вас в Палате ошиблись с временем суток.

— Время суток для неустановленного адреса не определяется.

— Понятно. А зарплату по тому же принципу начисляют?

Женщина стояла у стола, держа в руке плоский чёрный портфель. Невысокая, лет сорока, в строгом сером пальто и тонких кожаных перчатках. В её облике не было ни одного признака чудовища. Разве что линзы очков казались чуть толще, чем должны, а в отражении одной из них дверь кухни была закрыта, хотя в действительности оставалась открытой.

За ней стояли двое в тёмных куртках без знаков различия. Каждый держал узкую алюминиевую рамку. Внутри рамок тянулся белый лист, совершенно чистый.

— Старший изыматель Лемехова, — представилась женщина. — Третья категория полномочий. Кто старший из местных?

Надежда вышла вперёд.

— Я.

Лемехова достала бланк.

— Вы не имеете права быть старшей. В вашем заявлении отсутствует зарегистрированное место проживания.

— Я вам могу показать место, — сказала Надежда. — Вот оно. Пол, стены, чайник. Какое из трёх вам неудобно?

Изыматель не улыбнулась.

— Я не пришла спорить о мебели.

— Жалко, — сказал Сева. — Нам бы третьего независимого эксперта.

Лемехова перевела взгляд на его перевязанное плечо, потом на Варвару.

— Инспектор Крон. Ваш допуск временно ограничен по причине истощения. Я вижу, вы снова работаете вне предписаний.

— Здесь люди, — сказала Варвара.

— Здесь неустановленные показания, ошибочно описанные как люди. Это предмет проверки.

В кухне стало тихо.

— Вы сами слышите, что говорите? — спросил Тим.

— Каждое слово. Именно поэтому произношу их медленно.

Она раскрыла портфель.

На его внутренней стороне был выгравирован круг и точка — та же печать, что на листе, полученном от Кадина. Внутри лежала папка с двумя прозрачными клапанами. Между ними виднелась пустота, очерченная ровной белой границей.

— В 2009 году двадцать семь лиц дали несовместимые сведения о происшествии, которое не было зарегистрировано. Ни один из них не имел подтверждённого адреса. Группа была признана непригодной к свидетельствованию. Их заявления должны были быть уничтожены в установленном порядке. По ошибке или умыслу они были сохранены в частном хранилище, — произнесла Лемехова.

— Кто признал их непригодными? — спросил Тим.

— Комиссия первичного учёта.

— Она существует?

— Её решения действуют.

— Я спросил не это.

Лемехова посмотрела на него с первым намёком интереса.

— Ваши логические приёмы мне известны, Руднев. Вы можете сколько угодно находить недостатки в чужих формулировках. Но отказ в допуске к свидетельству не является противоречием. Это решение уполномоченной комиссии. Законное. Для его отмены нужны другие основания.

Белое окно, которое иногда возникало перед глазами Тимофея, на секунду проступило у неё над плечом.

«ВОЗРАЖЕНИЕ: НЕДОСТУПНО».

«УТВЕРЖДЕНИЕ НЕ СОДЕРЖИТ ДОКАЗАННОГО ПРОТИВОРЕЧИЯ».

И пропало.

Он сжал пальцы.

Лемехова видела его ход заранее. Возможно, слышала о девятом этаже. Возможно, Кадин сообщил ей о рынке. Всё равно: правка не могла отменить то, что было формально законным. Даже если это законное казалось чудовищным.

— Вы пришли изъять тетрадь? — спросил он.

— Единицу свидетельства номер ноль.

— С людьми что будет?

— Существование людей входит в компетенцию другого подразделения.

— А прямо сейчас?

— Я изымаю свидетельство, — терпеливо повторила она. — Что произойдёт с его носителями после изъятия — вопрос статуса носителей.

— Вы можете сказать по-человечески?

— Нет, — ответила она. — У нас это запрещено инструкцией.

Кто-то тихо всхлипнул за столом.

Лемехова не повернула головы.

— Добровольная выдача до трёх тринадцати позволит избежать принудительного отделения носителей от показаний. На вашем месте я бы выбрала первое.

— Что такое отделение? — спросила Соня.

Изыматель впервые посмотрела на ребёнка. И в этот момент Тимофей понял: женщина не знала, что здесь есть дети.

— Тебя в списке нет, — сказала она.

— Я знаю, — ответила Соня. — Я умею читать.

Лемехова нахмурилась, словно присутствие неучтённой девочки нарушало последовательность действий сильнее, чем любое Возражение.

— Тогда тебе следует выйти и дождаться взрослого.

— А мама?

Лемехова промолчала.

Тим решил, что больше не хочет слышать от неё ни одного вопроса.

. . .

Пока Лемехова читала предписание Варваре, Тимофей отозвал Севу в коридор.

— Ты сможешь сделать копию книги?

— Всей? — Сева опустил глаза на своё плечо. — Одной рукой и без сканера? Я польщён твоей верой в меня, но надеялся, что она будет выражаться деньгами.

— Не обязательно текст. Нужно доказать, что книга отделима от людей.

— Это и так видно. Она на стене, а люди на кухне.

— Не нам. Изымательнице. Для неё они всё ещё части одного свидетельства. Если она заберёт показания вместе с носителями, семь человек исчезнут из нашей реальности. Возможно, остальные двадцать тоже.

Сева молчал. Потом открыл чемодан и вытащил маленькую ручную камеру с пружинным приводом.

— Помнишь, на Гончарной мы фиксировали массу? Здесь попробую движение. Книга стоит. Человек ходит. Человек может заговорить после того, как отнимешь у него бумагу. Разделим.

— А если она запретит?

— Я из технической службы, Тим. Меня профессионально недооценивают. Пока взрослые люди с полномочиями спорят, техник может разобрать полгорода.

— Ты делал это раньше?

— Однажды собрал обратно. Не идеально.

Тим закрыл чемодан.

— Нам нужно ещё кое-что. Ты зафиксировал звук Кулика на рынке без проводов. Получится здесь сделать так же?

— Если кто-нибудь снаружи даст независимую метку времени. И если у нас будет человек, которому можно передать носитель. Просто запись в Пустом доме не считается вышедшей из Пустого дома.

Лиса возникла рядом так внезапно, будто её тоже доставили.

— Я передам.

— Тебя на рынке едва не оставили без заработка, — заметил Сева.

— Плохое время обсуждать мою кредитную историю.

— А что у тебя вместо заработка осталось? — спросил Тим.

Она показала пустой боковой карман рюкзака. Там была пришита жёлтая бирка с красной строчкой «ПОСЛЕДНЯЯ ДОСТАВКА ПОД ЛИЧНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ».

— Одно право принять вещь из рук того, кому её нельзя адресовать. Если использую и получателя не найдут, долг спишут с меня. В буквальном смысле.

— Тебя могут вычеркнуть?

— Меня могут превратить в человека, который однажды поехал в отпуск и больше никому не нужен. Что в нашей профессии хуже смерти.

— Нет, — сказал Тим. — Никаких операций за чужую жизнь без согласия. У нас сегодня был тематический вечер.

Лиса сложила руки.

— Знаешь, почему я беру деньги за каждый конверт? Чтобы иметь право самой решать, какие доставлять бесплатно.

Он не нашёл, что ответить.

— Мне нужен первый адрес, — тихо добавила она. — Но, если ты когда-нибудь его узнаешь, я предпочту получить ответ от живого человека.

За стеной послышался звук бумажного листа, резко выдернутого из папки.

Они вернулись на кухню.

Лемехова положила на стол бланк с двумя прямоугольниками для подписей. Над одним значилось «СТОРОНА, ПРЕДОСТАВИВШАЯ СВИДЕТЕЛЬСТВО». Над другим — «ИЗЫМАЮЩИЙ».

— При добровольной выдаче, — говорила она, — вы сохраните право обращения в архив за выпиской. Обращение возможно только при наличии установленного адреса.

— Это издевательство, — произнесла Настя Воронова, мать Сони.

— Нет, — ответила Лемехова. — Издевательство — умышленное унижение. Моя работа унижений не предусматривает.

— А уничтожение людей предусматривает?

— Повторяю: я не занимаюсь людьми.

Тим подошёл к столу.

— А чья подпись должна быть здесь?

— Ответственного хранителя.

— У него есть имя?

— Разумеется.

— Он человек?

Лемехова подняла брови.

— Это вопрос из начальной школы, Руднев.

— Прекрасно. Я с ней закончил. Значит, человек есть. И именно он должен передать вам бумагу.

— Вы можете оспаривать процедуру сколько угодно. При отсутствии подписи изъятие производится принудительно.

— То есть для добровольной передачи нужен человек, которого ваше предписание не признаёт допустимым свидетелем. Как это работает?

Лемехова щёлкнула ручкой.

— Быть хранителем предмета и быть свидетелем события — разные статусы. Я не утверждала обратного.

У Тимофея на секунду появилось белое окно.

«ВОЗРАЖЕНИЕ: НЕТ ОСНОВАНИЯ».

Он почти услышал, как у него в голове захлопнулась крышка дешёвой мышеловки.

Не ошиблась. Она действительно разделяла эти статусы. Поэтому могла забрать вещь у человека, не признавая его показаний о 2009 годе. Тактически безупречно. Морально — отвратительно.

— У вас здесь хорошая юридическая подготовка, — сказал Тим.

— Благодарю.

— Это не комплимент.

— Мне всё равно.

Сева кашлянул, пряча камеру под расстёгнутой курткой.

— А что за алюминиевые рамки у ваших сотрудников?

— Средства безопасной упаковки.

— Бумаги?

— Первичного носителя свидетельства.

— А если он будет сопротивляться?

Лемехова посмотрела на одного из сопровождающих. Тот поднял рамку.

Между металлическими рейками натянулась матовая белая плоскость, в которой не отражалось ничего. На секунду Сева увидел сквозь неё комнату без людей, только с семью стульями.

— Сопротивление фиксируется как повреждение доказательства, — сказала Лемехова.

И Тим внезапно понял, почему женщина так спокойно говорила о добровольном порядке.

Она собиралась не просто отнять тетрадь. Она могла сделать человека листом бумаги, если тот оказывался единственным хранителем собственной истории.

— У нас есть время, — произнёс он.

— До трёх тринадцати. Да.

— Значит, подождёте, пока люди соберут вещи.

— Если это не будет препятствовать процедуре.

— Обещаю не препятствовать. По крайней мере, настолько очевидно.

Лемехова закрыла портфель.

— Вы путаете доброту с задержкой, Руднев. В три тринадцать вы увидите разницу.

. . .

В два сорок одна все семь человек стояли в котельной.

Один за другим они подходили к своей строке на полу. Надежда попросила не произносить имена вслух. Тим уважил просьбу. Лиса прикрепила к дверному косяку бирку курьерской доставки; Сева наладил механическую камеру на пружинном штативе; Варвара, опираясь на стену, следила, чтобы ни одна из прозрачных нитей изымателей не пересекла порог раньше срока.

— Ты точно не должна находиться здесь, — сказал Тим Варваре.

— Аналогично.

— Вы хотя бы можете уйти и не упасть через десять метров?

— Проверим, когда будет время.

Она смотрела на него и на подпись Риты в открытой тетради. В глазах не было привычной насмешливой усталости. Там было что-то другое: знание, которого она не хотела отдавать даже под угрозой смерти.

— Вы знаете, что произошло здесь в две тысячи девятом, — сказал он.

— Не всё.

— Зато знаете, почему сестра подписала эту книгу.

— Я знала, что она могла её подписать. Это разные вещи.

— И всё-таки вместо ответа про Риту вы купили на рынке мою смерть. Или пытались купить.

Варвара болезненно выдохнула.

— Когда человек стоит на мосту, ты можешь заплатить за то, чтобы он не прыгнул, даже если он решит, будто ты купил право его столкнуть.

— Чья жизнь была вашей ставкой?

Она посмотрела на двух людей у дальней стены. Настя держала Соню за руку.

— Не здесь, — сказала Варвара. — Пока я не могу назвать имя, не превращая его в приказ.

— Великолепно. Я даже начинаю ценить ваше постоянство.

— Тим. — Она впервые за ночь произнесла его имя так, как произносила прежде, когда за раздражением пряталась тревога. — Иногда правду нельзя просто сказать. Потому что произнесённое здесь становится адресом для того, что тебя ищет.

Он хотел спросить ещё, но Сева поднял здоровую руку.

— Готово. Надежда Петровна, просто сделайте шаг в сторону от собственной строки. И скажите, что любите больше — чай или кофе.

— При чём здесь чай?

— Мы доказываем, что вы способны иметь предпочтения вне документа. В документе написано про биологию, не про чай.

— Люблю чай с лимоном, — ответила она и отошла от прямоугольника с именем.

Камера застрекотала. На бумажной ленте прибора появились две линии: неподвижная метка массы тетради на стене и движущаяся метка Надежды. Сева хотел поставить дополнительные датчики на всех, но на третьем руку свела судорога.

— Хватит, — сказала Настя и взяла у него кабель. — Показывай, куда соединять.

— Вот здесь. И не перепутайте красный с чёрным.

— Я дочь электрика.

— Я сын бухгалтера, — сказал Сева. — Это объясняет, почему мы все здесь страдаем.

Настя ловко защёлкнула клемму.

Лиса достала из рюкзака тонкую упаковочную бумагу и раздала каждому по листку.

— Напишите не то, что с вами случилось, — сказала она. — Напишите, кому вы хотите отдать письмо. Любое. Даже если человек умер. Даже если адрес неизвестен.

Мужчина в фуражке подержал карандаш над бумагой, потом вывел: «СЫНУ. НЕ ЗАБУДЬ ПОКОРМИТЬ КОТА».

Шахматист написал: «МОЕМУ СОПЕРНИКУ. ТЫ ТАК И НЕ ДОКАЗАЛ, ЧТО КОНЬ СИЛЬНЕЕ СЛОНА».

Настя заплакала, но взяла себя в руки и написала дочери коротко: «Я ВСЕГДА ТЕБЯ СЛЫШУ».

Надежда вывела имя мужа. Потом перевернула лист, потому что не помнила, что ещё хотела ему сказать.

— Это не юридические документы, — заметил Тим.

— И слава богу, — сказала Лиса. — Впервые за ночь люди пишут что-то не для суда.

Листы сложили в семь конвертов. Каждый заклеили лично отправители. Лиса поставила бирку «ПРИНЯТО В РУКИ», но не написала адрес.

— Если я выйду за пределы дома и сумею вручить эти письма Кулику, — сказала она, — появится связь с человеком, которого не включали в первоначальное свидетельство. Тогда факт существования отправителей не будет зависеть только от старой тетради.

— Почему это сработает? — спросил Тим.

— Я не знаю, сработает ли. — Лиса посмотрела на него прямо. — Я знаю только, что доставка не может состояться без отправителя. Если её признают состоявшейся, значит, отправитель был. Не всё решается только в суде.

Тим молча кивнул.

В дверном проёме возникла Лемехова.

— Вы организовали вторичный сбор недопустимых показаний, — констатировала она.

— Не показаний, — возразила Лиса. — Личных писем.

— В этих помещениях отсутствует действующий почтовый адрес.

— Поэтому я их не отправляю. Я принимаю из рук в руки.

Изыматель присмотрелась к конвертам.

— Вы берёте обязательство исполнить доставку?

— Да.

— Лично?

— Да.

Лемехова не стала препятствовать. Но её взгляд стал внимательнее. Человек, впервые за ночь объявивший себя добровольным должником, вызывал у неё больше уважения, чем все остальные вместе.

— У вас тридцать две минуты, — сказала она.

Они ещё успевали.

Как оказалось, это была самая опасная мысль за весь вечер.

. . .

На выходе из котельной Соня остановила Лису.

— А если никто не захочет получать письмо?

Лиса присела, чтобы их глаза оказались на одном уровне.

— Тогда я буду стоять у двери до тех пор, пока не найдётся тот, кто захочет.

— Сколько?

— Сколько понадобится.

— Мама говорит, обещания так не дают. Слишком дорого.

— У тебя умная мама.

— Но ты всё равно обещаешь?

— Да.

Соня вынула из кармана ещё один конверт. На нём детским почерком было написано «ТОМУ, КТО СПРАШИВАЕТ, СКОЛЬКО НАС».

— Это от меня. Я тоже хочу, чтобы знали.

— Что внутри?

— Секрет.

Лиса прикусила губу и убрала письмо к остальным. В её взгляде Тим неожиданно увидел не привычное желание получить плату, а ужас человека, который только что взял на себя ещё одно обязательство и понятия не имеет, чем заплатит.

Она пошла к выходу.

В коридоре зашуршала бумага. Одна из алюминиевых рамок выдвинулась из темноты и заняла дверной проём. Чистый лист внутри неё стал белее стены.

— Направление доставки не установлено, — произнёс сопровождающий Лемеховой. — Предметы подлежат задержанию.

— Покажи распоряжение, — потребовала Лиса.

— Отсутствует адрес отправления.

— Ты знаешь, как меня зовут?

— Курьер без подтверждённого регистрационного номера.

— Именно. И я живу уже довольно давно, чтобы понять: отсутствие номера не мешает человеку дать кому-нибудь по морде.

Она попыталась пройти. Белый лист выгнулся навстречу, готовый накрыть её вместе с конвертами.

— Лиса! — крикнул Тим.

Девушка резко отступила. Но рамка не остановилась. На её поверхности проявились тонкие линии — восемь конвертов, нарисованных белым по белому. Письма начали наливаться тяжестью в рюкзаке, как будто кто-то цеплял к ним мокрые камни.

— Они не могут выйти, — сказала Лемехова из-за спины Тимофея. — Не из этого адреса.

— Тогда выведите их вы, — предложил он.

— Я не курьер.

— А я не самоубийца. Но обстоятельства вынуждают учиться.

Взгляд Лемеховой скользнул к его груди, будто она пыталась увидеть там невидимое удостоверение.

— Не говорите с ними, — тихо сказала Соня. — Они из бумаги делают двери.

Тим повернулся к ней.

— А ты как вход открыла?

— В почтовом ящике спросили, кто пришёл. Ты ответил. Мы открыли. Так обычно.

— А как отсюда выходят?

— Никак. — Девочка пожала плечами. — Кроме того окошка. Мама говорит, письма можно отдавать через окошко. Это не считается выходом.

Она показала на конец коридора. Там, за трубами, почти у самого потолка чернела узкая щель.

Тим взглянул на Лису.

— Тебе обязательно самой выйти наружу?

— Для завершения доставки — да. Но сначала можно передать принятые предметы человеку, который видит меня с другой стороны.

— Значит, окна хватит?

— При условии, что он не станет записывать адрес.

Тим достал телефон. Кулик ответил после второго гудка.

— Вы где? — спросил Тим.

— Там, где оставил.

— У вас рядом с домом есть маленькое подвальное окошко?

— Три. Какое?

— То, которое ведёт к нам.

— Разумно. Подожди.

Связь оборвалась.

Тим опустил телефон и увидел, что белая рамка у дверей медленно разворачивается к нему. Сопровождающий опустил ладонь, но прямоугольник продолжил двигаться, словно действовал уже по расписанию.

Сева схватил тяжёлый измерительный чемодан и поставил его между рамкой и Лисой.

— Он металлический, — предупредил он, — и стоит как две мои зарплаты. Если сломаете, буду жаловаться.

Чистая плоскость коснулась уголка чемодана.

На металле проступили буквы «ИЗЪЯТО».

Замки отщёлкнулись сами.

Внутри вместо проводов и шкал оказалась стопка листов с изображением проводов и шкал.

Сева замер.

— Это… — начал он и не смог закончить.

Он собственными руками собирал прибор. Перебирал его пружины в бессонные ночи, ругался на исчезающие контакты, получал по носу от противно щёлкавшей крышки. И вот всё, чему он доверял, превратилось в картинку на бумаге.

— Отойди! — крикнул Тим.

Сева не отступил.

— Это мой ящик, — сказал он сквозь зубы. — У меня там рука помещается ровно под шкалой, когда я чиню тяг…

Белая плоскость коснулась его пальцев.

На коже выступила мелкая разметка: «ПРИЛОЖЕНИЕ 7».

Сева закричал.

Варвара, которой давно следовало бы лежать под капельницей, сорвалась с места. Из её повреждённой руки выстрелила тончайшая серебряная нить. Она прошила ремень чемодана и припечатала его к выступающей арматуре.

Белый лист задрожал. Рамка попыталась потянуть прибор, но тот остался на месте — зафиксированный не только железом, но и болью Варвары.

Она упала на колено.

— Сева, руку!

Техник отдёрнул пальцы. На указательном осталась чёрная полоска, похожая на линию от копировальной бумаги. Кожа под ней была живой.

Тим подхватил Варвару за плечи. По бинту снова расползалось красное.

— Вы сейчас умрёте от упрямства, — сказал он.

— Тогда напишешь… очень длинный отчёт, — выдохнула она.

— Ненавижу длинные отчёты.

— Взаимно.

Из глубины дома пришёл звонок. Не три раза, как раньше, а один длинный, похожий на звук пожарной тревоги.

По стенам проползла красная надпись:

«НАЧАТО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ УДЕРЖАНИЕ НОСИТЕЛЕЙ».

Часы показывали 03:02.

. . .

Лиса пролезла через окно боком, содрав с куртки пуговицу. За стеной, снаружи, послышался глухой стук и голос Кулика:

— От кого?

— От людей, — отозвалась она. — Получаете?

— Получаю.

— Назовите адрес доставки.

— Не буду.

— Правильно. Назовите, что видите.

Тишина.

Потом седой водитель произнёс по одному, без всякой спешки:

— Восемь конвертов. Жёлтая бирка. Девушка в мокрой куртке. Вышла из окна. Я стою на тротуаре. Я всё это вижу.

Тим услышал скрип ручки. Кулик, должно быть, записывал показания на обычной бумаге. Или на полях автомобильного журнала, где много лет отмечал пробег.

Из окна просунулась рука Лисы.

— Передано, — сказала она.

— Принято, — ответил Кулик.

В коридоре раздался негромкий щелчок. На бирке, оставленной на косяке, отпечаталось: «ДОСТАВКА ПОДТВЕРЖДЕНА НЕЗАВИСИМЫМ ПОЛУЧАТЕЛЕМ».

Соня улыбнулась.

— Мама, я отправила письмо!

Настя прижала её к себе.

В эту секунду одна из семи тёмных линий, уходивших из котельной, побледнела. От стола оторвалась деревянная стружка, чуть не задев глаз мужчине в фуражке. Он отшатнулся — и увидел на ладони обычный, чёткий отпечаток пальца.

— Меня… видят? — прошептал он.

Лемехова осмотрела бирку.

— Доставка действительна, — произнесла она, и в её голосе впервые появился оттенок раздражения. — Вы доказали, что в три часа шестого апреля присутствуют семь физических лиц. Это не доказывает, что в 2009 году они были допустимыми свидетелями.

— Зато доказывает, что они люди, — ответил Тим.

— Я этого не отрицала.

— Вы только пытались упаковать их в папку.

— Это применение установленного порядка к неотделимым носителям.

— Опять. — Он шагнул ближе. — Вы сами слышите это слово: «неотделимым»?

Лемехова взглянула в папку.

— Слышу.

— Они сидят на кухне. Книга внизу. Их письма получил Кулик снаружи. Они могут совершать действия независимо от книги. На каком основании вы называете их неотделимыми?

— На основании акта 2009 года. — Женщина достала лист с широким штампом. — Он признаёт единой единицей хранения первоначальные показания и их носителей. Решение не обжаловано.

— Потому что им некуда было отправить жалобу?

— Потому что за девятнадцать лет никто не представил допустимого возражения.

— А что вы сделали бы, если бы представил?

Она снова посмотрела на Тимофея, уже не с раздражением, а с тем холодным интересом, с каким опытный шахматист смотрит на противника, который только что добровольно пожертвовал ферзя.

— Тогда я изъяла бы предмет, указанный в акте. Тетрадь. Без людей. Но акт при этом не исчезнет. Заявление из 2009 года всё равно будет выведено из доступного обращения. И у этих лиц больше не останется первичного свидетельства.

Надежда медленно поднялась из-за стола.

— Его нельзя отдавать, — сказала она. — Если заберут наши слова, мы опять никому не сможем доказать, что были там.

— А если не отдать, — спросил Тим, — она заберёт вас.

— Я знаю. — Надежда сжала ладони. — Я девятнадцать лет выбираю между этими двумя вещами.

Один из сопровождающих поднял вторую рамку. Внутри неё уже проявились контуры человека: круглая голова, плечи, руки. Своими очертаниями фигура напоминала Настю Воронову.

На рукаве молодой женщины выступила надпись «ЛИСТ 3».

Соня вцепилась ей в руку.

— Мама?

Настя попыталась сказать, что всё хорошо. Но изо рта вылетел тонкий белый клочок, исписанный мелкими буквами. Её голос стал плоским, словно кто-то уменьшил громкость до одной строки на странице.

— Не трогайте её! — закричала Соня.

Тимофей рванулся к рамке, но успел остановиться сам. Ударом или Сшивкой он только заставил бы лист закрыться. Их уже почти затянуло в процедуру, и действовало здесь не насилие, а согласованное правило: носитель неотделим от свидетельства.

В этом правиле была точка, за которую можно ухватиться.

Только сначала нужно было решить, чем он за неё заплатит.

. . .

На старом мобильном телефоне Тимофея появилась белая строка.

«ОБНАРУЖЕНО НЕСООТВЕТСТВИЕ МЕЖДУ ОБЪЕКТОМ ИЗЪЯТИЯ И ЕГО НОСИТЕЛЕМ».

«ВОЗРАЖЕНИЕ НЕПРИМЕНИМО: ПРЕДПИСАНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО».

Ниже, словно кто-то очень долго подбирал слова, проступило новое:

«ВОЗМОЖНО ХОДАТАЙСТВО: ОТВОД».

«ПРЕДМЕТ: ОТДЕЛЕНИЕ ЛИЦА ОТ ПРИПИСАННОГО ЕМУ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО СТАТУСА».

«УСЛОВИЯ: НЕЗАВИСИМОЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ЛИЧНОГО ДЕЙСТВИЯ. ПОДЛИННЫЙ ПРЕДМЕТ ИЗЪЯТИЯ. ДОБРОВОЛЬНАЯ ПЕРЕДАЧА ПРЕДМЕТА».

«ПРИМЕНЕНИЕ: ОДНО ПРОИЗВОДСТВО. БЕЗ ОБРАТНОЙ СИЛЫ».

Тим прочитал строки один раз. Потом ещё.

ОТВОД.

Не отмена закона. Не победа над изымателем. Возможность доказать, что человек — не документ, который о нём составили. И позволить государству забрать бумагу, не забирая вместе с ней людей.

— Надежда Петровна, — произнёс он. — Вы отдадите книгу?

— Нет.

— Если не отдадите, умрёт Настя. И, возможно, остальные.

— Если отдам, исчезнет единственное, чем мы можем доказать, что жили до этого дома. Твой голос из две тысячи девятого, девочка с тетрадью, все те, кто уже исчез… — Она утирала слёзы тыльной стороной ладони. — Не проси меня решать такое.

Тим подумал о матери, чьё лицо больше не мог вызвать в памяти. И о сестре, чьего смеха не услышит даже во сне. О тех вещах, которые никакой новой фотографией не восстановить.

— Я не могу решить за вас, — сказал он. — Это ваше свидетельство.

Надежда уставилась на него.

— Ты из Палаты. Ты можешь приказать.

— У меня нулевой допуск. И даже если бы был десятый, я бы не стал.

Лемехова стояла в нескольких шагах. Она могла прекратить разговор одним движением руки. Но, кажется, хотела узнать, какой выбор они сделают. Не из сострадания. Из профессионального интереса к процедуре, которой прежде никто не пользовался.

Настя опустилась на колени возле Сони. Белые строки на её рукаве ползли вверх.

— Отдавайте, — с трудом сказала она.

Мужчина в фуражке покачал головой.

— Она нас забудет.

— Дочка не забудет, — произнесла Настя. — И я хочу сама решать, что мне говорить дочке завтра. А не лежать в папке и вечно рассказывать один и тот же день.

Шахматист закрыл глаза.

— А другие двадцать?

— Вы будете искать их, — ответил Тим. — По именам, которые запомните. По письмам. По следам. Это труднее, чем хранить одну книгу. Но пока мы цепляемся только за неё, тот, кто её заберёт, заберёт и нас.

Семеро смотрели друг на друга. Кто-то кивнул, кто-то заплакал. Надежда опустила голову, как человек, которого вынудили отдать ключ от единственного дома.

— Я согласна передать оригинал, — сказала она. — Не своё право говорить. Только оригинал.

Остальные один за другим подтвердили.

Лемехова вытащила бланк.

— Добровольная передача требует подписи одного ответственного хранителя.

— Семь человек, — сказал Тим. — Семь независимых согласий. У вас есть восемь писем на руках у получателя снаружи и данные камеры. Поставьте на бланке семь граф.

— Формой не предусмотрено.

— Тогда приложите отдельный лист. Вы же любите приложения.

Лемехова посмотрела на него, затем на сопровождающего.

— Подготовьте дополнительный лист, — распорядилась она.

Надежда тихо засмеялась. Тим не услышал в этом радости. Скорее усталость человека, который всю жизнь боялся неправильного вопроса, а сегодня впервые смог заставить кого-то ответить на правильный.

Через минуту тетрадь лежала на столе.

От неё к полу ещё тянулись чёрные линии, и до тех пор, пока строки не были разорваны, Настя продолжала медленно терять цвет.

Тим положил руку на обложку. Надпись на телефоне изменилась.

«ОТВОД: ОСНОВАНИЯ ПОДТВЕРЖДЕНЫ».

«ПРАВО ПРИМЕНЕНИЯ: ВРЕМЕННЫЙ ДОПУСК I».

«СТОИМОСТЬ: ОДНА ПОДТВЕРЖДЁННАЯ ЛИЧНАЯ СВЯЗЬ ЗАЯВИТЕЛЯ».

«СВЯЗЬ, ДОСТУПНАЯ ДЛЯ ИЗЪЯТИЯ: РУДНЕВ Т. А. — РУДНЕВА М. А., РОДСТВО».

«ПОСЛЕДСТВИЕ: УТРАТА ПРИЗНАНИЯ РОДСТВА. ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПОСРЕДСТВОМ ДОКУМЕНТОВ И СВИДЕТЕЛЬСТВ НЕВОЗМОЖНО».

Он прочёл последнюю строку и почувствовал, как холодеет кожа на затылке.

Не смех. Не лицо. Не отдельное воспоминание.

Рита.

Право доказать другим, что она его сестра.

Именно эта связь до сих пор помогала ему не усомниться в собственном прошлом, даже когда документы утверждали, что их общая жизнь невозможна.

Тим увидел фотографию, которую держал в кармане. Там были они вдвоём — он маленький, Рита старше, её рука на его плече. На обороте её обещание найти его, если снова потеряется.

Если он примет ОТВОД, фотография останется. Память о сестре останется. Но любая проверка, любой суд, любая попытка подтвердить родство приведут к пустоте. Точно так же, как у семерых с Привокзальной не было адреса.

Он сможет называть её сестрой. И никто не будет обязан ему верить.

— Тим! — крикнул Сева.

Часы показывали 03:12.

На лице Насти появились первые белые строчки. Она открыла рот, но звука уже не было. Соня прижимала к груди её руку и повторяла: «Я знаю, кто ты. Я знаю, кто ты».

«ОКНО ПОДТВЕРЖДЕНИЯ: СЕМЬ УДАРОВ СЕРДЦА».

Один.

Тим закрыл глаза.

Он годами пытался доказать хотя бы себе, что у него была сестра. И теперь какой-то чудовищный бухгалтер предлагал спасти чужих людей ценой единственного доказательства, которое оставалось ему самому.

Два.

Вспомнился оборот фотографии. «Если снова потеряешься, стой на месте. Я тебя найду».

Три.

Он подумал: если бы Рита оказалась здесь, она, наверное, первой отдала бы этот документ.

Потом поправил себя: он не знал, что сделала бы Рита. И не имел права прятаться за её предполагаемым решением.

Четыре.

— Надежда Петровна, — сказал Тим. — После этого у вас не останется общей книги.

— Знаю, — ответила она.

— Вы точно согласны?

— Да.

Пять.

— Сева. У тебя есть запись?

— Есть. И руки на месте. Почти.

Шесть.

— Варвара, не помогайте мне сейчас. Даже если сможете.

— Не смогу, — прошептала она. — Но я рядом.

Семь.

Тимофей произнёс отчётливо:

— Заявляю отвод носителей от предмета изъятия. Передать изымателю свидетельство. Людей оставить людьми.

Белая строка на телефоне вспыхнула.

«ОТВОД ПРИНЯТ».

«ЦЕНА СПИСАНА».

И тогда двадцать семь чёрных линий на полу одновременно дёрнулись, как оборванные нитки.

Тетрадь ударилась о стол так тяжело, словно в ней лежали не листы, а кирпичи.

Надежда вскрикнула. Один из сопровождающих выронил рамку. Белая поверхность внутри неё пошла трещинами и рассыпалась прямоугольными хлопьями, похожими на снег из старой типографии.

Настя упала на колени.

Соня обхватила её за шею.

— Мама?

— Я здесь, — сказала Настя.

Голос был хриплым, но настоящим. Не строчкой на бумаге. Не приложением к делу.

— Я здесь, Сонька.

Девочка заплакала. Не испуганно, как минуту назад, а громко, зло и обиженно — так плачут дети, когда взрослые только что испортили им целую жизнь и надеются отделаться извинениями.

Чёрные линии на полу разом побелели. Вместо имён остались небольшие неровные углубления в бетоне, которые могли быть следами старой разметки, если бы Тим не видел, как они исчезают.

Изыматели шагнули к столу. Лемехова остановила их движением руки.

— Сначала протокол, — произнесла она.

Старший сопровождающий вынул из портфеля печать. Штамп глухо ударил по бланку.

«ПРЕДМЕТ ИЗЪЯТ. НОСИТЕЛИ ОТВЕДЕНЫ ОТ ПРОИЗВОДСТВА».

«ПРАВО СВИДЕТЕЛЬСТВОВАТЬ В РАМКАХ АКТА № 09/0: НЕ ПОДТВЕРЖДЕНО».

Лемехова прочла строки и повернулась к Тимофею.

— Вы спасли семь человек от действия процедуры. Это не делает их показания допустимыми. И не отменяет решение комиссии 2009 года.

— Я понял, — ответил он.

— Вы потеряли единственный оригинал, который мог бы послужить основанием для пересмотра.

— Тоже понял.

— Остальные двадцать строк свидетельства остаются неподтверждёнными. Отвод в их отношении будет рассматриваться отдельно, если носители будут обнаружены.

Надежда уронила голову. Тим ощутил, как победа вдруг стала тяжёлой и неполной.

Он спас семерых.

Не двадцать семь.

И не доказал, что город когда-то спасал своих жителей. Он лишь не дал превратить живых в бумагу именно этой ночью.

Лемехова закрыла тетрадь в прозрачной папке.

— Я внесу в отчёт, что сопротивления изъятию не было, — сказала она после короткого молчания. — Это правда. Мне не потребуется составлять акт о применении силы к задержанным.

— Но сила была, — тихо произнёс Сева, сжимая повреждённый палец.

— Предварительное удержание, — ответила изыматель. — Уведомление передано.

— Ага, — сказал Тим. — Для удара по лицу, наверное, тоже можно придумать очень красивое название.

Лемехова не ответила. Впервые за весь вечер ей, кажется, стало нечего противопоставить обычному человеческому отвращению.

Она застегнула портфель и ушла вместе с сопровождающими.

За ними закрылась дверь, которой полчаса назад не было.

. . .

В три двадцать пять Кулик заехал во двор на своей старой машине и ещё раз сверился с зеркалом заднего вида. На приборной панели всё так же сидела лягушка в короне.

Первой в салон забралась Соня. Слишком долго рассматривала лягушку, потом спросила:

— А она тоже без адреса?

— Нет, — сказал водитель. — У неё постоянная прописка на панели.

— Повезло.

Кулик снял фигурку и отдал девочке.

— Подержи пока.

Соня бережно спрятала лягушку в карман.

В тесной машине для семерых не хватило бы места, и Лиса пошла договариваться о второй поездке с водителем ночного грузовика. Она умела говорить с людьми так, будто даже

самый неприветливый шофёр был давно просроченной доставкой, а у неё оставался последний шанс закрыть заказ без штрафа.

Надежда стояла возле машины, оглядывая двор, которого не видела девятнадцать лет.

— А куда мы теперь? — спросила она.

— К знакомым, — ответил Кулик. — У них есть крыша. Адрес не спрашивают.

— Надолго?

— Пока не найдём место получше.

Тим стоял чуть в стороне и разглядывал фотографию. На ней всё оставалось прежним. Он и Рита, двое детей, слишком долго смотревших в объектив. Обратная сторона, знакомые слова. Ничего не стёрлось.

На экране телефона тем временем появился краткий итог.

«ХОДАТАЙСТВО: ОТВОД».

«ИСПОЛНЕНИЕ ЗАВЕРШЕНО».

«ПОДТВЕРЖДЁННЫЕ РОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ С М. А. РУДНЕВОЙ: ОТСУТСТВУЮТ».

«СПОСОБ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ: НЕ ПРЕДУСМОТРЕН».

Тим спрятал телефон.

— Больно? — спросила Варвара. Она стояла рядом, опираясь плечом на дверцу машины.

— Пока нет.

— Это не значит, что цена не списалась.

— Знаю. — Он помолчал. — Мне теперь в суде не доказать, что Рита моя сестра?

Варвара закрыла глаза.

— Не доказать.

— А ей самой?

— Не знаю. Я не стану обещать, что получится.

— Непривычно слышать от вас честное «не знаю».

— Привыкай.

Тим снова достал фотографию.

— Она моя сестра, — сказал он.

— Я слышу, — ответила Варвара.

— Я не прошу верить. Просто говорю.

Она взглянула на него. Слабая улыбка мелькнула и исчезла.

— Это и есть самая неудобная для Палаты вещь. Люди могут говорить правду, даже если у них нет доказательств, которые Палата согласна принять.

Сева вышел из подъезда с помятым чемоданом. Внутри что-то звонко перекатывалось.

— Не надо смотреть на него с таким лицом, — сказал он. — Я знаю, он выглядит как труп после неудачного вскрытия. Но пружина работает. Остальное соберу заново.

Он поставил чемодан в багажник.

— Тебе тоже пришлось заплатить? — спросил он Тимофея.

— Да.

— Дорого?

Тим посмотрел на фотографию.

— Дороже, чем у меня было.

Сева хотел пошутить, но передумал. Просто положил здоровую руку другу на плечо.

— Тогда давай хотя бы не будем делать вид, что всё нормально.

Тим кивнул.

У подъезда появилась Соня, держа в руках маленький сложенный листок.

— Это вам, — сказала она.

— Что это?

— Я нашла под книгой, когда все кричали. Там написано про мальчика с коробкой. Я подумала, вы его ищете.

Она протянула бумагу Тимофею.

Это был не лист тетради, а узкая полоска, застрявшая между клеёнчатой обложкой и деревянной полкой. Бумага была старой, выцветшей, почти прозрачной. На ней помещались всего несколько строк.

«АКТ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОПРОСА. 2009».

«ОСНОВНОЙ СВИДЕТЕЛЬ: РУДНЕВ ТИМОФЕЙ АНДРЕЕВИЧ».

«ВОЗРАСТ НА МОМЕНТ ПРОИСШЕСТВИЯ: 8 ЛЕТ».

«ПОКАЗАНИЕ ПРИНЯЛА: РУДНЕВА МАРГАРИТА АНДРЕЕВНА».

Дальше шла фраза, написанная крупными неровными буквами, будто ребёнок продавил её карандашом сквозь несколько листов:

**«Я ВИДЕЛ, КАК ИХ ОСТАВИЛИ, НО
ОНИ НЕ СТАЛИ ОТ ЭТОГО МЕНЬШЕ».**

Тим перечитал её трижды.

Он не помнил, чтобы говорил такое.

Но почему-то точно знал, где в слове «МЕНЬШЕ» должен был сделать ошибку. Именно в этом месте ребёнок сначала написал не ту букву, а потом исправил.

Внизу стоял второй штамп. Более поздний, сделанный уже не детской рукой.

«ВОССТАНОВИТЬ ПРЕДПИСАНИЕ № 17-Л ПОСЛЕ ОБНАРУЖЕНИЯ ОСНОВНОГО СВИДЕТЕЛЯ».

«ПРЕДМЕТ: ЛИКВИДАЦИЯ Т. А. РУДНЕВА».

«ИСПОЛНИТЕЛЬ: КРОН В. Н.».

«МЕСТО ЯВКИ ИСПОЛНИТЕЛЯ: СТАНЦИЯ НУЛЕВОГО ПУТИ».

«СРОК: 06.04.2028, 04:00».

Тим медленно поднял глаза.

Варвара стояла по другую сторону машины. В свете фонаря она выглядела совсем молодой и совершенно измотанной. Она заметила бумагу в его руке. Узнала штамп ещё прежде, чем прочла фамилию.

И побледнела так, что стала похожа на человека, которого уже однажды вычеркнули.

— Тим, — сказала она. — Не читай последнюю строчку вслух.

Он посмотрел на часы.

03:31.

До четырёх утра оставалось двадцать девять минут.

И впервые за эту ночь самая страшная бумага оказалась не той, что пришла за людьми из Пустого дома.

Она пришла за ним.

Глава 5
ПРИКАЗ О ЛИКВИДАЦИИ

— Тим, — сказала Варвара. — Не читай последнюю строчку вслух.

— С чего бы? — спросил он. — Мне давно хотелось торжественно объявить о собственном убийстве. Человек должен иметь хобби.

Она протянула руку.

Не к нему — к бумажной полоске.

Тим отступил на полшага. Совсем немного, но Варвара это заметила. Её лицо осталось неподвижным, только пальцы, торчавшие из-под окровавленного бинта, медленно сомкнулись.

— Дай посмотреть, — произнесла она.

— Там написана ваша фамилия. Принадлежит она, насколько я знаю, вам. А бумага пока моя.

За его спиной хлопнула дверца автомобиля. Соня высунулась из салона; лягушка в короне выглядывала из кармана её куртки.

— Вы поссорились? — спросила девочка.

— Мы выясняем кадровый вопрос, — ответил Тим. — У моего начальства необычная система увольнений.

Кулик, закрывавший багажник, посмотрел на полоску. Он успел увидеть только номер предписания, но этого оказалось достаточно. Водитель выключил слуховой аппарат.

— Садись, девочка, — тихо сказал он. — Скоро поедем.

Соня не спорила. От этого стало хуже.

На часах у Севы было 03:32. Его повреждённый палец забинтовали наспех, повязка на плече под курткой промокла тёмным. Он держал медицинский пакет с таким видом, словно собирался лечиться прямо из него: оторвать уголок и выпить согласно инструкции.

— Тут про ликвидацию, да? — спросил он.

— Да, — ответил Тим.

— Кого?

Тим повернул лист так, чтобы Сева прочёл верхние строки, но прикрыл пальцем последнюю.

Тот прочёл фамилию исполнителя. Посмотрел на Варвару.

— Нет, — сказал Сева.

Ни вопроса, ни объяснения. Просто одно слово.

Варвара молчала.

— Это откуда? — спросил он.

— Под тетрадью. Соня нашла. Там ещё моё детское показание. Оказывается, в восемь лет я формулировал мысли куда лучше, чем сейчас.

— Тим, я спросил не тебя.

Сева впервые за всю ночь говорил с начальницей так, словно не существовало ни допусков, ни субординации.

— Вы знали об этом?

— О существовании предписания — да, — сказала Варвара.

— И о том, что вас назначили?

— Да.

Между ними прошёл грузовик. Настоящий, грязный, с рекламой минеральной воды. В кузове под тентом кто-то кашлянул. Лиса стояла у водительской дверцы и объясняла шофёру,

куда доставить людей из Пустого дома. Её жёлтая накидка мелькала на фоне серого металла, как предупреждающая ленточка на месте происшествия.

— Тогда у меня вопрос, — сказал Тим. — Очень личный. На уровне служебной характеристики. Вы меня убьёте?

— Нет.

Ответ прозвучал сразу.

Это не успокоило его ни на грамм.

— Как хорошо. Я уж думал, нам придётся испортить командный дух.

Варвара подошла ближе. Тим почувствовал запах йода и мокрой шерсти от её пальто.

— Выслушай меня до конца. Пока ты не произнёс место и срок вместе с моим именем, предписание находится в состоянии невручённого вызова. Если произнесёшь — станция услышит. Отсчёт начнётся не с четырёх часов. Он начнётся немедленно.

— Станция услышит? — переспросил Сева. — Она что, на громкой связи?

— У неё есть объявления, — сказала Варвара. — И они умеют отвечать.

— Восхитительно. А я боялся, что железнодорожный сервис уже не удивит.

Тим перевернул полоску. На обороте детским почерком шла одна-единственная неровная линия, словно маленькая рука хотела дописать что-то и передумала. Он посмотрел на неё дольше, чем следовало.

«Я видел, как их оставили, но они не стали от этого меньше».

Это говорил восьмилетний он. Вернее, его имя стояло под словами. А между ними лежало девятнадцать лет молчания, в которых несколько взрослых людей очень старательно старались, чтобы он ничего не узнал.

— Зачем тогда нам ехать на станцию? — спросил он. — Не прочтём — и замечательно. Можно посидеть дома, сварить пельмени. Предписание без объявления, счастливый конец.

— В четыре часа оно получит силу и без объявления. Молчание только даёт нам время. Двадцать семь минут, если мы не потеряем дорогу.

— И что там?

— Способ доказать, что отказ от приказа уже был.

Сева резко выдохнул.

Тим посмотрел на Варвару.

— Вы отказались?

— Я сказала: способ доказать. Не обещала, что у нас получится.

— Скажите сейчас человеческими словами.

Варвара смотрела на него неотрывно.

— Я ни разу не пыталась тебя убить, Руднев. Ни в ту ночь, ни потом. Я не могу сейчас объяснить всё остальное. Ты имеешь право мне не верить.

— Очень щедро. Я как раз искал, куда применить это право.

— Но если мы останемся здесь, решение за нас примет кто-то другой.

Лиса подошла сзади и сунула в карман жёлтой накидки мятую записку от водителя грузовика.

— Семеро поедут к людям Кулика. Я взяла номер знакомого Кулика, он их встретит. Доставка обычная, без моих прежних привилегий, так что если кому-то вдруг понадобятся волшебные квитанции, придётся писать от руки.

Кулик кивнул. Он уже успел договориться с другим водителем, чтобы тот сопровождал грузовик до нужного переулка. Старик явно не хотел оставлять семь спасённых людей без присмотра. Но и отпускать команду одну не собирался.

Соня вылезла из автомобиля и подошла к Тиму.

— Это опасно? — спросила она, глядя на полоску.

Тим присел на корточки. Ему хотелось сказать «нет» с такой уверенностью, чтобы поверила хотя бы она. Не получилось.

— Да.

— А зачем вы поедете?

— Потому что один взрослый когда-то написал, что я должен умереть. И теперь другие взрослые, возможно, вспомнили, где лежит бумага.

— А разве бумаге можно приказывать?

— У нас можно. У нас даже люди иногда разрешают.

Соня задумалась. Затем достала лягушку в короне и вложила ему в ладонь.

— Тогда возьмите короля. Он ни разу не соглашался.

Кулик открыл рот. Закрыл. Не стал поправлять девочку.

Тим посмотрел на маленькую зелёную фигурку. У неё отломился кончик золотой короны, а с одного бока облупилась краска. У предмета явно была насыщенная биография, хотя в муниципальной базе он наверняка проходил как «аксессуар без признаков жизни».

— Верну, — пообещал Тим.

— Не обязательно. Главное — чтобы вы сами вернулись.

В эту минуту Сева отвернулся к грузовику. Варвара поправила бинт. Лиса вдруг очень заинтересовалась шнурками на ботинках. Никто не хотел, чтобы девочка видела его лицо.

Тим убрал лягушку во внутренний карман, к фотографии Риты и ленте с показаниями четверга.

В 03:34 они тронулись.

. . .

Ночью Бережск выглядел городом, которому не заплатили за освещение. Фонари горели через два, мокрые витрины отражали пустую дорогу, а на перекрёстках светофоры продолжали честно регулировать движение, которого не было.

Кулик ехал слишком быстро для человека, который обычно предпочитал возмущаться соблюдением правил. На приборной панели осталось круглое светлое пятно — там прежде стояла коронованная лягушка.

Варвара сидела спереди. Один раз потянулась к рации, но передумала. Оставила прибор на коленях, не включив.

— В Палату не звоним? — спросил Тим.

— Нет.

— Я бы хотя бы отдел кадров предупредил. Пусть знают, что со мной происходит внеплановая ликвидация.

— Любой служебный канал подтвердит мою явку как исполнителя. Сейчас нас там нет. И это наша единственная полезная неточность.

— Приятно наконец-то оказаться хорошей ошибкой.

Сева сидел рядом с Тимом и чинил измерительный механизм. Он выпрямлял тонкую пружину ногтем здоровой руки, морщился и снова начинал.

— Если моя штука выдержит ещё один выезд, — сказал он, — я на ней женюсь. По крайней мере, у неё есть доказательства, что мы проводим время вместе.

— Посмотри на его паспорт, — сказал Тим. — Вдруг он уже женат на магнитофоне.

— Не мешайте, — буркнул Сева. — Я скрепляю отношения.

Варвара едва заметно повернула голову. Услышала эту шутку. Не улыбнулась.

Тим смотрел в боковое окно и пытался решить, что именно он чувствует. Страх был прост. Он уже несколько раз пережил то, что нельзя было пережить, и теперь нервная система перестала обсуждать с ним детали.

Другое чувство было хуже.

Он всё ещё хотел верить Варваре.

Женщина, которая вывела его с девятого этажа. Которая написала на бумаге «он жив», когда служебная система начала удалять его имя. Которая стояла с окровавленной рукой и не уходила, пока они не спасли четверг, чужие письма и людей в доме без адреса.

И которая всё это время знала про предписание.

— Почему я должен ехать туда с вами? — спросил он наконец.

— Не должен, — ответила Варвара.

— Тогда почему мы не развернёмся?

— Потому что тебе некуда развернуться. Если тебя обнаружат как основного свидетеля, предписание придёт по твоему следу. Станция — место его хранения, а не источник опасности.

— А вы?

Она не повернулась.

— Я — указанное лицо.

Сева перестал ковыряться в приборе.

Лиса подалась вперёд между сиденьями.

— Ребята, простите, что вмешиваюсь в самый душевный семейный разговор. Но мы не успеем, если продолжим обсуждать, кто кому обязан верить.

— У нас двадцать минут, — заметил Тим.

— На станцию — да. На то, чтобы пройти туда, где обычных пассажиров нет, — меньше.

В 03:39 Кулик свернул к старому вокзалу. Городская администрация закрыла его одиннадцать лет назад, объявив, что пассажиропоток не оправдывает содержания здания. С тех пор на табло висели три старых названия направлений, а на фасаде красовался плакат «ЗДЕСЬ БУДЕТ ЦЕНТР ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНИЦИАТИВ». Центр так и не появился. Судя по словам «ОБЩЕСТВЕННЫХ», выгоревшим до серого, инициативы давно покинули место происшествия.

Кулик остановил автомобиль у служебного входа.

— Здесь, — сказал он.

На кирпичной стене не было никакой таблички. Только дверь с круглой ручкой и двумя замочными скважинами.

— Замки должны открываться разными ключами? — спросил Сева.

— Один замок запирает дверь, — ответил Кулик. — Второй запирает факт, что она здесь есть.

— Понятно. Второй дорогой, наверное.

Кулик приложил к нижней скважине свой старый билет из плотного серого картона. Тим успел увидеть на нём пробитую цифру ноль.

Дверь открылась внутрь.

За ней был лестничный пролёт, пахнувший ржавчиной, холодным камнем и давно погасшим угольным отоплением. Вниз уходили двенадцать ступеней. На стене висела выцветшая стрелка «К ПЛАТФОРМАМ». Под ней другой рукой было приписано: «НЕ ВСЕГДА».

— Кто её написал? — спросил Тим.

— Скорее всего, последний, кто поверил первой, — сказала Лиса.

Они спустились.

На девятой ступени Тим услышал поезд.

Не грохот колёс. Не гудок. Звук множества людей, одновременно убравших ладони от стекла.

На двенадцатой ступени он увидел расписание.

В нём было ровно одно отправление:

«04:00. СОСТАВ № 17-Л. НАЗНАЧЕНИЕ: ЛИКВИДАЦИЯ».

А внизу, мелким шрифтом:

«НА СТАНЦИИ НУЛЕВОГО ПУТИ ПАССАЖИР ОПЛАЧИВАЕТ НЕ ПРОЕЗД, А НЕСОСТОЯВШУЮСЯ ПОЕЗДКУ».

— Самая точная реклама железных дорог, которую я встречал, — сказал Сева.

Тим попытался рассмеяться. Воздух вышел без звука.

. . .

Платформа лежала под старым вокзалом и не имела краёв в привычном смысле. С одной стороны тянулась белая линия безопасности. С другой — такая же. Между ними стояли скамейки, часы, киоск с закрытыми ставнями и желтоватый автомат продажи билетов. Рельсов видно не было.

Сева сразу присел у края. Положил на плитку гаечный ключ, подтолкнул его кончиком пальца. Тот перекатился через белую линию, остановился, а потом медленно поехал обратно, будто пол был слегка наклонён в обе стороны одновременно.

— Граница замкнута, — сказал он. — Там не путь. Там выбор направления.

— В каком направлении, по-твоему, поедут наши проблемы? — спросил Тим.

— Думаю, они давно купили обратный билет.

В центре платформы стояла служебная будка с зелёной лампой. В окошке сидела пожилая женщина в железнодорожной форме без погон. На носу — очки с толстыми стёклами, в руке — обычный синий карандаш. На столе перед ней лежала книга прибытия: слишком большая для человеческих коленей, слишком обычная для предмета, от которого зависели чьи-то жизни.

— Последние пассажиры? — спросила она, не поднимая головы.

— Служебная проверка, — ответила Варвара.

Женщина подтянула книгу ближе.

— Проверки у нас прибывают по вторникам.

— Сейчас четверг.

— Именно. Поэтому и спрашиваю, что вы забыли.

— Предписание семнадцать-эль.

Карандаш перестал двигаться.

Женщина посмотрела на Тимофея. Не на Варвару, которая назвала номер. Не на Севу с аппаратурой. Именно на него.

— Значит, отыскали мальчика, — сказала она.

Тим почувствовал, как затвердело лицо.

— У вас здесь все посетители так приветствуются? Мне двадцать шесть.

— Это не возраст, молодой человек. Это время, прошедшее с момента, когда вас оставили в расписании.

— Вы меня знаете?

— Я знаю тех, кто не доехал.

Она закрыла книгу ладонью.

— Зоя Петровна Юдина. Дежурная по станции. Не начальник, не судья, не палач. Если кто-то станет просить об исключении, говорю заранее: я могу написать жалобу лишь на себя, а она здесь не рассматривается.

Лиса тихо присвистнула.

— Юдина. Вы ещё работаете?

— Ты ещё таскаешь письма без обратных адресов? — ответила женщина.

— Теперь таскаю даже без льгот. Повышение квалификации.

— Успехов. Крон, предъявите основание явки.

Варвара положила ладонь на край окошка. На её бинте расплывалось свежее красное пятно.

— Запись о прежнем отказе от исполнения. Мне нужен архив отправления, которое не состоялось.

— Дата?

Варвара молчала секунду.

— Тридцать первое ноября две тысячи семнадцатого.

Тим вскинул голову. Невозможная дата стояла и в его паспорте — только год был другим. Рита подписала согласие на создание первого места в день, которого не было. Теперь Варвара назвала тот же день, но одиннадцатью годами позже его рождения.

— Вы опять используете несуществующий календарь? — спросил он.

— Здесь другого не принимают, — сказала Зоя Петровна.

Она повернула книгу к себе и перелистнула несколько листов.

— Отправление номер ноль-семь. Не подтверждено. Документ получен в отсутствие маршрута. Поезд не следовал. Исполнители не прибыли.

— Мы прибыли сейчас, — сказала Варвара.

— Сейчас у нас другое производство.

— Я требую доступа к исходному носителю.

Зоя Петровна подняла карандаш.

— Требовать может сотрудник с действующим допуском. Вы ещё сотрудник, Крон?

— Пока да.

— Тогда у вас есть право осмотреть состав до подачи отчёта. Не больше.

— Сколько осталось? — спросил Сева.

Дежурная взглянула на часы над киоском. Стрелки показывали 03:45.

— У вас четырнадцать минут до начала посадки и пятнадцать до отправления, — ответила она.

— Очень заботливо, — сказал Тим. — Особенно если учесть, что билет выписывают на похороны.

— Не на похороны. На несостоявшуюся поездку. Называйте вещи точно, молодой человек. У нас из-за неточностей целые составы с людьми теряются.

Она отперла под столом ящик и вынула три небольших картонных прямоугольника.

— Осмотр разрешён троим. Один из них обязан быть исполнителем. Остальные двое — независимые сопровождающие, не имеющие отношения к исходному предписанию.

— Значит, я, Тим и Сева, — начала Варвара.

— Нет, — сказала Зоя Петровна. — Предмет ликвидации сопровождающим быть не может. Он зарегистрирован как груз.

Тим едва не наклонился к окошку.

— Послушайте, я весом больше восьмидесяти килограммов. Какой из меня груз? Даже на ручную кладь не тяну.

Дежурная невозмутимо перевела взгляд на Севу.

— А вы?

— Я грузчик невезения, — ответил Сева. — Официально техник.

— Хорошо. Третья?

Лиса подняла руку.

— Независимый курьер.

— Последнее полномочие доставки было использовано на восемь писем, — сообщила Зоя Петровна. — Сейчас у вас нет служебного статуса.

— У меня есть ноги. Две. Разные шнурки, всё при мне. Хожу независимо.

Дежурная задумалась.

— Вы не сотрудница Палаты, не получатель груза и не назначенный исполнитель. Подходит.

— Наконец-то безработица дала мне преимущество, — сказала Лиса.

Тим дёрнул Варвару за рукав.

— А я что, останусь здесь, пока вы будете искать бумажку, из-за которой меня могут убить?

— Тебе нельзя входить в состав, — сказала она.

— Почему?

— Потому что из состава семнадцать-эль ты не выйдешь. Он уже предназначен тебе.

Дежурная поставила перед Тимом блюдце. На нём лежал билет с его именем. Билет был старый, пожелтевший, с закруглёнными углами. По краю шли двенадцать дырок компостера. Там, где обычно печатали дату поездки, стояло:

«2009. МАРШРУТ: НЕ ПРЕДОСТАВЛЕН».

Ниже:

«ПАССАЖИР ОБНАРУЖЕН 06.04.2028».

— Не трогайте, — сказала Зоя Петровна. — После прикосновения вы будете считаться принявшим билет.

Тим убрал руку. Дежурная отодвинула блюдце.

— Объясните, что это за место, — попросил он. — Без загадок и поздравительных речей.

Женщина уставилась на платформу, словно выбирала наиболее короткую формулировку.

— Иногда поезд уходит, но до места назначения не доезжает. Иногда в документах написано, что он не уходил вовсе, хотя люди помнят дорогу. Здесь хранят неприезды. Пока они хранятся, человек может вернуться домой другим способом. Когда выдают предписание о ликвидации, неприезд превращают в окончательный исход.

— То есть я не доеду до места, куда не ездил?

— Если подтвердят приказ — вы перестанете доезжать из две тысячи девятого. Это другое, чем смерть прошлой ночью. Смерть в двадцать восемь лет оставляет человеку детство. Неприезд из восьми лет — нет.

Ему похолодело.

— А люди, которых я встретил после восьми?

— Останутся людьми, — произнесла дежурная. — Но вы не сможете быть причиной того, что с ними случилось. Там, где их история зависит от вашего поступка, начнутся новые разрывы. Так устроено завершение маршрута.

Нина, стоящая посреди стираемого перехода. Севина рука в плёнке документального изъятия. Семеро из Пустого дома, пишущие настоящие письма.

Тим закрыл глаза.

— Значит, они нашли способ убить сразу несколько доказательств. Очень экономный отдел.

Зоя Петровна не возразила.

— Откуда приказ? — спросил он.

— Из режима чрезвычайной сверки. Первичная отметка — две тысячи девятый. Исполнитель назначен позже. Восстановление становится обязательным после обнаружения основного свидетеля.

— Я не свидетель. У меня нет воспоминания.

— Воспоминание не требуется для обнаружения. Только наличие человека, которому когда-то было что сказать.

Тим достал телефон. На экране вспыхнуло белое окно, видимое только ему.

«ДЕЛО № 0001».

«ПРОЦЕДУРА: ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПРЕДПИСАНИЯ 17-Л».

«ОСНОВАНИЕ АКТИВАЦИИ: ОСНОВНОЙ СВИДЕТЕЛЬ ОТДЕЛЁН ОТ ИЗЪЯТОГО ГРУППОВОГО ДОКУМЕНТА».

Он прочитал строку дважды.

Отделён.

Не обнаружен просто так. Не найден хитроумным врагом. Отделён от документа.

Когда он применил «Отвод», семеро вышли из процесса изъятия. Вместе с ними от тетради окончательно отделился и он сам — восьмилетний свидетель, чьё имя пряталось под чужими показаниями.

Третье вмешательство сработало. Семеро остались живыми.

И именно благодаря этому предписание смогло найти его.

— Тим? — спросил Сева.

— Пустяки, — ответил он. — Я только что прочитал, кто нас сюда привёл.

— Кто?

Тим поднял глаза на Варвару. Та стояла по другую сторону окошка и, кажется, догадалась без слов.

— Я, — сказал он. — Когда спасал их.

Сева потянулся к нему здоровой рукой, но Тим уже отступил.

Он вдруг очень ясно понял разницу между силой и ответственностью. Силой было заставить страшный документ перестать считать людей приложениями. Ответственностью — прочитать мелким шрифтом, что произойдёт с человеком, который держал документ за угол.

Никто не предупредил его о последней строчке.

Впрочем, на это у Палаты всегда находилась специальная печать: «ОЗНАКОМЛЕН ПОСЛЕ ИСПОЛНЕНИЯ».

. . .

Зоя Петровна взяла три талона. Поставила на них круглую печать с цифрой ноль и протянула Варваре, Севе и Лисе.

— На осмотр двенадцать минут. До отправления на платформе должны находиться все, кто собирается оспаривать маршрут. Не обращайтесь к пассажирам. Не называйте чужие имена. Не отвечайте, если услышите своё. Составы хранят несостоявшиеся прибытия, а не гостей.

— И вы из этого сделали профессию? — спросил Тим.

— Из этого сделали профессию без моего согласия, — сказала дежурная. — Разница не помешала мне двадцать семь лет приходить вовремя.

Под платформой простучали три коротких удара. Желтоватый свет посинел.

Там, где минуту назад не было рельсов, возник поезд.

Не целиком. Сначала потемнела длинная полоса воздуха, затем в ней обнаружились окна, двери, старые порожки вагонов. Состав словно выезжал из плёнки старой фотографии, которую кто-то слишком быстро проявлял. Краска была разных времён. Первый вагон зелёный, второй — выцветший голубой, третий напоминал пригородный электропоезд, четвёртый вообще не имел окон, только узкую серебряную кромку вдоль борта.

Ни у одного вагона не было номера, который легко удержать взглядом. Цифры сдвигались, как пассажиры в давке.

На первом вагоне появился мелом выведенный текст:

«СОСТАВ НУЛЬ-СЕМЬ. НЕ ОТПРАВЛЕН 31.11.2017».

Варвара увидела его и застыла.

— Есть, — выдохнула она.

Сева обернулся к Тиму.

— Мы найдём запись. Ты только не суйся в поезд.

— Что вы, — сказал тот. — Меня предупредили. Я образец послушания. В музее невыполненных приказов можно выставлять.

Лиса щёлкнула пальцами перед его лицом.

— На выходе встречаемся здесь. И если кто-то из нас вернётся с лишней биографией, проверьте, чтобы к ней прилагалась гарантия.

Трое вошли в голубой вагон.

Двери закрылись за ними без звука.

А из динамика над платформой раздался детский голос:

— Внимание. Поезд, на который вы не садились, задерживается по причинам, которые от вас скрыли.

Тим поднял голову. Голос звучал совсем близко. Он был не похож на голос Сони, Нины или какого-то известного ему ребёнка.

И всё же последнюю гласную он произнёс так, как Тим произносил её в восемь лет, когда стеснялся говорить при взрослых.

Зоя Петровна закрыла окошко будки.

Кулик положил ладонь на плечо Тимофея и молча показал на свой выключенный слуховой аппарат.

Впервые Тим подумал, что старик глушит не только угрозы, но и память.

. . .

Внутри вагона пахло горячим железом и мокрыми варежками. Сева не любил запахи, которые напоминали детство без всякого разрешения. Он помнил, как в восемь лет ехал с матерью в пригородной электричке и считал столбы за окном. Думал, если насчитает тысячу, поезд никогда не остановится, и ему не придётся идти в стоматологию.

Сейчас за окнами шла станция Нулевого пути. Столбов не было. Даже стоматологией не пахло — а это, по мнению Севы, уже было подозрительно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.